КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ОКТЯБРЬ.

Годъ девятый. ТОМЪ XXXI. 1890 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. Къ изученію украинскаго народнаго міровоззрѣнія. Ѳ. Р. Рыльскаго. (1-26).

II. Сынъ гетмана. Историческій романъ въ трехъ частяхъ изъ временъ Б. Хмельницкаго. IX—XI О. И. Роговой. (27—48).

III. Культурныя переживанія. (окончаніе) Проф. Н. Ѳ. Сумцова. (49—73)

IV. Украинскіе юмористы и шутники (Этнографическій очеркъ). И. С. Левицкаго. (74—93).

V. Сословныя нужды и желанія малороссіянъ въ эпоху екатерининской коммиссіи. Ив. В. Теличенка. (94—122).

VI. Документы, извѣстія и замѣтки. Лубенскій музей Е. Н. Скаржинской. Г. Отпустъ. А. Любича. Транспортъ вещей Петра I, арестованный на Волыни въ 1701 г. Сообщ. О. И. Левицкій. Къ литературной исторіи разсказа „Вусы". А. Твердохлѣбова Полозъ. Ив. Манжуры. Поправка. (123—152).

VII. Замѣтка о козацкихъ знаменахъ. (153—157).

VIII. Библіографія. Константинъ Гротъ. Изъ исторіи Угріи и славянства въ XII вѣкѣ (1141—1173). П. Г. К. Гурскій. Война Польши съ Турціей въ 1672 и 1673 г. Н. М. Д-ръ Вадей Рутозскій. Стихійныя бѣдствія Галичины. Н. М. И. Михалевичъ. Подольск. гимназіявъ Винницѣ. И. Каманина. Книги, вышедшія въ 1890 г. касающ. ю. Россіи (158-174).

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Марковичи. А. И. Маркевича.
2) Козацкія знамена 1758—62 гг.

КІЕВЪ.
Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., домъ № 4.
1890.

Въ редакціи КІЕВСКОЙ СТАРИНЫ продаются:

Монографіи по исторіи Западной и Юго-Западной Россіи. В. Б. Антоновича. Т. I. Кіевъ, 1885. Ц. 2 р.

П. И. Житецкій. Очеркъ литературной исторіи малорусскаго нарѣчія въ XVII и XVIII в., съ приложеніемъ словаря книжной малорусской рѣчи по рукописи XVII вѣка. Часть 1. Кіевъ 1889. Цѣна 2 руб. съ пересылкою.

О. И. Левицкаго. Соцініанство въ Польшѣ и Югозап. Руси въ XVI—XVII вѣкахъ, съ пересылк. ц. 60 к.

— Анна-Алоиза, княжна Острожская, съ перес. 45 к.

— Внутреннее состояніе западно-русской церкви въ польско-литовскомъ государствѣ въ концѣ XVI в. и унія, съ перес. 80 к.

— Ганна Монтовтъ, историко-бытовой очеркъ изъ жизни волынскаго дворянства въ XVI вѣкѣ, съ перес. 55 к.

Н. Бѣляшевскій, Монетные клады кіевской губ. К. 1889. Ц. 1 р. 25 коп., съ пересылк. 1 р. 50 коп.

В. П. Науменко. Обзоръ фонетич. особенностей малорусской рѣчи. К. 1889. Ц. 60 коп.

Мотыжинскій Архивъ. Акты переяславскаго полка XVII—XVIII в. Изд. Савицкихъ. Кіевъ. 1890. 8° 223 + XVIII стр. Цѣна 1 р. 50 коп.

Списки черниговскихъ дворянъ 1783 года. Матеріалъ для исторіи мѣстнаго дворянства. Изд. А. Лазаревскаго. Черниговъ. 1890 г. 8° 186 стр. Цѣна 50 коп. съ перес.

М. Грушевскій. Южнорусскіе господарскіе замки въ пол. XVI в. Кіевъ. 1890. Ц. 25 к.

Въ Историческомъ Обществѣ Нестора Лѣтописца могутъ быть пріобрѣтаемы:

Чтенія въ Историческомъ Обществѣ Нестора Лѣтописца. Кн. 1 1873—1877. Цѣна 2 руб. 2 кн. 2 руб. 25 к. За пересылку прилагается 25 к. Кн. 3, цѣна 1 руб. съ пересылкою 1 руб. 20 коп. Книга 4, цѣна 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 75 к.

Труды III-го Археологическаго Съѣзда. 2 тома in 4° и атласъ. Кн. 1878. Цѣна 10 руб. (вмѣсто 25 руб.), съ пересылкою 11 руб.

Съ требованіями обращаться въ Историческое Общество Нестора Лѣтописца въ Университетъ Св. Владиміра или въ ред. „Кіев. Стар.“.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

„КІЕВСКАЯ СТАРИНА“

будетъ выходить въ **1891 году** *(десятый годъ изданія)* по той же программѣ и въ томъ же объемѣ, какъ и въ предшествующіе годы.

Въ распоряженіи редакціи находятся слѣдующіе матеріалы и статьи: **Записки Мих. Чайковскаго (Садыкъ-паши); Записки О. А. Самчевскаго;** Г. В. Есипова, **Путешествіе императрицы Екатерины II въ южную Россію въ 1787 г.;** П. И. Житецкаго, **О языкѣ и поэтическомъ стилѣ малорусскихъ народныхъ думъ;** Н. Ѳ. Сумцова, **О вліяніи южно-русской схоластической литературы XVII ст. на раскольническую литературу XVIII ст.;** А. М. Лазаревскаго, **Очерки изъ исторіи южно-русскихъ селъ;** П. В. Голубовскаго, **Сѣверщина въ смутное время;** О. И. Левицкаго, **Очерки стариннаго быта Волыни и Украины;** Н. В. Молчановскаго. **Населеніе кіевской губерніи въ началѣ текущаго столѣтія;** Ѳ. Р. Рыльскаго, **Къ изученію украинскаго народнаго міровоззрѣнія;** Н. В. Шугурова, **Илья Ѳедоровичъ Тимковскій—педагогъ начала текущаго столѣтія;** С. П. Моравскаго, **Новгородсѣверскій сотникъ Лисовскій и мн. др.**

Подписная цѣна со всѣми приложеніями:

	на годъ.	на полг.
Съ пересылкой и доставкой .	**10** *р.* —	**6** *р.*
Безъ доставки	**8** *р.* **50** *к.*	**5** *р.*
За границу.	**13** *р.* —	**7** *р.*

Подписка принимается въ редакціи: Кіевъ, Малая-Владимірская, домъ № 32.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДЕВЯТЫЙ.

ТОМЪ XXXI.

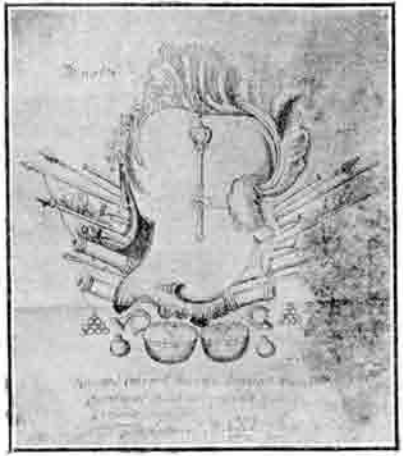
1890 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская улица, д. № 4

Дозволено цензур. Кіевъ, 13-го октября 1890 г.

Козацкія знамена 1758—62 гг.



Къ изученію украинскаго народнаго міровоззрѣнія.[1)]

Перейдемъ теперь къ изображенію жизни сложившейся уже семьи. Но прежде чѣмъ я это сдѣлаю, мнѣ необходимо сказать нѣсколько словъ объ источникѣ, къ которому я буду довольно часто обращаться въ этой части моего письма. Это—рѣшенія волостнаго суда.

Здѣсь, конечно, не мѣсто для исчерпывающаго трактата о данномъ предметѣ, но въ виду распространенныхъ о немъ односторонихъ мнѣній нельзя обратиться къ пользованію даннымъ источникомъ, не сказавъ о немъ нѣсколькихъ словъ.

Текущія мнѣнія о волостномъ судѣ, слишкомъ распространенныя въ публикѣ, сводятся къ тому, что рѣшенія волостныхъ судовъ лишены: 1) безпристрастной объективности, 2) устойчивости общихъ принциповъ, руководящихъ ими. Не отрицая возможности вліяній, колеблющихъ иногда объективность волостнаго суда въ нѣкоторыхъ случаяхъ, путемъ-ли писарскихъ вліяній или коррупціи тѣхъ или иныхъ членовъ суда, всякій, знающій нѣсколько ближе сельскую жизнь и рѣшенія волостныхъ судовъ, признаетъ, что эти случаи далеко не правило. Лучшимъ доказательствомъ этому служитъ то,—и здѣсь мы приближаемся ко второму упреку, направленному противъ волостныхъ судовъ, что при сколько нибудь внимательномъ изученіи ряда рѣшеній волостныхъ судовъ, мы легко можемъ установить общіе, руководящіе ими принципы, и достаточно нѣкоторой внимательности и опытности для того, что бы по самому содержанію рѣшенія

[1)] См. „Кіевск. Стар.“ 1890 г. № 9.

замѣтить случаи, которые можно заподозрить въ уклоненіи отъ объективности.

Правда, что установленію общихъ принциповъ, руководящихъ рѣшеніями волостныхъ судовъ, значительно мѣшаютъ шаблонныя привычки буржуазнаго мышленія. Разъ только жизненныя отношенія строятся на принципахъ нѣсколько иныхъ, чѣмъ тѣ, къ которымъ мы привыкли на основаніи существующихъ юридическихъ нормъ, разъ только замѣчается въ нихъ нѣкоторое движенье,—наша такъ называемая интеллигенція видитъ только хаосъ. Но недостатки зрительнаго аппарата не доказываютъ недостатковъ обозрѣваемаго предмета. Дѣло въ томъ, что при разсмотрѣніи вопросовъ, подлежащихъ рѣшенію волостнаго суда, онъ часто вводитъ принципы, непримѣняемые въ другихъ судахъ (напр., уничтоженіе договора въ виду его очевидной обременительности для одной изъ сторонъ, принципъ труда при опредѣленіи имущественныхъ правъ членовъ семьи и т. д.), далѣе, что относительная сила принциповъ, руководящихъ имъ, часто не приведена въ точную формулу. Отсюда видимыя колебанія, указывающія на поискиваніе этой формулы, а не на отсутствіе общихъ руководящихъ принциповъ. Неполное тридцатилѣтіе самостоятельныхъ судовъ крестьянскихъ и непригодность для крестьянской жизни юридическихъ нормъ, выработанныхъ внѣ ея, достаточно объясняютъ данную стадію правоваго міровоззрѣнія волостнаго суда. Выражая этимъ надежду на отысканіе имъ современемъ болѣе точныхъ формулъ соотношенія принциповъ, руководящихъ имъ, я, конечно, далекъ отъ пожеланія ему замкнуться въ неподвижныхъ формулахъ, неспособныхъ приспособляться къ измѣняющимся во времени условіямъ общественной жизни.

Я надѣюсь, что высказанныя здѣсь мною мысли найдутъ оправданіе въ фактахъ, сообщаемыхъ мною въ дальнѣйшемъ теченіи этого письма—здѣсь я только долженъ указать на то, что обобщенія, дѣлаемыя мною тамъ, нужно разумѣть очень ограниченно въ соотвѣтствіи со скромностію матеріала, изученнаго мною. Я пользовался рѣшеніями романовскаго, жидовецкаго и новоселицкаго волостныхъ судовъ съ 1861 до 1880 г. и рѣшеніями замѣнившаго ихъ почти вполнѣ романовскаго вол. суда

послѣ сліянія волостей съ 1881 до 1886 г., да кромѣ того, нѣкоторыми цѣнными указаніями, которыми я обязанъ любезности П. М. Дашкевича изучающаго данный предметъ въ значительно болѣе широкихъ размѣрахъ.

Теперь я постараюсь связать прерванную нить моихъ замѣтокъ, дополняя личныя наблюденія рѣшеніями волостныхъ судовъ, и обратно.

Начнемъ съ супружеской жизни. Объ этомъ предметѣ, какъ и о весьма многихъ другихъ, касающихся народной жизни, среди такъ называемой интеллигенціи распространены самыя неточныя понятія. Обостренная ссора, доходящая до ушей интеллигента или интеллигентки во время ихъ досужихъ променадъ, представляется имъ типомъ супружеской жизни крестьянства. Это понятно, такъ какъ такіе обостренные моменты выдаются наружу, а спокойная семейная жизнь съ девизомъ „зъ кимъ жыть, того не гнивыть“ течетъ тихо въ хатѣ и на полѣ среди заботъ трудовой жизни. Здѣсь встрѣчаются иногда тихія, хроническія самопожертвованія, которымъ цѣну знаетъ только тотъ, кто призадумался надъ трудными хозяйственными условіями этой жизни. Въ моемъ селѣ я знаю двѣ семьи, въ которыхъ неизлѣчимая болѣзнь жены лежитъ много уже лѣтъ тяжелымъ бременемъ на ихъ хозяйственной жизни. Одна изъ этихъ женъ покрыта гніющими ранами, другая—слѣпа. Я знаю, какъ тихо, безъ всякаго ропота, и не подчеркивая даже для себя своего поведенія, мужья этихъ женъ затрачивали все возможное по ихъ средствамъ на лѣченіе, пока была какая нибудь надежда на благопріятный исходъ его, какъ спокойно въ добавокъ къ своему мужскому хозяйскому дѣлу взяли они на себя заботы *коло печи*, домашняго хозяйства и дѣтей, а это, конечно, не равнозначуще съ окруженіемъ больной наемными гардмалядами и дѣтей боннами. Это, конечно, исключительныя условія, но простота и спокойствіе, съ которыми подчиняются имъ заинтересованные, указываетъ на общія свойства почвы, взростившей ихъ. Изліянія на нѣжныя темы передъ посторонними въ крестьянской средѣ очень рѣдки; развѣ подвыпившій мужъ, перефразируя пѣсню о чужой милой, вставитъ „а моя мыла краща, а моя

мыла лучша"; развѣ въ моментъ возбужденія, жена отвѣтитъ на ваше замѣчаніе о томъ, что вы любите ея мужа, такимъ простымъ и искреннимъ словомъ: „и я його люблю", котораго вы никогда не забудете. Но подобныя наружныя проявленія супружеской нѣжности рѣдки, она скрывается больше подъ покровомъ полу-ироническихъ обращеній. „Моя дивчына" называетъ охотно одинъ мой знакомый 50-лѣтнюю свою жену; „мій чорнявый" называетъ знакомая мнѣ женщина полупосѣдѣвшаго своего рыжаго мужа; „мій старый" и „моя стара", говорятъ о себѣ охотно молодые супруги. Я знаю одну старуху, недавно овдовѣвшую. При жизни старика не то, чтобы у нихъ не случались отъ времени до времени ссоры; послѣ смерти его старуха не прочь была пошутить на тему о томъ, что теперь ей можно *погулять*, такъ какъ у нея нѣтъ „воркуна дома", попричислить себя въ шутливомъ тонѣ къ „дивчатамъ". Въ такомъ именно тонѣ велись разговоры съ *невистками* и дочерью, собравшимися по случаю рождественскаго праздника. Ихъ мужья бесѣдовали пока за чаркою. Бесѣда шла довольно живо; „родычи и прыятели" прибывали въ домъ; пришли и *хлопци* съ *колядкою*—всё какъ бывало въ прежніе годы. Осмотрѣвшись, я удивился тому, что старуха такъ пристально всматривается въ окно. Къ ней ктото обратился съ вопросомъ, она отвѣчала, не измѣняя своего положенія. Дѣло въ томъ, что, охотно выдвигая наружу шутливыя рѣчи, она не хотѣла обнаружить потоковъ слезъ, которыми она обливалась въ настоящій моментъ. Въ молодыхъ супружествахъ сердечная связь ихъ дѣлается замѣтною для посторонняго наблюдателя въ то время, когда условія общей семейной жизни съ родителями и остальными членами семьи поставятъ въ соприкосновеніе съ ними спросъ жены на самостоятельную жизнь. Я помню—между прочимъ—разговоръ двухъ братьевъ. Неженатый упрекалъ женатаго въ недостаточной покорности родительской волѣ, распространяясь довольно широко на тему 5-ой заповѣди.—„Добре—оженышся, то тоди я послухаю, що ты будешъ казаты". И дѣйствительно, послѣ женитьбы младшій сталъ на туже оппозиціонную точку зрѣнія. Оттуда всеобщее стремленіе женившихся—выдѣлиться,

чтобы „одступыться одъ гриха“. Случается иногда, что коллективное вліяніе семьи вооружитъ временно молодаго мужа противъ жены, но въ концѣ концовъ жена беретъ верхъ. Я знаю довольно много такихъ случаевъ, помню, между прочимъ, долго длившіяся несогласія между знакомыми мнѣ молодыми мужемъ и женой. Жена долго оплакивала вліяніе мужниной семьи на мужа, но мало-по-малу дѣло приняло иной оборотъ. Сынъ отдѣлился; я былъ приглашенъ на *вхидщыны* въ новую хату. Молодыця была неузнаваема; какимъ то свѣжимъ весельемъ дышала ихъ супружеская жизнь, „у хати якъ у виночку“ просто, чисто, изящно, они самостоятельные хозяева, и потекла ихъ жизнь съ того времени тихо, согласно. Разногласія, вызываемыя въ домашнемъ быту спорами молодыхъ мужей съ родителями и другими членами семьи изъ-за женъ, оканчиваются обыкновенно домашнимъ образомъ: выдѣломъ женатаго сына, надѣленіемъ его частью земли, помощью въ постройкѣ хаты и др. хозяйственныхъ строеній. Иногда, однако, споры эти при бо́льшей неуступчивости сторонъ доходятъ до волостнаго суда. Въ романовскомъ волостномъ судѣ или въ судахъ, вошедшихъ въ настоящее время въ районъ этого суда, между 1873 и 1886 г. мною замѣчено 7 судебныхъ разбирательствъ такого рода споровъ, не считая дѣлъ, возбуждаемыхъ самими невѣстками съ свекрами или свекрухами, безъ прямаго указанія на участіе ихъ мужей въ этихъ спорахъ. Судебныя рѣшенія по этимъ дѣламъ указываютъ на то, что въ случаѣ хроническихъ, такъ сказать, причинъ недоразумѣній—общественная совѣсть не требуетъ пожертвованія интересовъ болѣе молодого поколѣнія произволу старшаго и считаетъ личную и хозяйственную эмансипацію молодого поколѣнія нормальнымъ исходомъ изъ данныхъ затрудненій. Такъ напр., въ 1873 г. въ жидовецкомъ волостномъ судѣ невѣстка жаловалась на своего свекра за то, что онъ вытѣсняетъ изъ хаты и отстраняетъ отъ имущества ее и ея мужа. Оказалось, что они работали и приработали въ хозяйствѣ. Отецъ объяснялъ, что онъ устраняетъ сына за дерзость, но утвержденія своего не доказалъ. Судъ рѣшилъ выдѣлить $^1/_3$ движимаго имущества и $^1/_3$ усадебной и полевой земли въ пользу сына и невѣстки.

Аналогичное рѣшеніе въ томъ-же судѣ въ 1879 г.; въ романовскомъ два въ 1884 г. Въ одномъ изъ этихъ рѣшеній свекоръ, не умѣвшій удержать жены и остальныхъ членовъ семейства отъ нанесенія обидъ невѣсткѣ, оштрафованъ въ 3 руб., причемъ добавлено, что если онъ не умѣетъ держать порядокъ въ семьѣ, то весной долженъ выдѣлить сыну и невѣсткѣ часть земли; въ другомъ, постановляющемъ обязательный выдѣлъ сына, указывается на то, что сынъ и невѣстка „въ теченіе 10 лѣтъ работали своему отцу С. и слѣдовательно, тѣмъ самымъ пріобрѣли право на участіе во владѣніи землей", причемъ на отца возложена обязанность дать сыну хату для отдѣльнаго жительства или 95 руб. на ея постройку.

Волостной судъ, какъ видимъ, руководствуется соображеніемъ, что „найкраща спилка чоловикъ та жинка", и что, предоставленные себѣ, они съумѣютъ устроиться. Пріятельское отношеніе, скрѣпляемое солидарностью хозяйственныхъ интересовъ и общими заботами о дѣтяхъ, составляетъ преобладающую норму крестьянской супружеской жизни, но самая трудность этой жизни со множествомъ заботъ, связанныхъ съ ней, вызываетъ нерѣдко общую раздражительность, нарушающую спокойное теченіе семейной жизни. Наивно формируется это въ одномъ изъ мотивовъ рѣшенія романовскаго волостного суда словами: „такъ какъ въ семьѣ не можетъ быть безъ спора". Эту общую бытовую подкладку споровъ, происходящихъ въ семьѣ, прекрасно уразумѣваютъ сами крестьяне. Въ крѣпостное еще время одинъ крестьянинъ говорилъ мнѣ: „панъ бье мужыка, мужыкъ зъ того сердця жинку, а жинка дитей". Панъ пересталъ бить мужика, но трудныя условія жизни бьютъ его съ разныхъ сторонъ. Одному моему знакомому, разспрашивавшему женщину о томъ, какъ ей живется съ мужемъ, она отвѣтила: „у насъ не те, що у васъ", у насъ хозяйственныя и семейныя заботы вызываютъ раздраженіе, мы часто споримъ, но мы живемъ вообще въ согласіи. Спорятъ и многое прощаютъ другъ другу. Извѣстный польскій писатель Ежъ, охотно черпающій свои сюжеты изъ украинской жизни, въ одной изъ своихъ повѣстей удачно сопоставляетъ раздуваніе до небывалыхъ размѣровъ мелкихъ вещей

въ шляхетской семьѣ съ терпѣливостью, съ которой жена-крестьянка, уговаривая нѣжно, провожала пьянаго мужа изъ корчмы домой.

Но разъ идетъ рѣчь о спорахъ между супругами, можно подмѣтить нѣкоторыя типическія ихъ причины.

Въ обыкновенномъ ходѣ супружеской жизни жена представляетъ болѣе уравновѣшенное, консервативное начало; она труднѣе поддается увлеченію, строже слѣдитъ за интересами исключительно семейными; въ крестьянской средѣ въ ея рукахъ обыкновенно и касса. Въ 1870 г. въ жидовецкомъ волостномъ судѣ судился по жалобѣ сельскаго старосты мужъ за то, что, продавъ корову, денегъ не отдалъ женѣ, говоря, что употребитъ ихъ на уплату долга, между тѣмъ держалъ ихъ „на пропой“. Рѣшеніемъ волостнаго суда онъ былъ оштрафованъ. Преобладающее въ этомъ отношеніи положеніе жены въ крестьянской средѣ мало извѣстно внѣ ея, а между тѣмъ оно составляетъ общее почти правило. Мужья признаютъ его *per tacitum consensum* и стараются сохранять въ тайнѣ передъ женами дѣянія, идущія въ разрѣзъ съ ихъ пожеланіями. Одинъ мой знакомый далъ въ займы сосѣду мѣрку жита, жинка его „грызла“, такъ какъ сосѣдъ не отдавалъ долга. Продолжая нуждаться, сосѣдъ опять обратился къ нему съ просьбой о займѣ, которая и была удовлетворена, но уже въ тайнѣ отъ жены. Я знаю и другіе подобные случаи. Заботясь о семейномъ имуществѣ, жены сурово относятся къ случаямъ, когда мужъ „не статкуйе; клыче Йвана и Демъяна, Петра, Грыця и Степана“ и когда въ этой *кумпаніи* „невеличкий, але чесний“ они благодарятъ Бога за то „що мы зибралысь, що мы соби трошечки понапывалысь“. Но прекрасная *кумпанія* разстраивается появленіемъ дѣтей, предупреждающихъ *татка*, что „мамуня йде, всимъ бида буде“. Въ этотъ трудный моментъ „йидни кажуть: искрыймося; други кажуть: прызнаймося; йиденъ каже: седымъ тыхо; другий каже: буде лыхо“ и только наиболѣе заинтересованный Куперьянъ старается прикрыть внутреннее волненіе сентенціей: „якось то буде“ [1]). Я знаю многихъ „Куперьяновъ“;

[1]) Изъ пѣсни о Куперьянѣ въ сборникѣ Н. В. Лысенка.

одинъ изъ нихъ утѣшалъ себя въ случаѣ „жиноцькойи грызы“ соображеніемъ, что „симъ литъ макъ не родывъ, а голоду не було“, или тѣмъ, что „зъ ныхъ судця не майе“, но тѣмъ не менѣе, когда обстоятельства благопріятствовали, старался удалиться незамѣтно въ *пасику* отъ *жиноцькои воркоты*. Болѣе часто повинные въ подобныхъ нарушеніяхъ домашняго порядка мужчины являются вмѣстѣ съ тѣмъ и толерантнѣе въ случаяхъ нарушенія его женами. Пока загуливанье жены является случайнымъ, пока ношеніе шинкарю яйець, пшона, муки не становится хроническимъ,—я совсѣмъ почти не знаю случая попрековъ, направленныхъ къ женѣ по случаю ея *гулянья*. Вотъ что говоритъ по этому поводу одна пѣсня:

Ой хмарыться—дощъ буде,
Прызнаюся вамъ, люде,
Черезъ свою сваволю
Попалась я въ неволю.
Пійшовъ мылый въ дорогу,
Пропыла я корову,
Сила соби журюся,
За корову боюся.
Прыйшовъ мылый зъ дорогы,
Мыла йому бухъ въ ногы:
—Що-жъ я, мылый, зробыла,
Коровыцю пропыла.
Мылый мылу цилуйе,
Коровыцю даруйе,
—Гуляй, мыла, здорова,
Буде друга корова.

Въ многихъ пѣсняхъ *жиноцькихъ* сквозитъ сознаніе этой уступчивости мужей:

Ой дай, Боже, здоровъячко
Мойему старому,
Що винъ мене не жене
Изъ корчмы до дому.
—Гуляй, гуляй, моя черноброва,
Поки моя головка здорова,
Бо якъ моя головка схибнеться,
Тоди твойе гулянья мынеться.
Гуляй, гуляй, мойе малюванья,
Тильки прыходь до дому заранья.

—Що-же то въ мене за гуляньячко,
Що до дому тай зараньячко:
Ото въ мене та погуляты—
Три дни дома та не буваты.

Въ устахъ *жиноцькихъ* это, конечно, болѣе заявленіе сознанія своей силы въ семьѣ, чѣмъ выраженіе дѣйствительныхъ пожеланій; для мужей же это, можетъ быть, и представляло бы иной разъ довольно соблазнительную перспективу... шутка-ли: тры дни дома не буваты... три дня не знать ни тяжелаго труда, ни вообще заботъ отъ міра сего. Да, при хорошей *кумпаніи*— хто цёму не радъ? но гдѣ же имъ найти женъ, которыя бы „не гналы изъ корчмы до дому?“

Нельзя, конечно, сокрушаться объ этомъ, особенно тому кто видывалъ, сколько иной разъ въ этихъ случаяхъ затрачивается доброты, нѣжности и терпѣнія. Бываютъ и другіе исходы. Иной разъ жена, угощаемая чарочкой для задобренія ея, забудетъ о первоначальной цѣли своего прихода и сама поддается соблазну.

Ой що ныты, то то я,
Що гуляты—то то я,
А робыты—не прибыты,
Бо здоровья нема.

Но бываетъ хуже. Правда, есть пословица, что „ще сорока не побилила, що-бъ жинка чоловика была“, но жизнь частенько расходится съ пословицами, иногда „сорока билійе“. Бываетъ и обратное. Впрочемъ, споры эти, хотя и принимаютъ иногда указанную грубую форму, преходящи, такъ какъ и вызывающія ихъ эскапады дѣло далеко не обыденное. Пьяницы— опять таки вопреки господствующему мнѣнію среди интеллигенціи,—рѣдко встрѣчаются среди крестьянъ. Каждый почти не прочь выпить при случаѣ, но питье безпросыпное, влекущее за собою разореніе хозяйства, встрѣчается рѣдко. Встрѣчается и оно, и тогда уже, дѣйствительно, женѣ „горе жыты изъ пъяныцею“. Многія пѣсни воспѣваютъ это горе,—между прочимъ, весьма распространенная пѣсня, о женѣ, выкупавшей коня вороного не разъ и не два, а потомъ проливавшей слезы въ садочку. Приведу слѣдующую, какъ меньше извѣстную.

Посію шалвію
Раненько въ недилю,—
За лютыны морозамы
Шалвія не сходыть,
За лыхыми ворогамы
Мій мылый не ходыть.
Хочай вона зійде,
Одъ сонця завъяне—
Иде мылый зъ корчмы пъяный,
На мене не гляне.
Иде зъ корчмы пъяный,
Напився пъяненькій.
—Ой одчыны, моя мыла,
Бо я твій мыленькій.
—Ой не очынюся,
Бо тебе боюся,
Зачую твій голосочокъ,
Та куды я дынуся.
Въ виконце не вспію,
А въ двери не смію.
Розступыся, сыра земле,
Сама пійду въ тебе!
Земля розступылась,
А я проступыла,
Просты-жъ мени, Матиръ Божа,
Що я согришыла.

Экономическое разореніе семьи, дѣти, оставленныя на произволъ судьбы („то не моя голова, сама ты ихъ прывела, мусышъ годувать", по словамъ одной пѣсни), грубость въ обращеніи съ женой со стороны мужа-пьяницы невыразимо тяжелымъ бременемъ ложатся тогда на плечи жены и понятнымъ становится ея желаніе „проступыты въ сыру землю".

Рѣже, но случается и то, что жена разоряетъ хозяйство. Мука, пшено, курки, яйца—все постепенно переходитъ во владѣніе шинкаря, дѣти остаются безъ присмотра въ хатѣ „голодни и голи". Живо рисуетъ положеніе такой семьи довольно извѣстная пѣсня о Семенѣ, оравшемъ въ то время, когда „жинка його Катерына у корчми гуляла". Не дождавшись обѣда, онъ приходитъ домой и узнаетъ отъ дѣтей, что

„Пишла наша маты
Тай у лугъ по телята—
Ой щось вона говорыла—
Я не ваша, диты, маты".

Безпомощность мужчины—пахаря въ виду „дрибныхъ дитей" заставляетъ его удариться „объ полы руками... дитки-жъ мои дрибненькіи,та пропавъ же я зъ вамы".

Такимъ образомъ рядомъ съ случайными, такъ сказать, отступленіями отъ регулярнаго теченія домашней жизни встрѣчаемся иногда съ дѣяніями, глубоко подкапывающими хозяйственные и нравственные ея устои; первыя вызываютъ подчасъ вспышки раздраженія, вторыя—ставятъ заинтересованныхъ въ крайне трудное положеніе. Моментальныя вспышки болѣе или

менѣе скоро прощаются взаимно, и общественное мнѣніе не особенно шокируется ими, но иначе смотритъ оно на грубость, ставшую нормою отношеній или принимающую жестокія формы. Въ пересмотрѣнныхъ мною рѣшеніяхъ волостныхъ судовъ дѣлъ о грубомъ обращеніи съ женой или битьи ея было 16; въ 9-ти случаяхъ рѣшеніемъ суда было постановлено самое суровое изъ практикуемыхъ имъ наказаній—розги [1]); 3 раза постановленъ арестъ, 2 раза денежный штрафъ въ пользу мірскихъ суммъ, 2 раза внушенія объ обязанности жить въ согласіи. Эти послѣдніе 2 раза относятся къ случаямъ разногласія религіознаго: разъ жена, другой разъ мужъ перешли въ штундизмъ, и это служило поводомъ къ ссорамъ. Въ одномъ случаѣ мужъ приговоренъ къ розгамъ, жена къ аресту, въ одномъ—въ виду постоянныхъ нападеній и грубостей со стороны мужа пьяницы—судъ препоручилъ двумъ сосѣдямъ наблюдать за спокойствіемъ жены и защищать ее. Отъ П. М. Дашкевича я знаю, что и въ другихъ волостяхъ сквирскаго уѣзда волостные суды такъ же строго относятся къ грубому обращенію мужей съ женами.

Но въ явленіяхъ жизни, связанныхъ съ брачнымъ союзомъ, есть сфера, которой не способна окончательно регулировать ни традиціонная формула, несмотря на весь авторитетъ ея санкціи, ни соображенія домашняго порядка, ни натискъ общественнаго мнѣнія, ни диктуемыя имъ рѣшенія судовъ.

Ой уже день биленькій,
Та иде мій мыленькій,
И на поригъ ступайе,
Тяжко-важко здыхае.
—А де-жъ ты, мылый, шлявся,
А де ты волочывся,
А почною добою
Изъ чужою мылою?
Чы чужа-жъ мыла краща,
Чы чужа мыла лучша,
Чы на лычко билійша,
Чы на словце вирнійша?
—А чужа мыла краща,
А чужа мыла лучша,
И на лычко билійша
И на словце вирнійша.
А въ чужои мылои
И рушныкъ на килочку,
И рушныкъ на килочку
И бровы на шнурочку.

[1]) Приговариваніе къ розгамъ практикуется до сихъ поръ; но оно ослабѣваетъ. Въ шестидесятыхъ годахъ то и дѣло встрѣчается съ этимъ наказаніемъ. Независимо отъ этого, приговоры къ розгамъ въ огромномъ числѣ случаевъ не приводятся въ исполненіе въ болѣе близкое время.

Но не только мужу бываетъ подчасъ душно въ брачной атмосферѣ.

Знавъ-бы, знавъ-бы,
Молодъ не женывся,
Не по чомъ я бы
Въ свити не журився.
А ни дитьмы,
А ни жоною,
Пожурився-бъ
Молодъ самъ собою.
Запряжу я
Коня вороного,
Тай пойиду
До мылои въ гости.
—Здраствуй, мыла,
Здраствуй, здорова,
Чи спышъ мыла,
Чы усе-жъ ты чуйешъ?
Якъ спышъ мыла,
Такъ Богъ изъ тобою,
Не спышъ, мыла,—
Говоры зо мною.
—Ой рада-бъ я
Зъ тобой говорыты,
Такъ боюся
Законного мужа.
Законный мужъ
Винъ лежить на лавки,
Ой винъ бачe
Мои непорядки
Ой схопыся,
Туча громовая,
Тай убыё ты
Законного мужа.
Якъ схопылась
Туча громовая,
Тай убыла,
Кого я любыла.
Колыбъ знала,
Бога й не просыла,
Лучше бъ була
Зъ мылымъ говорыла.

(Кіевъ. Куреневка).

„Eine alte Geschichte, doch bleibt sie immer neu“. Первоначальная точка отправленія этой давней исторіи столь же давня, какъ сама жизнь, и по существу своему больше напоминаетъ яркое и теплое сіяніе солнца, чѣмъ „тучу громовую“, но данное непосредственное жизненное теченіе приходитъ въ коллизію съ санціонированной утилитарной формулой общественной жизни и вводитъ нерѣдко трагическій элементъ въ эту „давнюю исторію“.

... Въ Барышполѣ сидѣли три козака въ неволѣ, одинъ—за дивчыну, другой—за вдову, третій — „за мужнюю жону“. Первые два „не журылысь“, разсчитывая на то, что одинъ обвѣнчается, другой расплатится.

„Третій каже: я, братця, журюся,
Що йиденъ я у неволи остаюся“.

Для него нѣтъ надежды на исходъ, онъ только осматриваетъ стѣны темницы, проклиная пановъ и майстровъ за „узьки

виконця" и „тисну неволеньку" [1]) Напрасно, конечно, онъ такъ сурово проклинаетъ ихъ, все общество кругомъ солидарно съ ними, но напрасно и оно разсчитываетъ, какъ на способъ рѣшенія одной изъ самыхъ трудныхъ проблемъ общественной жизни, на „тисну неволеньку и узьки виконця". Какъ ни узки онѣ—лучи солнца проникаютъ сквозь нихъ, а съ ними и теплота, и жизнерадостность. Посмотрите на эту кучку селянъ, собравшихся въ праздничный день или какъ нибудь *при оказіи* за бесѣднымъ столомъ. На первыхъ порахъ въ разговорахъ чувствуется нѣкоторая тяжесть; трудности повседневной жизни притупляютъ болѣе быстрый обмѣнъ мысли и чувства, но мало-по-малу общество оживляется, разговоры о хозяйствѣ между мужчинами и сплетни о текущихъ мелочахъ между женщинами уступаютъ мѣсто болѣе общимъ вопросамъ. Выдвигается или какая нибудь громадская злоба дня, или информаціи и сужденія о томъ или иномъ учрежденіи, объясненія того или иного явленія природы или пріемовъ техники, разсматриваемыхъ уже сами въ себѣ, независимо отъ практическаго ихъ значенія для соучастниковъ бесѣды. А *чарочка*—между тѣмъ „ходыть—переходыть". Болѣе оживленная мысль стремится наружу, сдерживающія ея функціи уступаютъ мѣсто поступательному, экстенсивному ея проявленію, чувство свободнѣе развивается. И пошли пѣсни, этотъ широкій, увлекающій потокъ народной поэзіи. Отъ времени до времени прозвучитъ еще какая нибудь пѣсня съ общественной подкладкой, мужскіе баритоны прославятъ атамана, скинувшаго „зеленъ-жупанъ" для того, что-бы защитить отъ дождя „голотоньку", но мало-по-малу всплываютъ пѣсни, вынесенныя изъ *вечорныць*. *Господари* положили *попарубоцьки* другъ другу на плечи руки, образуя полукругъ, *згадалы* пѣсни ихъ давней улицы, *жиноцьки* сопрано подхватили ихъ и пѣсенное руководство перешло на женскую половину. Съ пѣснями давней и современной *улыци* оживаютъ чувства, сопровождавшія свободное *парубкуванья* и *дивуванья*, когда не было законнаго и незаконнаго, а былъ только *мылый* и *не-*

[1]) Изъ пѣсни въ сборникѣ Н. В. Лысенка.

любъ, глаза свѣтятся живо, молодо, жизнерадостно... и чтоже тутъ подѣлаютъ „узьки виконця и тисна неволенька“? Жизнь прорывается за ихъ предѣлы въ разныхъ формахъ. Одинъ мой знакомый, профессіональныя функціи котораго въ связи съ его личными качествами ставятъ его въ особенно благопріятное положеніе для изученія данныхъ явленій, говорилъ мнѣ, что супружескія невѣрности встрѣчаются довольно часто въ крестьянской средѣ, но что по большей части онѣ не влекутъ за собою дальнѣйшихъ послѣдствій. Рядомъ съ этими моментальными взрывами жизнерадостности идутъ тихія привязанности, скрываемыя въ глубинѣ сердца, и только изрѣдка выбивающіяся наружу. „Хиба якъ кого любышъ, то треба вже все залышыты“ говорила одна женщина моему знакомому. А сердце между тѣмъ говоритъ свое. „Мы зъ нымъ колысь любылысь,—говорила мнѣ одна пожилая женщина, оживленная приходомъ своего кума,—я його и теперъ люблю... тильки не подумайте що злого“, прибавила она. Случается и то, что страстъ не знаетъ *впыну* и вызываетъ преступленія.

„Ой прыходыть пидъ виконце.
—Добры-вечиръ, сердце!
Вона йому одказуйе:
Зарижъ жинку перше.

И требованіе исполняется не только въ пѣснѣ. Въ этюдѣ „Фатальная вдова“, помѣщенномъ въ „Кіевской Старинѣ“—сопоставлены разные варіанты, пѣсни, въ составъ которой входитъ цитируемый куплетъ, съ судебнымъ разбирательствомъ аналогичнаго дѣла. Въ судебной хроникѣ оно не единственное. Въ сквирскомъ окружномъ судѣ мнѣ случилось присутствовать при разбирательствѣ дѣла, въ которомъ любовникъ обвинялся въ убіеніи мужа при содѣйствіи жены. Интересно, что во время судебнаго разбирательства обнаружилось существованіе въ данномъ селѣ строгаго архаическаго воззрѣнія на половыя отношенія, выражающіяся въ обращеніи въ случаѣ надобности къ старостѣ весильному для того, что-бы „добуть весилья“.

Случаются и менѣе драматическіе, болѣе простые исходы или попытки къ нимъ.

Въ одномъ сосѣднемъ селѣ встрѣчается нѣсколько сожительствъ мужей, оставившихъ своихъ легальныхъ женъ, съ женами, оставившими мужей. Въ другомъ сосѣднемъ селѣ былъ такой случай: парубокъ пришелъ къ мѣстному священнику съ женою односельчанина, съ просьбою обвѣнчать ихъ, а если это невозможно, то благословить ихъ, такъ какъ они мужъ и жена.

Гражданскія сожительства встрѣчаются во всѣхъ почти селахъ въ небольшемъ количествѣ, встрѣчались они и прежде. Это главнымъ образомъ бываетъ въ случаяхъ, когда какія нибудь внѣшнія причины мѣшаютъ легализаціи брака. Это бываетъ, напр., жена солдата или кого нибудь другого, находящагося въ безвѣстной отлучкѣ, мужъ, покинутый женою, люди, связанные нѣкоторымъ свойствомъ, составляющимъ каноническую помѣху къ браку и т. п. Сельское общественное мнѣніе не шокируется особенно этими случаями; въ обращеніи житейскомъ односельчане не отличаютъ ихъ отъ легальныхъ паръ. Эти устойчивыя сожительства составляютъ очевидно самостоятельную группу явленій и въ нѣкоторыхъ только случаяхъ въ первоначальной стадіи своего развитія соприкасаются съ случаями нарушенія такъ называемой супружеской вѣрности, о которыхъ я говорилъ.

Но говоря объ этихъ случаяхъ, нельзя не коснуться вопроса о ревности, оказавшей столько добрыхъ услугъ романистамъ и драматургамъ и такъ много злыхъ услугъ дѣйствительной жизни. Присуща ли ревность нашей крестьянской жизни, въ какой мѣрѣ и формѣ, подвергается ли она смягченіямъ и какимъ?

Наши сельскія женщины, вообще говоря, значительно ревнивѣе мужчинъ. Это не значитъ, чтобы у сихъ послѣднихъ никогда не проявлялась ревность, но они свободны или почти свободны отъ той ревнивой подозрительности, которая присуща женщинамъ.

Ой пійду я до сусидочки вогню,
Тамъ я свого мыленького дослижу.
А мій мылый у сусидочки сыдыть,
Сусидóньку за билу ручку держыть.

Изъ сказаннаго прежде видно, что многія изъ нихъ не недоступны какому нибудь игривому *жарту*, а то и увлеченію, но это соображеніе мало смягчаетъ ихъ подозрительную раздра-

жительность. Мнѣ случалось выслушивать серьезныя и юмористическія конфиденціи мужей по этимъ вопросамъ, разсказы о томъ, какъ неосновательная, по ихъ утвержденію, подозрительность женъ вызывала домашнюю *мороку*, какъ жены долгое время совсѣмъ не говорили съ ними и т. п. Я видывалъ и расправу *дручкомъ* ревнивой жены съ мужемъ за игривый *жартъ* съ посторонней женщиной и т. п. Разъ я былъ свидѣтелемъ слѣдующаго разговора:—„И що-бъ ты сказавъ, говорила жена мужу, якъ бы хто такъ грався зо мною?"—„Серце мойе! я—бъ зрадивъ; я—бъ бачывъ, що я не чор-зна що выбравъ".—И дѣйствительно, пока дѣло ограничивается веселымъ болѣе или менѣе заигрываніемъ, мужчины мало обращаютъ вниманія, но въ случаяхъ болѣе крупныхъ является раздраженіе, довольно часто принимающее суровую форму кулачной расправы. Бываютъ и болѣе трагическіе случаи. Въ недавнее время въ сквирской сессіи окружнаго суда судился парень, убившій другаго парня, ухаживавшаго за одной съ нимъ дивчыной. Одна моя знакомая разсказывала, какъ она, заподозривъ мужа въ сожительствѣ съ *наймычкой*, проснувшись ночью, схватила топоръ съ намѣреніемъ убить ихъ, такъ какъ ей показалось, что они лежатъ другъ возлѣ друга. Оказалось, что она ошибалась. „Я сама себе злякалась", прибавила разсказчица. Но болѣе или менѣе обостренные порывы даннаго инстинкта улегаются обыкновенно. „На вику, якъ на довгій ныви", и селяне наши менѣе всего склонны ожидать, что на ней будутъ произрастать всегда только желательные для нихъ лично злаки, они привыкли смиряться передъ силой стихійныхъ явленій и пролагать свою житейскую *стежку* среди трудностей, ими вызываемыхъ. Эти привычки мышленія, эта умѣренность требованій отъ жизни способствуютъ спокойному исходу изъ данныхъ трудностей. Послѣ раздраженія, послѣ нѣкотораго времени взаимнаго избѣганія разговоровъ, нравственная связь супруговъ, связанныхъ множествомъ житейскихъ дѣлъ, вновь навязывается, освобождаясь постепенно отъ слѣдовъ даннаго раздраженія.

Я видывалъ подобные случаи.

Но бываютъ и случаи болѣе прямаго, сознательнаго торжества человѣчнаго самообладанія надъ даннымъ первобытнымъ

инстинктомъ. Дѣло было въ сосѣднемъ селѣ. Мужъ отбывалъ воинскую повинность, жена, остававшаяся въ его семьѣ, „прывела дитыну“ незаконнорожденную. Семья строго относилась къ *невисткѣ*, попрекамъ не было конца. Семья весело усѣлась за столъ, чтобы разговѣться по случаю какого то праздника, одна наша молодыця не разставалась съ горестнымъ чувствомъ, вызываемымъ отношеніемъ мужниной семьи. Въ этотъ моментъ является мужъ; взволнованная жена падаетъ ему въ ноги. „Роби що хочъ зо мною, карай мене, якъ знайешъ: це не твоя дитына“.— „Це твоя дитына, значыть, и моя дитына“.

Я знаю и другіе, менѣе выдающіеся, но аналогичные по своему смыслу случаи. Нужно ли смотрѣть на эти и вообще смягчающіе данныя коллизіи факты, какъ на проявленія исключительно личныхъ свойствъ единицъ, или же нужно предположить здѣсь связь единичныхъ фактовъ съ общимъ міровоззрѣніемъ той группы населенія, среди которой мы ихъ встрѣчаемъ? Я склоненъ къ послѣднему предположенію.

Дѣло въ томъ, что въ данномъ отношеніи общественное мнѣніе крестьянской среды подверглось, мнѣ кажется, значительному смягченію. Я слышалъ отъ мѣстныхъ стариковъ, что во время ихъ молодости провинившихся въ супружеской невѣрности обвертывали сукномъ, служащимъ при погребеніи мертвыхъ, и привязывали къ дереву около церкви во время богослуженія для публичнаго посрамленія. Послѣ богослуженія церковные братчики били вервіемъ провинившихся. Мнѣ указывали *лыпку*, возлѣ которой свершался данный обрядъ. Когда по этому поводу зашла рѣчь о разводѣ, то собесѣдникъ мой сказалъ, что по старинному разводъ состоялъ въ томъ, чтобы сторону, желающую развода, завернуть въ *куль* соломы и зажечь.

Теперь ни о взглядахъ, высказанныхъ по вопросу о разводѣ, ни о практикѣ, свершавшейся въ нашемъ селѣ *пидъ лыпкою*, не можетъ быть и рѣчи не только по внѣшнимъ причинамъ, но и главнымъ образомъ вслѣдствіе модификаціи міровоззрѣнія. Припомнимъ въ этомъ отношеніи сказанное по поводу обряда брачной экспертизы, отношенія односельчанъ къ нелегализированнымъ парамъ, добавивъ, что въ случаяхъ раздраженія

супруговъ по причинѣ нарушенія въ той или иной степени супружеской вѣрности—всѣ усилія болѣе близкихъ людей направляются обыкновенно къ смягченію этого раздраженія.

Это проявленіе общественнаго мнѣнія, въ текущей обыденной жизни, опережающей обыкновенно проявленія общественнаго мнѣнія, при болѣе торжественныхъ условіяхъ—въ рѣшеніяхъ волостнаго суда въ данномъ случаѣ. Конечно, при всякой модификаціи взглядовъ встрѣчаются колебанія, и если онѣ присущи обыденной жизни, то, понятно, нужно ихъ ожидать и въ рѣшеніяхъ волостнаго суда.

Какъ ни боюсь я злоупотреблять терпѣніемъ читателя, я рѣшаюсь привести краткое содержаніе большей части рѣшеній по даннымъ вопросамъ въ судахъ, книги которыхъ были пересмотрены мною, дабы читатель могъ самъ себѣ составить понятіе о данномъ предметѣ. Начнемъ съ дѣлъ о случайныхъ прелюбодѣяніяхъ и т. п.

Жидов. вол. судъ 1867 г. Солдатка за сношенія съ парубками, укравшими у нея мелкія вещи, оштрафована въ пользу мірскихъ суммъ.

1884 г. Ром. вол. судъ. Свекоръ за неприличныя предложенія невѣсткѣ оштрафовалъ въ 3 рубля.

1884 г. Ром. вол. судъ. Пріймаку-зятю отказано въ правѣ требовать отъ тестя землю въ виду того, что онъ не живетъ съ женою и ухаживаетъ за сосѣдкой.

1885 г. Ром. вол. судъ. Кумъ за блудъ съ кумой приговоренъ къ розгамъ, кума къ аресту.

1885. Ром. вол. судъ. Мужъ, ударившій жену, спавшую съ хлопцями, не признанъ виновнымъ.

1886. Ром. вол. судъ. В. жаловалась на Т. за то, что когда она спала пьяная въ клунѣ, Т. совершилъ надъ ней насиліе. Т. отрицаетъ фактъ, прибавляя, что не знаетъ, какимъ образомъ онъ зашелъ въ клуню, такъ какъ и самъ былъ пьянъ. Свидѣтельница показываетъ, что застала ихъ „въ прелюбодѣйномъ положеніи“, но В. не жаловалась ей на Т. Т. оштрафованъ въ 3 руб. въ пользу мірскихъ суммъ.

1886 г. Ром. вол. судъ. Мужъ, вызванный въ качествѣ свидѣтеля ссоры его жены съ другою женщиною, сознался

въ прелюбодѣяніи съ ней. Судъ приговорилъ свидѣтеля къ розгамъ.

Перейдемъ къ рѣшеніямъ, касающимся болѣе или менѣе постояннаго сожительства.

1864 г. Новос. вол. судъ. А. жаловался на Т. (холостаго), что тотъ „прельстилъ" вдову его брата М., жилъ съ нею 3 года и взялъ 37 руб., которыхъ не отдаетъ. Сожительство подтвердилось, но оказалось, что деньги заработаны вмѣстѣ. Судъ рѣшилъ: взыскать съ Т. въ пользу М. 10 рублей, въ пользу церкви 10 руб.

1872 г. Новос. вол. судъ. Мужъ въ пьяномъ видѣ сознался передъ женой въ любовной связи съ одной женщиной. Жена прослѣдила потомъ фактъ. Зашедшую во дворъ любовницу мужа она била вмѣстѣ съ своимъ братомъ. Съ бившихъ денежный штрафъ въ пользу битой, съ мужа и его любовницы въ пользу школы.

1874 г. Жидов. вол. судъ. Солдатка М. перешла съ 1-го іюня 1873 г. на жительство къ Д., жила съ нимъ до 1-го февраля 1874 г. Перешла она съ цѣлью обвѣнчаться съ Д., согласно съ его заявленіемъ. Принесла съ собой разныя движимости (рожь, поросенка, пряжу, ступу и т. д.). Расходясь, требуетъ возврата движимостей и платы за работу въ хозяйствѣ. Д. признаетъ и заработокъ, и движимость, за исключеніемъ поросенка, проданнаго и употребленнаго на общія потребности. Судъ признаетъ и заработокъ, и право на движимости со стоимостью поросенка включительно. Часть денегъ, присужденныхъ М., по общему согласію, удерживается на уплату общихъ долговъ.

1880 г. Новос. вол. судъ. Мужъ имѣлъ связь съ посторонней женщиною, послѣдствіемъ чего былъ ребенокъ. Она пришла во дворъ, требуя денегъ на крестины. Мужъ вмѣстѣ съ легальной женой били пришедшую. Судъ приговариваетъ мужа къ розгамъ, жену, какъ раздраженную, оправдываетъ.

1885. Ром. вол. судъ. Г. жалуется на мужа А., что онъ притѣсненіями заставилъ ее выйти изъ дома, взялъ къ себѣ любовницу Х. и, когда жена Г. возвратилась домой, желая жить вмѣстѣ, А. прогналъ ее. Мать А. подтверждаетъ жалобу Г., про-

ситъ объ удаленіи любовницы, такъ какъ она не оказываетъ ей уваженія, подобающаго матери. Судъ рѣшилъ согласно съ просьбой матери.

1885 г. Ром. вол. судъ. Мужъ жилъ съ посторонней женщиной, жена съ постороннимъ мужчиной; теперь жена хочетъ сойтись съ мужемъ. Судъ рѣшилъ: пусть будетъ по желанію жены.

1885 г. Ром. вол. судъ. Е. жалуется на своего мужа И., что онъ, прогнавъ ее, живетъ съ другой. Мужъ говоритъ, что онъ 5 лѣтъ тому назадъ предлагалъ женѣ сойтись, но она не хотѣла, теперь онъ не хочетъ. Живетъ онъ дѣйствительно съ другою. Судъ приговорилъ И. „за блудную жизнь“ къ розгамъ.

А вотъ рѣшенія, касающіяся фактическаго разрыва брачнаго сожительства.

1884 г. Ром. вол. судъ. Мать Г. жалуется, что ея зять И. притѣсненіями заставилъ жену бросить домъ и идти въ службу; проситъ возврата движимостей ея дочери, И. говоритъ, что онъ хочетъ жить съ женой въ согласіи, но жена этого не хочетъ. Свидѣтели удостовѣряютъ притѣсненія Г. мужемъ. Судъ рѣшилъ: пусть И. возвратитъ движимости Г. до времени, пока они не помирятся между собою.

1885 г. Ром. вол. судъ. Если мужъ не хочетъ жить съ женою, пусть возвратитъ ей приданое.

1885 г. Ром. вол. судъ. Жена, не желающая возвратиться по требованію мужа въ его домъ, приговорена къ 2 дневному аресту.

1886 г. Ром. вол. судъ. Жена заявляетъ, что не живетъ и не хочетъ жить съ мужемъ; требуетъ возврата приданаго. Мужъ настаиваетъ на возвращеніи жены. Въ просьбѣ жены о возвратѣ приданаго отказано.

Я слишкомъ много привелъ рѣшеній для того, чтобы долго говорить объ общемъ ихъ характерѣ. Если кое-гдѣ мы встрѣчаемся съ колебаніями въ сторону традиціонной суровости, то мы часто встрѣчаемся и съ значительной свободой постановки вопроса. Обращеніе къ суровости чаще встрѣчаемъ при случайныхъ связяхъ; при постоянныхъ сожительствахъ значительно рѣже и то въ виду притѣсненій жены; встрѣчаемся и съ защитой судомъ

нелегальной сожительницы; въ фактическихъ расторженіяхъ легальнаго брака дѣло сводится главнымъ образомъ къ разсчету имущественному, подобно какъ и въ случаяхъ расторженія фактическаго сожительства. Во всякомъ случаѣ мы далеки отъ посрамляющихъ расправъ въ оградѣ церковной или теоріи развода путемъ сожиганія съ кулемъ соломы.

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію имущественныхъ отношеній супруговъ. Въ этомъ мѣстѣ я буду говорить главнымъ образомъ объ имущественныхъ правахъ женъ. Преобладающее явленіе — это выходъ женщины замужъ въ семью и на землю мужа. Иногда къ женщинамъ „прыстають прыймаки“ на землю женъ, но объ имущественныхъ правахъ пріймаковъ рѣчь впереди; здѣсь я хочу разсмотрѣть имущественныя права женъ, живущихъ на землѣ мужа. Въ общее хозяйство при выходѣ замужъ онѣ привносятъ обыкновенно только движимое имущество въ качествѣ приданаго (это одежда, подушки, мелкій, рѣже крупный скотъ и т. п).

Въ трудовой крестьянской жизни, въ которой вопросы урожая, заработка и прокормленія выдвигаются по необходимости на первый планъ,—общность экономическихъ интересовъ мужа и жены составляетъ естественно чрезвычайно важное связывающее начало супружеской жизни. „Найкраща спилка — чоловикъ та жинка“, говоритъ пословица, и дѣйствительно, это очень тѣсная *спилка*: радость и горе трудовой жизни ея соучастниковъ, зависитъ въ преобладающей степени отъ хода дѣлъ этой *спилки*. О томъ болѣе или менѣе строгомъ выдѣленіи сферы экономической дѣятельности, какое встрѣчается въ болѣе богатыхъ семьяхъ, здѣсь не можетъ быть и рѣчи. „Треба порадытысь изъ старою“, „не знаю, що мій старый скаже“ (старый и стара здѣсь только условные термины)—говорятъ при всякомъ сколько нибудь важномъ дѣлѣ. Это настолько установившееся понятіе народной жизни, что, напр., при продажѣ земли, принадлежащей мужу, не только онъ дѣйствуетъ послѣ предварительнаго совѣщанія съ женой, но и другая сторона, вступающая въ сдѣлку, требуетъ не разъ занесенія согласія жены въ соотвѣтствующій документъ.

Такого рода изъявленія согласія находимъ, напр., записанными въ книгѣ сдѣлокъ и договоровъ новоселецкаго и романовскаго вол. правленія въ 1868, 1870, 1886 г. Однимъ словомъ, при обыкновенномъ ходѣ дѣлъ и при жизни обоихъ супруговъ здѣсь нѣтъ и рѣчи о моемъ и твоемъ.

Но взглянемъ, какъ устанавливаются имущественныя права супруговъ въ случаѣ разногласія между мужемъ и женою или между ней и семьей мужа, а также въ случаѣ смерти одного изъ супруговъ.

1886 г. Ром. вол. судъ. Ѳ. жалуется на мужа О. и его отца А., что они, не желая заниматься хозяйствомъ, нанимаютъ избу и землю постороннимъ людямъ, а она съ ребенкомъ не имѣетъ чѣмъ кормиться и живетъ у своего отца, пока тотъ ее держитъ. О. и А. говорятъ, что отдаютъ землю въ наемъ по бѣдности, но послѣ истеченія срока аренды сами будутъ хозяйничать. Судъ, узнавъ изъ справокъ на мѣстѣ, что О. и А. не хозяйничаютъ по лѣности, присудилъ въ пользу Ѳ. съ ребенкомъ $^1/_3$ усадьбы и поля до времени, пока мужъ и его отецъ сами не станутъ хозяйничать.

Въ 1877 г. жидов. вол. судъ обязалъ свекра выдѣлить невѣсткѣ, мужъ которой находился въ войскѣ, $^1/_3$ земельнаго надѣла. Аналогичное рѣшеніе ром. вол. суда въ 1883 г.

Перейдемъ къ случаямъ, когда имущественныя права супруговъ опредѣляются подъ вліяніемъ смерти одного изъ нихъ. Приданое умершей жены возвращается ея родителямъ или ближайшимъ родственникамъ; иногда часть его оставляется въ пользу вдовца въ виду долгой болѣзни и расходовъ на лѣченіе жены, но не на похороны ея, расходы на которые относятся къ мужу. Въ этомъ смыслѣ въ разсмотрѣнныхъ мною рѣшеніяхъ судовъ я замѣтилъ 6 рѣшеній. Относятся онѣ (хотя это и не высказано) къ бездѣтнымъ женамъ, и потому новос. вол. судъ въ 1879 г. отказалъ отцу умершей въ возвратѣ приданаго его дочери, такъ какъ она оставила дѣтей.

Съ бо́льшей трудностью опредѣляются по рѣшеніямъ волостныхъ судовъ права вдовъ на участіе въ имуществѣ умершаго мужа, такъ какъ здѣсь, кромѣ вопроса о томъ, имѣетъ ли

вдова дѣтей и какого пола, принимается въ соображеніе новый элементъ, свойственный народному правовому міровоззрѣнію — именно: степень, въ которой вдова сроднась, такъ сказать, своимъ трудомъ съ даннымъ хозяйствомъ.

Въ пользу вдовы бездѣтной присуждаютъ отъ наслѣдниковъ мужа, кромѣ возврата ея приданаго, часть послѣдняго сбора хлѣба или вообще вознагражденіе за ея трудъ, положенный въ хозяйствѣ. Въ этомъ смыслѣ рѣшилъ дѣло жидовецкій вол. судъ въ 1862 году присуждая съ свекра въ пользу вдовы его сына часть движимостей; въ 1883 г. въ романовскомъ волостномъ судѣ вдова требуетъ съ брата покойнаго мужа части сбора хлѣба, собраннаго въ томъ году, или денежнаго вознагражденія. Судъ присуждаетъ въ ея пользу 12 руб.

Землю обыкновенно наслѣдуютъ сыновья за исключеніемъ дочерей; бываютъ по этому вопросу колебанія, но о нихъ рѣчь впереди. Общее правило таково, и потому вдовы имѣющія малолѣтнихъ сыновей, какъ естественныя ихъ опекунши, сохраняютъ за собою имущественныя права мужей.

Въ этомъ смыслѣ рѣшенія ром. вол. суда въ 1883 и 1885 г. Жидов. вол. судомъ примѣнено то же самое правило къ женѣ сосланнаго въ Сибирь. За ней признаны имущественныя права мужа въ виду того, что она имѣетъ сына. Въ иныхъ рѣшеніяхъ нельзя точно разобраться, такъ какъ вдовѣ съ дѣтьми присуждается та или иная часть земли, но не опредѣлено на число, ни полъ дѣтей. Впрочемъ, владѣніе мужниной землей вдовы, имѣющей мололѣтнихъ сыновей, въ качествѣ представительницы ихъ правъ, такое *minimum* имущественныхъ правъ ея, что дѣла подобнаго рода очень рѣдко доходятъ до суда.

Болѣе выдѣляются имущественныя права самихъ вдовъ въ случаяхъ, когда у нихъ нѣтъ сыновей, а только дочери, не наслѣдующія въ огромномъ большинствѣ случаевъ земли.

1884 г. Ром. вол. судъ. У. была замужемъ за Д., онъ пользовался вмѣстѣ съ братомъ З. половиною пѣшаго надѣла. Д. умеръ, оставивъ вдову съ сыномъ и двумя дочерьми. Сынъ умеръ тоже, У. вышла вторично замужъ. З. (братъ покойнаго Д.) владѣетъ всѣмъ полемъ, но согласенъ добровольно выдѣлить въ

пользу У. 1/8 пѣшака. Судъ присуждаетъ въ пользу вдовы У. съ ея дочерьми 1/4 усадьбы и пѣшаго надѣла, т. е. то пространство земли, которымъ владѣлъ мужъ. Здѣсь еще права вдовы сливаются съ правами дочерей, онѣ выдѣляются больше въ другихъ рѣшеніяхъ.

1886 г. Ром. вол. судъ. У вдовы два сына и дочь. Имущественный споръ между матерью и однимъ изъ сыновей судъ рѣшаетъ такъ: пусть мать пользуется вмѣстѣ съ однимъ изъ сыновей и дочерью 2/3 надѣла пожизненно; послѣ смерти матери сыновья раздѣлятся землей по ровну. (За ихъ сестрой послѣ смерти матери не признается права на удѣлъ въ земельномъ владѣніи).

1885 г. Ром. вол. судъ. Мать жалуется на сына, что онъ не содержитъ ее и ея дочери. Судъ рѣшилъ выдѣлить матери съ дочерью 1/3 надѣла.

Въ этихъ случаяхъ вдовѣ присуждается часть земли очевидно уже не въ качествѣ представительницы правъ дѣтей, а самостоятельно. Это самостоятельное право на удѣлъ въ земельномъ имуществѣ покойнаго мужа выступаетъ еще отчетливѣе въ другихъ случаяхъ:

1877 г. Ром. вол. судъ. Два брата пользовались по половинѣ надѣломъ, унаслѣдованнымъ отъ отца. Одинъ изъ братьевъ умеръ, оставивъ вдову съ сыномъ. Этотъ сынъ тоже умеръ и вдова вышла вторично замужъ. Братъ, оставшійся въ живыхъ, считаетъ себя единственнымъ наслѣдникомъ отцовской земли. Судъ призналъ за нимъ исключительное право на полевую землю, но такъ какъ въ усадьбѣ устроенъ съ его согласія домъ и другія постройки, то эти постройки и половину усадебной земли судъ присуждаетъ въ пользу вдовы.

1884 г. Ром. вол. судъ. Имущественный споръ между матерью и сыномъ. Мать К. вышла вторично замужъ за З. и удѣляетъ сыну 1/4 усадьбы и поля, истецъ сынъ требуетъ половины. Земля записана по уст. грамотѣ за отцомъ истца. Отвѣтчица говоритъ, что у нея дѣти отъ второго брака и что одинъ изъ сыновей отъ этого брака помогалъ деньгами при женитьбѣ

истца и выдачѣ замужъ его сестры. Судъ рѣшилъ: до смерти матери пусть будетъ какъ есть, послѣ ея смерти весь надѣлъ истцу.

1885 г. Ром. вол. судъ. Въ крѣпостное время дядя и племянникъ пользовались землей вмѣстѣ и отрабатывали панщину; по уст. грамотѣ земля записана за племянникомъ, но при жизни дяди они пользовались землей вмѣстѣ. Послѣ смерти дяди племянникъ не хочетъ удѣлить земли слѣпой вдовѣ дяди. Она проситъ о выдѣлѣ ей $^1/_8$ усадьбы, что судъ и присуждаетъ.

1886 г. Ром. вол. судъ. Вдова мать проситъ, чтобы ей была выдѣлена часть земли, оставшейся послѣ смерти мужа, такъ какъ всей землей завладѣли ея три сына и не содержатъ матери. Судъ рѣшилъ выдѣлить въ пользу истицы $^1/_4$ усадебной и полевой земли.

На основаніи приведенныхъ данныхъ въ общемъ, кажется, дѣло представляется такъ. Вдова, прожившая недолгое время съ мужемъ и бездѣтная, пріобрѣтаетъ только право на часть движимаго имущества, соотвѣтствующую ея труду (хлѣбъ послѣдняго сбора и т. п.); въ случаѣ если у нея малолѣтніе сыновья, она сохраняетъ — въ качествѣ представительницы ихъ правъ—права на недвижимое имущество мужа; присутствіе у нея дочерей не сообщаетъ ей непосредственно права на землю, такъ какъ при живыхъ братьяхъ сестры вообще не наслѣдуютъ отцовской земли, но служитъ указаніемъ на болѣе близкую связь вдовы съ жизнью и хозяйствомъ умершаго мужа. Судъ присуждаетъ ей въ этихъ случаяхъ право на пожизненное владѣніе частью наслѣдственной земли, при чемъ имѣетъ въ виду не дочерей, а вдову, такъ какъ присуждаетъ право на пользованіе частью земли до ея именно смерти. Если вдова жила болѣе долгое время съ мужемъ или съ дѣтьми, такъ что передъ судомъ она фигурируетъ уже больше въ характерѣ матери, чѣмъ въ характерѣ вдовы покойнаго мужа, то она пріобрѣтаетъ право на пожизненное пользованіе такою же частью земли, какъ и сыновья, иногда даже большею (тоже относится и къ отцамъ, какъ увидимъ впослѣдствіи), помимо которыхъ и вопреки которымъ,

въ случаѣ разногласія съ ними, судъ присуждаетъ ей эти права. Самымъ общимъ началомъ во всѣхъ этихъ случаяхъ, разъ продолжается кровная связь вдовы послѣ смерти мужа съ его семьей,—является стремленіе къ установленію пропорціональности правъ вдовы на имущество мужа со степенью ея трудовой связи съ хозяйствомъ покойнаго.

Ѳ. Рыльскій.

(Продолженіе слѣдуетъ)

Сынъ Гетмана.[1]

Историческій романъ въ трехъ частяхъ изъ временъ Б. Хмельницкаго.

ГЛАВА IX.

СЧАСТІЮ КОНЕЦЪ.

Время приближалось къ Пасхѣ. На суботовскомъ хуторѣ всѣ были заняты хозяйственными приготовленіями. Гетманъ любилъ проводить Пасху со всѣми членами семьи. Къ нему пріѣхали обѣ его замужнія дочери, имъ отвели особый флигель. Женщины готовили пасхи, красили яйца, жарили и фаршировали живность, словомъ снаряжали все, чѣмъ полагается украсить роскошный столъ на Свѣтлый праздникъ. Высокая, бойкая, статная козачка покрикивала на работницъ и весело пересмѣивалась съ окружавшими ее молодыми женщинами. Это была сама пани гетманша, третья жена Богдана.

На большой дорогѣ показался всадникъ, скакавшій во всю прыть на лихомъ татарскомъ бакематѣ. Пани Ганна заслонила глаза рукой отъ лучей яркаго весенняго свѣта и, осторожно переступая черезъ лужи въ своихъ великолѣпныхъ черевикахъ, вышла за ворота, чтобы посмотрѣть, кто это ѣдетъ.

— Да это Тимошъ! съ удивленіемъ проговорила она. Что это онъ прискакалъ, онъ хотѣлъ еще день пробыть въ Чигиринѣ.

---

[1]) См. „Кіевская Старина“ 1890 г., № 9.

Тимошъ подъѣхалъ къ воротамъ, ловко соскочилъ съ коня, взялъ его подъ уздцы и, кивнувъ мачихѣ на ходу, бросилъ поводъ подскочившему работнику.

— Гдѣ отецъ? спросилъ онъ у толпившихся въ дверяхъ женщинъ.

— Панъ гетманъ отдыхаетъ, отвѣчали ему.

— А Локсандра?

— Она тоже прилегла отдохнуть, отвѣчала гетманша. Ей сегодня цѣлый день нездоровится.

Тимошъ нерѣшительно остановился на порогѣ, соображая, куда ему сперва идти, къ отцу, или къ женѣ. Наконецъ круто повернулся и сказалъ Ганнѣ:

— Мнѣ надо видѣть батька, въ добромъ онъ расположеніи духа или дурномъ?

Пани Ганна усмѣхнулась и показала рядъ бѣлыхъ, блестящихъ зубовъ.

— Когда онъ нынче бываетъ въ добромъ? отвѣчала она. Намъ всѣмъ отъ него попадаетъ.

Тимошъ поморщился.

— Лиха бѣда! проговорилъ онъ. Ну, да что дѣлать, надо мнѣ его все таки видѣть.

Ганна опять засмѣялась.

— Тебѣ то ничего, проговорила она, ты съ нимъ, что хочешь, то и дѣлаешь.

— Да, вѣдь, и ты его не больно боишься, ты его зачаровала своими пѣснями. Если онъ очень на меня осерчаетъ, ты ужъ меня выручай...

Гетманша повела своими красивыми бровями.

— Для любаго сынка отчего не постараться, проговорила она.

Повернувшись на каблучкахъ, пани Ганна пошла въ кухню.

Въ кучкѣ женщинъ стояла и Локсандра, только что сошедшая внизъ изъ своей свѣтелки. За это время она пополнѣла, возмужала и, несмотря на скромный нарядъ козачки, рѣзко выдѣлялась изо всѣхъ. Сестры Тимоша часто дразнили ее, называя ряженою пани. Она не на шутку сердилась, увѣряя, что теперь она такая же козачка, какъ и онѣ.

— Какая ты козачка? смѣялись бойкія румяныя женщины. Ты такая бѣлая да нѣжная, что къ тебѣ и загаръ не пристаетъ. Тебѣ ни за что не проходить цѣлый день въ чеботахъ и не наработать столько, сколько мы можемъ.

— Когда у меня ушла работница, хвасталась невѣстка Выговскаго, я цѣлую недѣлю и стряпала, и за коровами ходила, и хату прибирала.

— Чтожъ, это и я могу, оправдывалась Локсандра. Вы сами не даете мнѣ ничего дѣлать.

— Голубонька наша! шаловливо обнимая ее, возражали сестры. А зачѣмъ тебѣ что нибудь дѣлать? У татка вонъ сколько наемнаго народу. Теперь не то, что прежде, когда намъ самимъ приходилось ему и саламату варить, и сапоги смазывать.

На этотъ разъ Локсандра настояла на своемъ, захотѣла испечь хоть одну бабу для Тимоша. Невѣстки обѣщали научить ее, какъ замѣсить тѣсто. И вотъ теперь, при общемъ смѣхѣ и весельѣ, Локсандра засучила рукава, готовясь приняться за это важное дѣло.

Въ эту минуту появилась на порогѣ пани гетманша и невольно смутила Локсандру своею лукавою усмѣшкою. Она выпустила изъ рукъ только что взятое яйцо и оно громко шлепнулось на полъ.

— Вотъ такъ яичница! засмѣялась гетманша.

Локсандра смѣялась вмѣстѣ съ другими и собиралась опять приняться за дѣло; но Ганна подошла къ ней.

— Хочешь, я тебѣ хорошую новость скажу, проговорила она.

Локсандра взглянула на ея лицо, вскрикнула и проговорила:

— Тимошъ пріѣхалъ! Чтожъ вы мнѣ раньше не сказали?...

Она побѣжала къ нему на встрѣчу; но гетманша остановила ее.

— Онъ теперь у батька; о дѣлахъ съ нимъ говоритъ.

Локсандра вернулась къ столу и принялась за опару, но далеко не съ такимъ увлеченіемъ, какъ прежде.

Двѣ работницы накрыли на столъ въ сосѣдней горницѣ и черезъ полчаса вся семья собралась къ обѣду. Тимошъ крѣпко

обнялъ Локсандру, она взглянула ему въ лицо и тревожно спросила.

— Что съ тобою? Ты нездоровъ?

Тимошъ смущенно опустилъ глаза.

— Такъ, ничего! отвѣчалъ онъ. Усталъ съ дороги.

У Богдана тоже былъ крайне озабоченный, суровый видъ.

— Къ тебѣ сестра твоя ѣдетъ, проговорилъ Тимошъ, садясь подлѣ Локсандры.

Локсандра выронила ложку изъ рукъ. Съ тѣхъ поръ какъ она была замужемъ, княгиня Радзивиллъ не только не удостоила ее своимъ посѣщеніемъ, но даже ни одною строчкою привѣтствія. Она, очевидно, не хотѣла ее знать; вотъ почему извѣстіе о ея пріѣздѣ такъ взволновало Локсандру. Къ чувству неожиданной радости примѣшивалось какое то смутное чувство опасенія. Локсандра сама не могла дать себѣ отчета, чего она боялась. Она понимала только одно, что сестра ея ѣдетъ не даромъ, что отъ нея что то скрываютъ.

— Какъ же мы примемъ такую важную гостью? спросила гетманша. Съ нею челяди наѣдетъ не мало, куда мы ихъ дѣнемъ?

— Она ѣдетъ совсѣмъ одна, лаконически проговорилъ Тимошъ.

Локсандра испуганно взглянула на него.

— Одна? проговорила она.

Внезапно подчиняясь какой-то блеснувшей у нея мысли, она быстро прибавила:

— А объ отцѣ ты ничего не слышалъ?

Тимошъ совсѣмъ смѣшался и съ минуту не зналъ, что ему отвѣтить. Онъ закашлялся, подергалъ себя за усъ и какъ то въ сторону пробормоталъ:

— Не знаю! Я не спрашивалъ!

Находчивая Ганна съумѣла замять разговоръ, хотя и ее мучило любопытство, что такое скрываютъ отъ Локсандры. Она стала разсказывать Тимошу все, что дѣлалось въ его отсутствіе, и этимъ вывела его изъ неловкаго положенія.

Когда женщины послѣ обѣда ушли, оставляя мужчинъ по обычаю допивать свое пиво, Богданъ сердито отодвинулъ отъ себя кружку и, топнувъ ногою, проговорилъ:

— Вотъ такъ шкода! Навязалъ ты мнѣ, сынку, жерновъ на шею.

— Что такое? освѣдомился Выговскій.

— Да вотъ, сынъ меня тестемъ подарилъ, съ сердцемъ проговорилъ гетманъ. Не умѣетъ самъ усидѣть на своемъ престолѣ, подавай ему войска, а откуда я его возьму? У меня у самого теперь поляки на шеѣ сидятъ. Другой то зятекъ, свѣтлѣйшій князь, палецъ о палецъ не ударитъ. А козакъ простъ, вали все на козака!

Тимошъ угрюмо слушалъ отца, не смѣя ему перечить; а Выговскій пытливо переводилъ глаза съ одного на другаго, заранѣе соображая, каковы должны быть замыслы у гетмана.

— И къ чему эта нѣдотрога княгиня сюда ѣдетъ? прибавилъ Богданъ.

— Она хочетъ тебя просить, татко, чтобы ты помогъ господарю.

— Да ты ее самое видѣлъ?

— Нѣтъ, я видѣлъ пана Загоровскаго. Князь Радзивиллъ думаетъ послать его къ тебѣ для переговоровъ. Онъ хочетъ мирить тебя съ панами.

Богданъ покусывалъ усъ.

— Опомнились! проговорилъ онъ. Забылъ его свѣтлость, какъ хотѣлъ меня извести заморскимъ зельемъ; теперь другую пѣсню поетъ. Эхъ, Тимошъ! Кабы не ты, я бы показалъ этимъ князьямъ, что значитъ гетманъ козацкій. Да и ее тоже жалко! прибавилъ онъ, кивнувъ головою въ ту сторону, куда ушли женщины. Дуже гарная молодыця! Такая, что и не тебѣ бы, дурню, подстать. Ну, поживемъ—увидимъ, закончилъ онъ, вставая, и залпомъ опорожнилъ кружку.

— Галю! кликнулъ онъ въ окно, увидавъ пани гетманшу, выбиравшую гусей на дворѣ.—Вели-ка подать мнѣ горилки, да покрѣпче.

— Татко! укоризненно вставилъ Тимошъ. Ты запьешь, а какъ же дѣло?

Богданъ сдвинулъ брови.

— Это еще что? учить меня вздумалъ! крикнулъ онъ. Развѣ я не знаю, когда пить, когда дѣло разумѣть? Ты помни, Тимошъ, прибавилъ онъ, подходя къ сыну и грозно сверкая очами, что ты противъ меня щенокъ и дурень. Какъ я прикажу, такъ и будешь дѣлать, а пока молчи!

И онъ вышелъ изъ комнаты, крѣпко хлопнувъ дверью.

На слѣдующій день пріѣхала княгиня Радзивиллъ; она была одна съ служанкой и гайдукомъ, старалась держаться просто, по родственному, хотя это, видимо, стоило ей большаго труда. Ее встрѣтили съ великимъ почетомъ. Гетманъ еще съ утра вылилъ себѣ ушата два холодной воды на голову, чтобы протрезвиться отъ вчерашней выпивки и вышелъ на встрѣчу княгинѣ свѣжій, бодрый, сіяющій, со всею любезностью и предупредительностью знатнаго пана, умѣющаго себя держать въ хорошемъ обществѣ.

Княгиня Радзивиллъ ожидала встрѣтить совсѣмъ иное. По разсказамъ мужа, она составила о немъ понятіе, какъ о грубомъ, неотесанномъ козакѣ, а видѣла предъ собою образованнаго, не глупаго человѣка, обладающаго неистощимымъ запасомъ остроумія, перемѣшаннаго съ безпечною веселостью. Послѣ первыхъ привѣтствій всѣ сѣли въ большой столовой „суботовскаго замка“, какъ въ шутку называлъ его гетманъ, и пани гетманша предложила гостьѣ откушать ихъ хлѣба-соли.

На столѣ появились всевозможныя постныя яства: уха, рыба отварная съ грибками, взваръ.

— Панъ гетманъ, конечно, знаетъ, зачѣмъ я къ нему пріѣхала, проговорила она, не замѣчая знаковъ, дѣлаемыхъ ей Тимошемъ. Я пріѣхала въ качествѣ просительницы и хочу надѣяться, что онъ не откажетъ въ своихъ милостяхъ.

Услыхавъ это, Локсандра, сидѣвшая подлѣ сестры, поблѣднѣла, задрожала и быстро схватила сестру за руку.

— Говори скорѣе! Отецъ... отецъ? спрашивала она прерывающимся голосомъ.

Вдругъ она почувствовала, что силы ей измѣняютъ, слабо вскрикнула и упала на руки сестры.

Произошло общее смятеніе. Локсандру отнесли въ ея комнату, и княгиня съ Тимошемъ остались при ней.

— Развѣ она ничего не знала? спросила княгиня.

— Мы скрывали отъ нея, отвѣчалъ Тимошъ, ей теперь не годится слышать такія вещи...

— Что дѣлать? со вздохомъ отвѣчала княгиня: рано или поздно она все таки должна это узнать... А что панъ гетманъ? Согласенъ ли онъ помогать отцу?

— Я думаю, что все устроится къ лучшему, отвѣчалъ Тимошъ уклончиво. Пани княгиня сама переговоритъ съ отцомъ...

Въ эту минуту Локсандра открыла глаза, молча взглянула на обоихъ и слабымъ голосомъ проговорила:

— Не скрывайте отъ меня ничего, мнѣ хуже оттого, что я ничего не знаю.

Княгиня въ нѣсколькихъ словахъ передала, въ чемъ дѣло.

— Матѳей Бассарба въ союзѣ съ Ракочіемъ подступили къ Яссамъ въ самое вербное воскресенье, когда никто не чуялъ бѣды, и господарь едва успѣлъ бѣжать со всею семьею въ Польшу, въ Каменецъ, къ молодому Потоцкому, котораго онъ спасъ изъ татарской неволи. Носится слухъ, что Бассарба посадилъ въ Яссахъ Георгицу; но навѣрное никто ничего не знаетъ.

Услышавъ это, Локсандра сѣла на кровати и проговорила:

— Я такъ и думала, такъ и знала. Какъ только мнѣ сказали, что ты сюда ѣдешь, сердце мнѣ подсказало, что съ отцомъ случилось что-нибудь дурное. Ты бы вѣдь иначе не вспомнила обо мнѣ, съ горечью прибавила она.

Княгиня смущенно опустила глаза подъ пытливымъ взоромъ сестры.

— Я постоянно думала о тебѣ, но мужъ мой не позволилъ бы мнѣ видѣться со тобою. Теперь все это измѣнилось, прибавила она. Янушъ надѣется расположить сеймъ въ пользу гетмана, и если ему удастся примирить васъ съ поляками, намъ ничто не будетъ мѣшать видѣться. Особенно, если панъ Тимошъ возвратитъ престолъ нашему отцу.

Локсандра встрепенулась.

— Зачѣмъ же Тимошу идти въ Молдавію? Гетманъ можетъ послать туда своихъ полковниковъ...

— Ты сама не знаешь, что говоришь, съ досадою возразила княгиня. Развѣ можетъ быть удача, если не Тимошъ поведетъ войско. Его имя гремитъ по всей Молдавіи, а для волоховъ оно страшнѣе меча.

Локсандра и сама это понимала; но разстаться съ мужемъ теперь въ самыя счастливыя минуты, знать, что онъ опять подвергается опасности, что его могутъ убить, взять въ плѣнъ, казалось ей слишкомъ тяжелымъ испытаніемъ. Она тяжело вздохнула и опустила голову; въ эту минуту ей хотѣлось, чтобъ слава Тимоша не гремѣла такъ далеко и чтобы волохи поменьше его боялись.

Тимошъ подошелъ къ ней и нѣжно ее обнялъ.

— Полно, голубка моя! Не печалься, я живо прогоню волоховъ и этого толстаго лжеца, усѣвшагося на престолѣ. Посажу опять твоего отца на престолъ, разгромимъ Валахію и я положу къ твоимъ ногамъ княжескую корону. И все это кончу раньше, чѣмъ ты успѣешь подарить меня сыномъ, съ тѣмъ, чтобы онъ родился принцемъ, прибавилъ онъ шутливо.

Локсандра слабо улыбнулась.

— Дай Богъ, чтобы все это такъ случилось! проговорила она. Что то сердце у меня ноетъ; какъ подумаю я, что ты снова пойдешь на войну, такъ бы и не пустила тебя.

— Ужъ вышла за козака, такъ и привыкай видѣть мужа разъ въ годъ, сказалъ Тимошъ, смѣясь.

Локсандра и это хорошо знала, и все таки ей было невыносимо тяжело, такъ тяжело, что она всю ночь не могла сомкнуть глазъ.

Княгиня пробыла нѣсколько дней въ Суботовѣ и лучше всякаго искуснаго дипломата съумѣла устроить дѣло, для котораго пріѣхала.

Тотчасъ послѣ Пасхи Тимошъ выступилъ въ Молдавію съ наказнымъ гетманомъ Ѳедоренкомъ и съ двѣнадцатитысячнымъ войскомъ, состоявшимъ изъ козаковъ, татаръ и карпатскихъ горцевъ.

ГЛАВА X.

ГНѢВЪ БОЖІЙ.

Въ Яссахъ было весело и шумно. Господарь праздновалъ свое вторичное вступленіе на престолъ цѣлымъ рядомъ торжествъ. Онъ не жалѣлъ на этотъ разъ своей казны, устраивалъ народные пиры, ристалища, турниры и вездѣ присутствовалъ самъ съ господаршей и Тимошемъ. Торжества и веселье заглушали вопли тѣхъ, чьи родственники и друзья покончили жизнь на плахѣ, а такихъ было не мало. Толпы придворныхъ порѣдѣли; онѣ порядкомъ поочистились отъ враговъ господаря, уступивъ мѣсто новымъ, болѣе надежнымъ боярамъ.

— Вотъ какъ по нашему, по козацки, хвасталъ Тимошъ: пришелъ, побѣдилъ, даже и не видѣвши хорошенько кого.

— Панъ Тимошъ превзошелъ самого Цезаря, вставилъ не безъ яда Кутнарскій.

— Чтожъ? то Цезарь, а то я! заносчиво проговорилъ Тимошъ, сдвинувъ брови и сердито поглядывая на пана.

Онъ его сильно не долюбливалъ.

Разговоръ этотъ происходилъ вечеромъ на четвертый день пребыванія въ Яссахъ, когда все небольшое общество сидѣло за ужиномъ на половинѣ господарши. Дежурныя боярыни усердно прислуживали за столомъ и, пересмѣиваясь, изподтишка посматривали на статнаго красиваго козака, непринужденно развалившагося въ богатомъ креслѣ въ полномъ сознаніи своей силы и могущества. Господарша тоже, казалось, только его одного и видѣла. Не замѣчая суроваго взгляда мужа, она предлагала ему лучшіе куски, не знала, какъ и чѣмъ угодить, и готова была сбить съ ногъ всю свою свиту, когда онъ высказывалъ какое либо желаніе.

— Ты нашъ спаситель! говорила она ему и трепещущая рука ея какъ то особенно сжимала его мускулистую, сильную руку. Безъ тебя мы бы пропали, намъ бы никогда не видать Яссъ. Ахъ, какъ счастлива Локсандра! прибавляла она со вздохомъ.

Князь Василій грозно посматривалъ на жену, а Тимошъ смѣялся себѣ въ усъ и безпечно принималъ поклоненіе тещи,

какъ нѣчто должное, не обращая вниманія, пріятно или непріятно это господарю.

— Что же, дорогой тестюшка, проговорилъ онъ, ты какъ будто и недоволенъ чѣмъ то?

Василій придалъ своему лицу самое озабоченное выраженіе.

— Я думаю, отвѣчалъ онъ, что мы теряемъ время. Враги наши не спятъ, они соберутся съ силами и снова двинутся на насъ. Надо ихъ предупредить.

— Я не прочь! бодро отвѣчалъ Тимошъ. Готовъ хоть сейчасъ идти въ Валахію, дѣло за твоими вождями.

— Мои войска тоже готовы, замѣтилъ господарь. Мы можемъ выступить въ походъ хоть завтра.

— По мнѣ хоть и завтра, безпечно отвѣчалъ Тимошъ. Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше; а сегодняшній вечеръ нашъ, весело продолжалъ онъ, я сегодня отдыхаю и слышать не хочу о дѣлахъ.

— Гей, музыкантовъ сюда! приказалъ онъ апроджу, стоявшему у дверей.

Тотъ быстро скрылся, спѣша исполнить приказаніе, а господарь поморщился и подумалъ про себя: „Однако, онъ начинаетъ хозяйничать, какъ у себя дома“.

Появилась музыка. Сербы со своими дудками и турки съ барабанами и тарелками.

— Ну, играйте козака! скомандовалъ онъ имъ.

Музыканты давно уже приспособились ко вкусамъ Тимоша, они разучили малорусскія думки и плясовыя. Правда, волынки и гудки пищали, барабанъ не всегда попадалъ въ тактъ; но усердствовали музыканты до того, что съ нихъ потъ лилъ градомъ.

— Эхъ! проговорилъ Тимошъ: се да не то. Кабы одного бандуриста, онъ бы всѣхъ ихъ за поясъ заткнулъ.

— Я съ удовольствіемъ исполню желаніе пана! проговорилъ Кутнарскій. Если пану Тимошу благоугодно обождать минутъ десять, я приведу бандуриста.

— Хорошо, пане! проговорилъ расходившійся Тимошъ. Тащи его сюда! Мы съ господаршей спляшемъ козачка на веселіе его свѣтлости.

Панъ Кутнарскій побѣжалъ исполнять порученіе Тимоша въ восторгѣ, что хоть разъ ему удалось услужить. А Тимошъ налилъ двѣ чарки котнарскаго и, подавая одну господаршѣ, съ поклономъ прогорилъ:

— А ну-ка, пани теща! побратаемся...

Господарша засмѣялась и покачала головой.

— Ты меня споить хочешь? Отъ такого крѣпкаго вина я съ мѣста не сойду.

— Ну, отхлебни глоточекъ; а я выпью твою и свою.

Господарша обмочила въ чаркѣ губы, Тимошъ выпилъ заразъ обѣ чарки одну за другою и, вытирая рукавомъ усы, проговорилъ:

— Теперь надо цѣловаться на побратымство.

Господарша засмѣялась и отодвинулась отъ него подальше.

— Добре жъ, то за тобою будетъ! А вотъ и бандуристъ, сказалъ Тимошъ и вскочилъ на встрѣчу чуть не столѣтнему дѣду.

— Ну, дидусю! играй ка казачка, да смотри такъ, чтобы всѣ косточки заходили.

Дѣдъ живо настроилъ свою бандуру; сыгралъ какую то заунывную прелюдію, и вдругъ сразу, неожиданно, послѣ самой короткой паузы, разсыпался мелкой веселой дробью по струнамъ. Звуки запрыгали, заходили, переплелись, перепутались, то сдвигались, то раздвигались и все росли, росли... На ихъ могучемъ фонѣ серебристо разсыпался задорный, забористый плясовой мотивъ.

У Тимоша, дѣйствительно, всѣ косточки заходили. Онъ вывелъ господаршу въ кругъ и пошелъ плясать страстно, съ увлеченіемъ, со всѣмъ пыломъ молодости, съ полнымъ разгуломъ мощной расходившейся силы.

Южная натура господарши тоже взяла свое. Она забыла и мужа, и стоявшихъ тутъ двусмысленно пересмѣивавшихся боярынь и чужихъ козаковъ, тоже насмѣшливо подергивавшихъ усы; она видѣла только Тимоша и граціозно кружилась съ нимъ въ вихрѣ бѣшеной пляски, не чувствуя утомленія.

Василій, заложивъ руки за спину, изподлобья посматривалъ на нихъ и, видя, что они не думаютъ кончать, махнулъ, нако-

нецъ, нетерпѣливо бандуристу. Тотъ понялъ этотъ жестъ и сразу оборвалъ мотивъ на полтактѣ.

Тимошъ съ господаршей остановились.

— Гарно играетъ дидусь! проговорилъ Тимошъ, утирая потъ. А ужъ теща пляшетъ такъ, что и умирать не охота.

Господаршѣ сильно досталось отъ мужа, когда они остались вдвоемъ.

— Какъ тебѣ не стыдно въ твои годы вертѣться, какъ дѣвчонкѣ, раздраженно говорилъ князь.—Завтра же тебя поднимутъ на смѣхъ всѣ придворные. Еще, чего добраго, памфлеты на тебя напишутъ... И по дѣломъ: ты совсѣмъ забыла этикетъ.

Господарша молчала и только ея блестящіе черные глаза скользили по лицу ея мужа съ затаенною ненавистью и презрѣніемъ.

На другой день войско выступило въ походъ къ валашской границѣ. Передъ отъѣздомъ Тимошъ отыскалъ господаршу въ саду. Она сидѣла у скалы на одномъ изъ выступовъ и задумчиво перебирала душистую вѣтку яблони.

— Прощай, пани теща! сказалъ Тимошъ, низко кланяясь. У меня за тобой должекъ.

Господарша подняла на него свои большіе глаза.

— Забыла, небось! проговорилъ онъ, присаживаясь подлѣ и взявъ ее за руку. — А побратымство то? Вѣдь, поцѣлуй за тобой остался. Вотъ теперь на дорогу онъ и будетъ кстати. Быть можетъ, убьютъ меня волохи...

Господарша грустно покачала головой.

— У тебя все шутки на умѣ, сказала она. А мнѣ за тебя такъ страшно, такъ страшно, что я лучше бы отъ престола отказалась. Да и что мнѣ въ немъ? прибавила она съ горечью; я завидую Локсандрѣ и сама хотѣла бы быть простою козачкою, только быть свободной, не чувствовать вѣчныхъ оковъ.

— Эге-ге! Чего захотѣла! серьезно проговорилъ Тимошъ. Не знаешь ты нашихъ козачекъ, чѣмъ онѣ свободны? Онѣ также должны во всемъ подчиняться мужьямъ, да еще всю тяжелую работу на плечахъ нести.

Господарша вздохнула и вдругъ, какъ бы увлекаясь внезапнымъ порывомъ страсти, она быстро обвила руками шею

Тимоша и прильнула къ его губамъ такимъ жаркимъ поцѣлуемъ, что на секунду у него закружилась голова. Но не успѣлъ онъ обвить ея станъ дрожащими руками, какъ изъ за кустовъ послышался звонкій, густой хохотъ и мелькнули черные, злые глаза. Господарша вскрикнула и бросилась къ замку, а Тимошъ бросился въ кусты.

— Зелима! прошепталъ онъ.

Онъ слишкомъ хорошо зналъ эти злые глаза и густыя, рѣзкія, почти мужскія нотки этого голоса. Но въ кустахъ все стихло; никого нигдѣ не было видно, только нѣсколько сломанныхъ вѣтокъ и обсыпавшихся цвѣтковъ ясно говорили, что это было не видѣніе.

Тимошъ обошелъ садъ, осмотрѣлъ всѣ уголки и все таки не нашелъ Зелимы. А изъ узкой разщелины скалы, куда казалось бы не пробраться и мыши, за нимъ слѣдили два зоркіе глаза и скорчившаяся въ три погибели Зелима прошептала ему вслѣдъ:

— Иди, иди, измѣнникъ! Ищи Зелиму тамъ, гдѣ ея уже нѣтъ! Скоро настанетъ твой часъ, и Зелима отомститъ тебѣ.

Грозное войско козацкое съ огнемъ и мечомъ прошло по Валахіи. Никому не было пощады; не останавливались ни передъ чѣмъ, избивали всѣхъ: мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Тимошъ какъ будто хотѣлъ подавить бушевавшія въ немъ страсти; онъ хотѣлъ заглушить укоры совѣсти, потопить въ крови воспоминанія и о Зелимѣ, и о господаршѣ, и о Локсандрѣ. Случалось, что козаки останавливались передъ святынею храма, гдѣ искали спасенія жители.

— Жечь и колоть! приказывалъ Тимошъ и въ глазахъ его свѣтилась ненасытная жажда крови.

Онъ самъ подавалъ примѣръ; а тѣхъ, кто не слушалъ его приказаній, рубилъ и кололъ безъ пощады.

Вся Валахія заволновалась. Передовыя войска волоховъ были разбиты, наконецъ, самъ Матѳей рѣшился выступить во главѣ своего войска и двинулся на встрѣчу ужасному врагу, получивъ помощь отъ Ракочія, подъ начальствомъ знаменитаго полководца Януша Кимени. Враги встрѣтились на берегахъ рѣки Яловицы

у мѣстечка Финта. Матѳей окопался, старался укрѣпить свой лагерь; козаки тоже образовали свой обычный четырехъугольникъ. Священники въ полномъ облаченіи ходили въ валашскомъ лагерѣ и служили молебны. Самъ князь исповѣдывался и пріобщился Св. Таинъ, онъ гордо сидѣлъ на конѣ, и объѣзжая войско, ободрялъ своихъ воиновъ, пришедшихъ въ ужасъ, при видѣ чуть не втрое превосходившей ихъ силы козаковъ.

— Не бойтесь! говорилъ онъ имъ. Надѣйтесь на Бога! Поддержите свою честь. Нужды нѣтъ, что войско врага превышаетъ насъ въ численности; мы знаемъ, что сила не въ количествѣ, а въ качествѣ. Мужайтесь же, храбрые воины! Богъ намъ поможетъ!

Въ козацкомъ лагерѣ Тимоѳей торопилъ всѣхъ къ наступленію; ему не сидѣлось на мѣстѣ, хотѣлось скорѣе кинуться въ битву, скорѣе сразиться съ врагомъ. Легкіе передовые козацкіе и татарскіе отряды бросились на валашскій лагерь, но получили дружный отпоръ. Самъ князь, въ сопровожденіи своей почетной стражи, кинулся впередъ, съ обнаженнымъ мечемъ, поражая непріятеля. Вдругъ онъ зашатался въ сѣдлѣ и навѣрное упалъ бы съ коня, если бы его не поддержали.

— Ваша свѣтлость, вы рискуете собою, говорили ему толпившіеся около бояре.

— Князь долженъ подавать примѣръ! проговорилъ онъ, пришпорилъ лошадь и помчался впередъ.

— Боже мой! вскрикнулъ кто то изъ бояръ. У князя вся нога въ крови!

Дѣйствительно, князь получилъ рану подъ самое колѣно, причинявшую жгучую боль, но онъ, не обращая на нее вниманія, скакалъ впередъ. Почти силою бояре заставили его сдѣлать перевязку. Какъ только она была окончена, Матѳей снова вскочилъ въ сѣдло.

Битва длилась до вечера съ перемѣннымъ счастьемъ. Груды тѣлъ покрывали поле битвы; а враги все не унимались, все съ большимъ ожесточеніемъ кидались другъ на друга. Козаки понемногу стали одолѣвать, и князь къ ужасу своему увидѣлъ, что передніе ряды смѣшались, а задніе стали медленно отступать къ рѣкѣ. Онъ поднялъ руки къ небу и воскликнулъ:

— Боже милосердый! Сжалься надъ моимъ войскомъ! Не дай ему погибнуть, ниспосли намъ чудесное спасеніе.

Въ ту же минуту въ валашскомъ войскѣ неизвѣстно откуда появилась женщина съ распущенными волосами, падавшими до пятъ. Она указывала рукою на небо, туда, гдѣ громоздился цѣлый рядъ высокихъ горъ и кричала бѣжавшимъ солдатамъ:

— Безумные, опомнитесь! Спасеніе ваше близко!

Дѣйствительно, изъ за горъ поднялась грозная черная туча и застлала все небо. Не слышно было ни грома, ни молніи, а туча росла, чернѣла и, что всего страннѣе, она скользила мимо валашскаго лагеря, задѣвъ его только однимъ бокомъ, между тѣмъ какъ надъ козаками обрушилась неожиданнымъ ужаснымъ ливнемъ. Это было такъ называемое крушеніе облака, явленіе обыкновенное въ горахъ, но валахамъ, не чаявшимъ ни откуда спасенія, оно показалось истиннымъ чудомъ; они быстро сплотились, забывъ бѣгство; а странная колдунья кричала имъ:

— Подождите, подождите! Дайте ливню кончиться, онъ смоетъ половину вашихъ враговъ.

Дѣйствительно, сила бурлившаго потока, обрушившагося съ неба, была такъ велика, что онъ сбивалъ съ ногъ коней и въ нѣсколько секундъ заливалъ ихъ вмѣстѣ со всадниками. Сильный вихрь свистѣлъ и ревѣлъ въ лагерѣ, точно тысяча вѣдьмъ пѣли похоронную пѣснь надъ погибавшими воинами. На всѣхъ напалъ суевѣрный страхъ. Молдаване первые обратились въ бѣгство; за ними послѣдовали татары, и только еще козаки держались на мѣстѣ и упорно боролись съ грозною стихіею. Въ нѣсколько минутъ вода сдѣлала такія опустошенія, какихъ за цѣлый день не могла произвести битва. Наконецъ, ливень сталъ стихать.

— Пора! крикнулъ Матѳей и бросился со своими воинами на разстроенные ряды козаковъ, не успѣвшихъ оправиться отъ неожиданнаго потопа.

Весь козацкій лагерь представлялъ озеро воды, она теперь быстро убывала, открывая груды труповъ, перемѣшанныхъ съ обломками возовъ, шатровъ и разной утвари.

Матѳей одержалъ полную побѣду. Ему достался весь лагерь, а двѣ тысячи козаковъ и нѣсколько тысячъ молдаванъ положили оружіе.

Василій, Тимошъ, Носачъ, Пушкарь и Ѳедоренко успѣли ускользнуть и поспѣшили въ Галацъ. Тимошъ тотчасъ же послалъ гонца къ господаршѣ, предупреждая ее о грозящей ей опасности. Господарша бровью не двинула при этомъ извѣстіи, послѣдніе дни она точно окаменѣла и, услышавъ о пораженіи, оживилась на одинъ только моментъ, когда ей сказали, что Тимошъ живъ и спасся. Вѣрныя ея боярыни совѣтовали ей бѣжать изъ Яссъ и она машинально послѣдовала ихъ предложенію, велѣвъ собрать всѣ сокровища и перевезти ихъ въ Сочаву.

Въ темную ночь перебралась и сама господарша съ своимъ шестилѣтнимъ сыномъ Василіемъ и нѣсколькими приближенными въ этотъ укрѣпленный замокъ и тотчасъ же послала гонца въ Галацъ, гдѣ еще находились господарь и Тимошъ. Василій рѣшилъ ѣхать въ Константинополь и просить помощи у султана, а Тимошъ вернулся въ Украйну, давъ знать господаршѣ, что онъ будетъ къ ней со свѣжими силами.

ГЛАВА XI.

РЕВНОСТЬ.

Локсандра съ тревогою ожидала вѣстей изъ Молдавіи; но ихъ не было. Гетманъ начиналъ безпокоиться и разсылалъ гонцовъ къ границамъ Украйны, но вотъ уже третій гонецъ пропадалъ безслѣдно, и Богданъ не зналъ, что и думать.

Стоялъ жаркій іюньскій день. Солнце жгло невыносимо, и Локсандра не знала, куда дѣться отъ безчисленныхъ мошекъ, мухъ и комаровъ. Она вышла изъ дому и пошла бродить по лугамъ обширнаго суботовскаго угодья, разсѣянно любуясь на косарей въ ихъ бѣлыхъ расшитыхъ рубашкахъ. У опушки молодой рощи она прилегла въ высокую траву и задремала.

Вдругъ она услышала сквозь сонъ, что кто-то назвалъ ее по имени. Въ полной увѣренности, что это кто нибудь изъ до-

машнихъ, она лѣниво полуоткрыла глаза; но вдругъ вскочила въ испугѣ, увидѣвъ надъ собою хорошо врѣзавшееся въ ея памяти лицо татарки. Въ первый моментъ, подчиняясь инстинктивному страху, она хотѣла бѣжать; но, увидавъ невдалекѣ косарей, оправилась и спросила:

— Что тебѣ отъ меня нужно?

— Не пугайся, госпожа! съ злобною усмѣшкою отвѣчала татарка. Зелима принесла тебѣ вѣсти изъ Молдавіи, хорошія вѣсти, какихъ ты и не ждешь...

Она засмѣялась беззвучнымъ, раскатистымъ смѣхомъ.

— Говори, говори скорѣе! забывъ страхъ, схвативъ татарку за руку, торопила Локсандра. Побѣдили они? Скоро Тимошъ вернется?

Зелима, видимо, наслаждалась нетерпѣніемъ Локсандры. Скрестивъ на груди руки, она стояла передъ нею и не торопилась отвѣчать, наконецъ медленно проговорила:

— Аллахъ наказалъ жестокаго козака; онъ наслалъ на него воду, а съ водою не такъ то легко воевать...

— Что ты говоришь? прервала Локсандра, я не понимаю тебя, говори яснѣе... Какую воду? Вѣдь они побѣдили?

Татарка отрицательно покачала головой.

— Нѣтъ, нѣтъ! проговорила она. Ихъ побѣдила вода, а волохи добили...

Локсандра схватилась за грудь и съ ужасомъ смотрѣла на татарку.

— Тимошъ здоровъ? спросила она нерѣшительно.

— Здоровъ! отвѣчала Зелима. Только не твой онъ больше, онъ измѣнилъ и тебѣ, какъ измѣнилъ Зелимѣ.

Локсандра выпрямилась; теперь она была увѣрена, что злая татарка все налгала.

— Неправда! крикнула она. Ты пугаешь меня, ты злая колдунья.

Зелима засмѣялась.

— Что жъ, ты узнаешь это и не отъ меня, проговорила она. Но Зелима никогда не лжетъ, она сама видѣла, какъ онъ цѣловалъ твою мачиху.

Это было уже слишкомъ; гнѣвъ Локсандры дошелъ до крайнихъ предѣловъ.

— Гей, люди! крикнула она.—Сюда!

Косари, работавшіе шагахъ во ста, поспѣшили на зовъ пани. Но Зелима, какъ дикая кошка, въ нѣсколько прыжковъ была уже въ лѣсу и всѣ розыски остались тщетными. Въ сильномъ волненіи вернулась Локсандра домой и сейчасъ же прошла къ гетману, безпечно курившему трубку въ саду подъ грушевымъ деревомъ. Она разсказала ему все, что съ нею случилось. Гетманъ въ тревогѣ вскочилъ съ мѣста и послалъ еще нѣсколько гонцовъ къ границѣ Молдавіи. Но это было напрасно, гонцы встрѣтились съ остатками козацкаго войска почти у самаго Суботова и вернулись вмѣстѣ съ Тимошемъ. Гетманъ чуть не плакалъ, услыхавъ объ участи посланнаго отряда. Волохи и плѣнныхъ не пощадили—всѣхъ порубили.

— Слышь, батько, пусти насъ опять отомстить волохамъ! говорилъ Носачъ.

Гетманъ ничего не отвѣчалъ. Онъ, угрюмый, прошелъ къ себѣ въ комнату и потребовалъ горилки.

— Гдѣ же отецъ? спрашивала Локсандра.

— Онъ ушелъ въ Турцію просить помощи у султана.

— А мачиха? спросила она немного дрогнувшимъ голосомъ.

— Бѣжала въ Сочаву, лаконически отвѣтилъ Тимошъ.

Локсандра вздохнула и прижалась къ мужу.

— Тимошъ! прошептала она робко. Ты не поѣдешь больше?

Тимошъ не понялъ вопроса.

— Не безпокойся, голубка моя! проговорилъ онъ: я не оставлю ихъ, я выпрошу у отца еще войскъ и пойду выручать твою мачиху.

Что-то кольнуло Локсандру въ сердце.

— Зачѣмъ тебѣ идти самому? быстро проговорила она. Можно послать имъ войско.

Тимошъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на нее.

— Вѣдь это твой отецъ, сердце мое! твоя мачиха, она взростила тебя! я думалъ, что ты просишь меня идти къ нимъ на помощь.

— Я изстрадалась безъ тебя, Тимошъ! страстно проговорила она, и не могу тебя пустить. Сердце чуетъ недоброе... Много

отецъ пролилъ крови на своемъ вѣку... Много слезъ текло изъ за него... Вотъ отчего ему и нѣтъ удачи... И не хочу я, чтобы и ты вмѣстѣ съ нимъ погибъ, и не пущу я тебя. Сама пойду къ гетману и попрошу, чтобы онъ не давалъ тебѣ войска...

— Сердце мое, нельзя этого! Я слово имъ далъ; а козацкое слово—надежное слово!

— Такъ пошли имъ войско. Мало ли у васъ полковниковъ?

— Не то это будетъ. Я обѣщалъ самъ придти, самъ и долженъ.

— Кому обѣщалъ? пытливо спросила она.

— Отцу твоему обѣщалъ, мачихѣ; я послалъ къ ней посла, сказалъ, чтобъ она сидѣла въ Сочавѣ, что я приду къ ней на выручку.

Локсандра гнѣвно взглянула ему въ лицо.

— Значитъ правда то, что мнѣ сказала татарка, задыхаясь, проговорила она.

— Какая татарка?

— Та, которой ты измѣнилъ такъ, какъ теперь измѣняешь мнѣ! Ступай, иди, защищай ее! Я вижу, что она тебѣ дороже меня.

Тимошъ молча, смущенно глядѣлъ на Локсандру.

— Про кого ты говоришь? спросилъ онъ тихо.

— Про нее, про ту, что стала тебѣ милѣе жены! Иди къ ней, защищай ее; а я умру здѣсь безъ тебя!

— Ты съ ума сошла, Локсандра! проговорилъ наконецъ Тимошъ. Не могу же я съ тобою оставаться здѣсь, когда я далъ слово придти спасать ихъ! И долженъ я отомстить волохамъ, они покрыли мою славу позоромъ... Какой же буду козакъ, если спрячусь за женину юбку, послѣ того какъ они меня побили!

Локсандра ничего не отвѣчала. Въ сильномъ волненіи она встала съ лавки и вышла изъ комнаты.

— Какая муха ее укусила? проговорилъ Тимошъ, глядя ей вслѣдъ. И чего тутъ напутала эта вѣдьма?

На другое утро Тимошъ пошелъ къ отцу. Несмотря на вчерашнюю выпивку, Богданъ, совсѣмъ бодрый, сидѣлъ за своимъ столомъ и писалъ какія-то письма.

— Батько, какъ же съ волохами? нерѣшительно проговорилъ Тимошъ. Нельзя же такъ оставить, надо имъ отомстить.

— Видишь ли, сынку! серьезно сказалъ Богданъ. Еслибъ мы не были съ тобою дурни, то мы совсѣмъ бы не связывались съ этимъ молдавскимъ волкомъ. Ну, да что дѣлать! Пропавшаго не воротишь. А теперь, если ужъ на то пошло, поддержать честь козацкую надо. Вотъ видишь, я и пишу грамоту, и пишу къ брату моему, турецкому султану, чтобы далъ онъ войска Василію.

— А ты развѣ ужъ знаешь, съ удивленіемъ спросилъ Тимошъ, что Василій уѣхалъ въ Константинополь?

— Все знаю, отвѣчалъ Богданъ, Носачъ и Пушкарь у меня здѣсь съ самаго утра сидѣли. Что дѣлать, сынку! противъ гнѣва Божія не пойдешь. А теперь бери опять войско, только много дать тебѣ не могу, у самого ляхи на шеѣ сидятъ... Тысячъ восемь дамъ и Ѳедоренка въ придачу. Султанъ моей просьбы послушается; а съ татарами вы, навѣрное, одолѣете волоховъ.

— Спасибо, батько! сказалъ Тимошъ съ низкимъ поклономъ.

— Чѣмъ скорѣе выступишь, тѣмъ лучше, продолжалъ Богданъ, по пословицѣ: куй желѣзо, пока горячо. Надо имъ не дать оправиться. А побьешь ихъ, садись на валашскій престолъ, удержать—удержимъ. Придется твоей горлицѣ еще безъ тебя поскучать! прибавилъ онъ, смѣясь.

Тимошъ тоже улыбнулся.

— Ея бабье дѣло! отвѣчалъ онъ. Пошла за козака, такъ сиди одна дома.

— Когда же ты думаешь собраться?

— По мнѣ, батько, чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше: волохи спать мнѣ не дадутъ, пока не разобью ихъ на голову.

— Добре, сынку! Что добре, то добре! Только горячиться не слѣдъ. Я тебѣ отберу людей, а твое атаманское дѣло пересмотрѣть, чтобы все было исправно. Казны на этотъ разъ жалѣть не будемъ. Пороху забирайте втрое. Знаю я Сочаву, крѣпость добрая, тамъ можно отсидѣться хоть годъ... Отстрѣливайтесь и отсиживайтесь, пока не подоспѣютъ татары... А тамъ съ Божьей помощью и схватитесь съ волохами... Ну, Богъ съ тобой, сынку! проговорилъ Богданъ, вставая. Ступай, принимайся за дѣло! Свой глазъ вездѣ нуженъ.

Тимошъ низко поклонился отцу и вышелъ.

Локсандра ходила сама не своя; она выносила сильную нравственную борьбу: съ одной стороны, она сознавала, что Тимошъ долженъ сдержать свое слово; она не могла не восхищаться его храбростью, его неустрашимостью; но слова татарки, съ другой стороны, не давали ей покоя. Съ какимъ то страхомъ она себѣ представляла, что Тимошъ будетъ сидѣть одинъ съ мачихою въ этомъ осажденномъ городѣ, будетъ видѣться съ нею постоянно, а она останется одна со своими невеселыми мыслями и опасеніями. Какая то тоска грызла ей сердце. Ей бы хотѣлось ни на шагъ не отпускать отъ себя Тимоша, а онъ между тѣмъ безпрестанно уходилъ отъ нея, занятый сборами въ походъ, и разсѣянно слушалъ ея упреки. „Онъ не любитъ меня больше!“ думалось Локсандрѣ и она горько плакала, уйдя въ свою свѣтелку.

— Полно горевать! утѣшала ее чернобровая Ганна. Наша женская доля такая. Вотъ, я помню, моя мать тоже была какъ ты. Уѣдетъ отецъ въ Сѣчь, она и ну плакать, не ѣстъ, не пьетъ; сама себя тоской томитъ... Ну, и истомила: въ тридцать лѣтъ стала старухой и не мила стала отцу; началъ онъ похаживать къ сосѣдкѣ, а мать совсѣмъ покинулъ... А по мнѣ хоть бы и совсѣмъ этихъ мужчинъ не было... Провались они! То ли дѣло безъ нихъ, тихо, смирно, никто не шумитъ. Есть о чемъ плакать!

Но эти утѣшенія еще больше растравляли сердце Локсандры; она не могла задавить тоски и сознавала, что отъ слезъ не похорошѣетъ.

Насталъ, наконецъ, день отъѣзда. Тимошъ стоялъ передъ Локсандрой въ боевомъ нарядѣ съ пистолетами и кинжаломъ за поясомъ, съ винтовкою за плечами, статный, молодцеватый, въ полномъ сознаніи своей юношеской силы. Краше чѣмъ когда либо онъ казался ей теперь.

— Тимошъ! Отрада моя, жизнь моя! закричала она съ воплемъ, кидаясь ему на грудь, не пущу я тебя! Не отдамъ я тебя никому! Сгубятъ они тебя тамъ! Приворожатъ, разлучатъ со мною.

Въ волненіи обнялъ ее Тимошъ и нѣжно проговорилъ:

— Не томи меня, мнѣ и такъ тяжко уѣзжать отъ тебя!

— Поклянись, что ты не измѣнишь мнѣ! вдругъ проговорила она, подводя его къ образу Пречистой Божіей Матери, висѣвшему въ углу свѣтелки въ богатомъ золотомъ окладѣ.

— Клянусь! торжественно проговорилъ Тимошъ. Будь спокойна, сердце мое! Не мучь себя напрасными мыслями. Я постороплюсь управиться съ волохами, а какъ вернусь, ты подаришь меня сыномъ... Теперь же береги себя!

Онъ обнялъ ея сильно пополнѣвшій станъ; еще прижалъ ее къ груди, и быстро вышелъ изъ свѣтелки. Въ первый разъ, какъ онъ собрался въ походъ, имъ овладѣла какая то слабость, ему страстно захотѣлось остаться возлѣ любимой жены, ему вдругъ показались такъ дороги и хуторъ, и родные, и Локсандра, взятая съ такимъ трудомъ. Онъ бѣжалъ теперь отъ самого себя, отъ собственной минутной слабости. Выйдя на крыльцо, гдѣ всѣ его ужъ ждали, онъ увидѣлъ, что молодой оруженосецъ его осматриваетъ коня.

— Что ты? нетерпѣливо замѣтилъ онъ ему, собираясь занести ногу въ стремя.

— Конь расковался! отвѣчалъ тотъ хладнокровно.

— Тьфу, лихо васъ возьми! Что же ты думалъ раньше?

— Былъ подкованъ вчера! отвѣчалъ тотъ флегматически, да вотъ расковался; тутъ не спроста! прибавилъ онъ. Не къ добру это!

— Бреши тамъ еще! сердито вскрикнулъ Тимошъ. Чтобъ сейчасъ былъ конь подкованъ!

Всѣ вошли въ хату и присѣли. Сошла внизъ и Локсандра. Она была рада этой проволочкѣ, усѣлась подлѣ Тимоша и не сводила съ него глазъ.

Наконецъ, привели подкованнаго коня. Тимошъ сѣлъ въ сѣдло, обнялъ Локсандру, кивнулъ всѣмъ головой и поскакалъ къ сборному пункту, гдѣ его уже ждалъ Ѳедоренко съ козаками.

О. Рогова.

(Окончаніе слѣдуетъ).

КУЛЬТУРНЫЯ ПЕРЕЖИВАНІЯ.[1]

(ОКОНЧАНІЕ).

189.

Дукаты и намыста.

„Иногда мелочи, говоритъ М. де Вогюэ, цвѣтовые оттѣнки, звуки, удивительно отчетливо запечатлѣваются въ нашихъ глазахъ или ушахъ и навѣки остаются въ нашей душѣ. Это было прелестнымъ лѣтнимъ вечеромъ на маленькой почтовой станціи въ одной изъ малороссійскихъ губерній. Ямщики только что занялись закладкой лошадей; между тѣмъ я обратился къ дочери станціоннаго смотрителя съ просьбой принести мнѣ стаканъ воды. Маленькая хохлушка, одѣтая въ граціозный національный костюмъ, съ старымъ серебрянымъ рублемъ на бархатной лентѣ на шеѣ, который она все время перебирала своими пальчиками, вышла изъ комнаты и скоро вернулась съ налитымъ до половины графиномъ, и въ то время какъ она нагнулась, чтобы налить мнѣ воды, бархатка коснулась графина и рубль покатился по хрустальному горлышку; при этомъ отъ соприкосновенія серебра со стекломъ раздался замѣчательно чистый и пріятный звонъ, такъ что даже сама красавица пришла въ восхищеніе и съ веселымъ смѣхомъ стала, на этотъ разъ уже нарочно, воспроизводить своеобразный звукъ. Вскорѣ послѣ того я уѣхалъ дальше; но звучная гамма долго еще переливалась въ моихъ ушахъ, медленно замирая, подобно трели соловья, среди необъятной

[1]) „Кіевская Старина“, 1890 г., № 7.

тишины іюльской ночи въ нѣмой степи" (*Вогюэ,* Совр. руск. писат. Тургеневъ, 5). Такіе рубли съ отверстіемъ съ краю для ношенія на шеѣ называются дукатами. Дѣвушки носятъ ихъ на шеѣ; замужнія и пожилыя женщины берегутъ въ сундукѣ и только въ случаѣ крайней нужды разстаются съ ними. Такъ, въ „Мертвецкомъ Велык-днѣ" Квитки „Приська черезъ таке лыхо (пьянство мужа) попереводыла и въ себе, що було у скрыни изъ хорошои одежи, и намысто, и дукаты, и хресты, и усякую худобу" (*Квитка,* I, 119). Слово дукатъ встрѣчается почти во всѣхъ западно-европейскихъ странахъ, у чеховъ и поляковъ (словари *Юнгмана* и *Линде*) въ значеніи червонца, золотой монеты, и съ такимъ же значеніемъ слово это бытуетъ въ Малороссіи. Въ „Солдатскомъ портретѣ" Квитки на ярмаркѣ на дивчатахъ „золоты дукаты та срибны хресты такъ и ссяютъ". Иногда дукатами или дукачами называютъ и серебряные рубли, носимые на шеѣ. Старинные золотые дукачи въ крестьянской средѣ въ настоящее время весьма рѣдки (*Чубинскій,* VII, 426, *Головацкій,* въ Зап. геогр. общ., 1877, VII, 502).

Въ народномъ быту болѣе сохранились монеты, по сравнительной съ дукатами дешевизнѣ. „Намысто въ одинаковомъ употребленіи по всѣмъ мѣстностямъ, занимаемымъ малоруссами. Оно служитъ украшеніемъ не только для дѣвушекъ, но и для молодыхъ замужнихъ женщинъ; пожилыя женщины если и носятъ намисто, то въ самомъ незначительномъ количествѣ и то темнаго цвѣта. Дѣвушки поступаютъ наоборотъ: онѣ болѣе пристрастны къ яркимъ цвѣтамъ — красному, зеленому, голубому и проч. Въ обыденное время, въ особенности при исполненіи полевыхъ работъ, дѣвушки надѣваютъ немного намиста, боясь его разорвать, растерять. За то въ праздникъ, когда онѣ идутъ въ церковь, или же на „музыки", вся грудь завѣшивается разноцвѣтнымъ намистомъ, между которымъ первую роль играетъ „доброе намысто", т. е., коралловое, которое попадается только у болѣе зажиточныхъ крестьянъ; бѣдные покупаютъ намисто, приготовленное изъ разноцвѣтнаго стекла, причемъ красный цвѣтъ предпочитается" (*Чубинскій,* VII, 425). Какъ украшеніе преимущественно дѣвичье, намисто и липацерки (бусы) стало символомъ дѣвственности, такъ что въ народной поэзіи разорвать пацерки значитъ нанести дѣвушкѣ большое оскорбленіе (въ галицко-русской

пѣснѣ въ сб. *Головацкаго*). Въ болгарскихъ народныхъ пѣсняхъ разрывъ бусъ символизируетъ потерю невинности. Такъ, въ свадебной пѣснѣ: „четыре горы высокихъ и два оврага глубокихъ; всѣ дѣвушки ихъ прошли; дѣвица Ганка не могла. Ее Стоянъ перевелъ, никакого вреда ей не сдѣлалъ, только бусы оборвалъ. А Ганка заплакала: „Господи, Боже, что я матери скажу!..“. Стоянъ ее успокаиваетъ: „молчи, Ганка, не плачь. Вмѣстѣ бусы оборвали; вмѣстѣ ихъ и нанижемъ; ты будешь нитки крутить, а я буду бусы нанизывать“ (*Боевъ*, въ Сборн. матер. по этн., изд. Дашк. этн. муз. I, 31). Въ послѣднее время въ Малороссіи и „намысто“ начинаетъ выходить изъ употребленія, по мѣрѣ распространенія въ селѣ женскаго мѣщанскаго костюма. Вмѣсто многихъ нитокъ „намыста“ ограничиваются двумя, тремя, или замѣняютъ ихъ червонцемъ, или крестикомъ, или дешевой брошью.

Въ Галиціи мѣщанки и крестьянки очень любятъ носить ожерелье, или „коралли“. Чѣмъ большей величины кораллы, чѣмъ болѣе „снурковъ“ кораллъ на шеѣ, тѣмъ болѣе величается галицкорусская женщина. Большій кораллъ стягиваютъ серебряной обручкой, чтобы не раскололся. Кораллы нижутся на шелковый снурокъ, и расположеніе снурковъ слѣдуетъ извѣстному порядку: вверху на шеѣ навязывается небольшой снурокъ съ меньшими кораллами (якъ горохъ); затѣмъ слѣдуютъ снурки болѣе длинные и съ большими кораллами, такъ что послѣдній снуръ бываетъ въ $^3/_4$ аршина длины, съ кораллами величиной въ лѣсной орѣхъ. Кромѣ коралловъ навѣшиваютъ еще на шею бусы, крестики. У гуцулокъ стеклянные кораллы имѣютъ разныя названія: краснаго цвѣта—кровавници, блестящіе серебрянаго и золотаго цвѣта—блискавки, бѣлаго—перлы или жемчуги. Между крестиками привѣшиваютъ мѣдные перстни—жуковины (*Головац.*, въ Зап. геогр. общ. 1877. VII, 501, 550).

Для сравненія съ намистомъ могутъ идти различнаго рода бусы, находимыя въ южно-русскихъ курганахъ (находки г. Самоквасова, В. Б. Антоновича, Оссовскаго и Руликовскаго). Каменнымъ бусамъ, находимымъ въ изобиліи на правомъ берегу Днѣпра, посвящена спеціальная статья *Руликовскаго* въ V т. Zbiór wiadomosci, 46—55. Содержаніе этой статьи настолько интересно, что мы здѣсь изложимъ его въ короткихъ словахъ. Каменныя бусы встрѣчаются очень

часто по берегамъ рѣкъ Стугны, Унавы, Ирпеня и др. днѣпровскихъ притоковъ, затѣмъ на Волыни въ овручскомъ уѣздѣ. По р. Стугнѣ каменные бусы встрѣчаются во всѣхъ селахъ. Крестьяне находятъ ихъ въ поляхъ и лѣсахъ. Каждый сильный дождь выноситъ ихъ на поверхность земли. Бусинки сдѣланы изъ краснаго слоистаго камня, который находится въ овручскомъ уѣздѣ, гдѣ, вѣроятно, и фабриковались эти издѣлія. Форма бусинокъ—круглая, съ отверстіемъ внутри, иногда съ орнаментами наружи въ видѣ линій или зубцевъ. Крестьяне называютъ ихъ „каминчики жиночи“ и берегутъ съ суевѣрными и лѣчебными цѣлями. Существуетъ повѣрье, что эти камни „ростутъ изъ земли“ и приносятъ счастье тому, кто нашелъ ихъ. Послѣ освященія въ церкви эти бусы отгоняютъ „лихую тварь“ т. е. вѣдьмъ и помогаютъ въ болѣзняхъ скоту и людямъ въ особенности женщинамъ, „жинкамъ подобаютъ на живитъ“. Эти камешки надѣваютъ коровамъ на шею, чтобы отогнать вѣдьмъ. Въ старинное время женщины вставляли ихъ въ бусы, какъ талисманъ. Въ болѣзняхъ растираютъ камни и пьютъ на водѣ. Въ овручскомъ уѣздѣ эти каменныя бусинки называются „помочниками“: помогаютъ отъ сглазу, отравы и боли живота. Мѣстные жиды вѣшаютъ ихъ своимъ дѣтямъ на шею вмѣстѣ съ волчьимъ зубомъ, кусочками серебра и желѣза, какъ амулетъ. Сходные каменные бусы были найдены въ Скандинавіи, Германіи (Мекленбургѣ), Великороссіи (по р. Окѣ—зеленаго цвѣта). Называютъ ихъ обыкновенно пряслицами. О значеніи и употребленіи ихъ существуютъ разныя мнѣнія (надѣвались на прялки, сѣти). Наиболѣе вѣроятнымъ представляется мнѣніе Руликовскаго, что это были амулеты. Въ пользу этого мнѣнія говоритъ множество находокъ, красный цвѣтъ бусъ, ихъ орнаментика, народныя преданія и современное значеніе ихъ у крестьянъ, какъ охранительнаго и лѣчебнаго средства.

190.

Обрядовое употребленіе хустки.

Въ сочиненіи „О свадебныхъ обрядахъ“ на стр. 199—201 я довольно подробно говорилъ объ употребленіи и значеніи платка и

полотенца на свадьбахъ, крестинахъ и похоронахъ. Не повторяя изложенныхъ здѣсь фактовъ, я приведу въ настоящей статьѣ нѣсколько новыхъ фактовъ, въ дополненіе къ прежнимъ.

Въ стихотвореніи Т. Шевченка „Хустына“:

У недилю не гуляла
На шовкъ заробляла,
Та хустыну вышивала,
Вышиваючи спивала:
„Хустыночко мережаная
Вышиваная!
Выгаптую — подарую
А винъ мене поцилуе»...

Въ числѣ многочисленныхъ у славянъ и нѣмцевъ случаевъ обрядоваго употребленія платка выдается слѣдующій оригинальный тирольскій обычай: „когда дѣвушка идетъ къ вѣнчанію, то, не доходя до церкви, мать передаетъ ей платокъ, который предназначается для утиранія дѣвичьихъ слезъ. Послѣ свадебныхъ празднествъ невѣста убираетъ этотъ платокъ на извѣстное мѣсто въ шкафу, чтобы никогда не употреблять его; прибираетъ-ли она шкафъ или вытряхаетъ, платокъ остается неприкосновеннымъ. Дѣти выростаютъ, женятся, дочери получаютъ новые платки отъ матери; ея-же платокъ остается на прежнемъ мѣстѣ; наконецъ, молодые годы проходятъ, она старится, переживаетъ мужа и дѣтей, и, наконецъ, сама закрываетъ глаза. Тогда берется платокъ и выполняетъ вторую свою обязанность — прикрывать глаза умершей — и кладется съ ней въ могилу“. (*Харьк. Вѣд.*, 1890, № 107).

Сходные обряды встрѣчаются далеко за предѣлами славянскаго міра. Такъ, у афганъ дѣвушка-невѣста выражаетъ свое согласіе тѣмъ, что вручаетъ жениху платокъ (*Лефренъ*, въ „Дѣлѣ“, 1868, I, 127). Въ сѣверо-западной Монголіи свахи даютъ жениху одинъ конецъ платка, а за другой конецъ держитъ невѣста. Это означаетъ соединеніе молодой четы. Держась за платокъ, молодые обходятъ юрту (*Потанинъ*, IV, 32).

Встрѣчающійся въ русскихъ, нѣмецкихъ, французскихъ и др. сказкахъ платокъ, повидимому, представляетъ варіантъ обряднаго свадебнаго платка. Въ одной французской сказкѣ (изъ Лотарингіи) на тему о подаркахъ трехъ животныхъ, царевна, освобожденная сапож-

никомъ отъ семиголоваго чудовища, даритъ своему освободителю платокъ, вышитый по угламъ золотомъ и потомъ выходитъ за него замужъ (*Cosquin,* Contes populaires, I, 168).

191.

Амулеты.

Амулеты, или личные талисманы, мистическіе охранители людей и животныхъ отъ болѣзней, сглазу и козней вѣдьмъ и злыхъ духовъ, встрѣчаются у всѣхъ народовъ, съ тѣмъ лишь различіемъ, что у народовъ дикихъ и варварскихъ они многочисленны, разнообразны и въ бытовой жизни играютъ важную роль, а у народовъ культурныхъ малочисленны и малозначительны, причемъ существуютъ лишь, какъ обломокъ глубокой старины, въ низшихъ классахъ населенія. Амулеты возникли изъ робости и безсилія народнаго ума, въ отдаленную эпоху, при крайней подавленности человѣка силами природы. Одухотворяя и олицетворяя эти силы въ видѣ боговъ или демоновъ, человѣкъ древняго времени всѣхъ національностей старался привлечь вниманіе и поддержку первыхъ и устранить вторыхъ посредствомъ заклинаній, заговоровъ, употребленія пріятныхъ богамъ и непріятныхъ демонамъ зелій и предметовъ, мистическія свойства которыхъ опредѣлялись по ихъ формѣ, цвѣту, запаху или случайнымъ обстоятельствамъ, когда одна или нѣсколько удачъ обусловливали уже благотворность предмета, бывшаго въ употребленіи или находившагося на лицо.

У негровъ, наиболѣе расположенныхъ къ амулетамъ, амулетами бываютъ баранья кость, волосъ быка, львиный волосъ, деревянныя палочки различнаго вида и пр. (*Reville,* Les relig., I, 79, 152, 178, 186, 189). Въ средневѣковой Европѣ большое значеніе, какъ амулеты, имѣли разные камни, мистическія свойства которыхъ разъяснялись въ лапидаріяхъ. Они проникли въ народный бытъ и нынѣ еще встрѣчаются во Франціи (*Revue* des trad. popul., 1889, 363). Сказанія о чудесныхъ свойствахъ камней часто встрѣчаются и въ древнихъ памятникахъ русской литературы, начиная отъ Святославова сборника 1073 г. до проповѣдей Галятовскаго и Бара-

новича включительно. Въ русскій народъ проникло немного амулетовъ изъ драгоцѣнныхъ камней, вѣроятно, по рѣдкости и дороговизнѣ ихъ. Въ древнее время амулеты были весьма распространены въ западной Европѣ. Во Франціи противъ нихъ писалъ въ VII в. Елои. Руанскій синодъ 874 г. запрещаетъ класть амулеты въ дуплахъ деревьевъ и на перекресткахъ дорогъ (*Rulikowski,* въ Zbiór. Wiadom , V, 52). Запрещенія эти не уничтожили амулетовъ; они встрѣчаются и нынѣ во Франціи, даже у парижанъ (*Revue des trad. popul.,* 1889, 363, 576).

Въ Малороссіи амулеты мало распространены и далеко уступаютъ по значенію заговорамъ и заклинаніямъ. Нѣкоторые изъ нихъ, можетъ быть, заимствованы отъ другихъ народовъ.

Въ значеніи личныхъ амулетовъ, отличныхъ по употребленію отъ домашнихъ талисмановъ (§§ 29—37 Культ. перež.), въ Малороссіи, сколько мнѣ извѣстно, употребляются волчій зубъ, змѣиная головка, рачьи жерновки, лягушечья косточка, дѣтская сорочка (§ 78), веревка отъ висѣльника (114), кусочки освященнаго пасхальнаго хлѣба или чаще артоса, ладанъ, списки апокрифическаго Сна Богородицы, красныя повязки.

Волчій зубъ вѣшаютъ дѣтямъ на шею для облегченія зуборащенія. Въ § 144(26) замѣчено было, что въ Пруссіи съ тою-же цѣлью употребляютъ лисій зубъ (*Krause,* 84). Во Франціи дѣтямъ во время зуборащенія навязываютъ на шею ожерелье изъ волчьихъ зубовъ или дѣлаютъ башмаки изъ волчьей кожи, на что есть указаніе въ постановленіяхъ Монтекасинскаго собора 1626 г. Въ голубятняхъ вѣшаютъ голову или хвостъ волчій, чтобы не ходила ласочка (fovines) (*Rolland,* Faune popul., I, 130). Въ Бельгіи въ окрестностяхъ Льежа во время желудочныхъ болей кладутъ на животъ кожу съ груди волченка, а экскременты волка считаются лучшимъ средствомъ отъ коликъ (*Comhaire,* въ Revue d. trad. popul., 1889, 363). Съ этими обычаями можно сравнить монгольскій обычай клясться зубомъ медвѣдя (*Потанинъ,* IV, 756).

Рачьи жерновки употребляются, вѣроятно, по сходству ихъ съ дѣтскими зубами. Ракъ входитъ въ народныя повѣрья о созываніи змѣй (*Манжура,* Сказки, 155) и въ народную медицину: въ Италіи—противъ отравы, въ Бельгіи—отъ болѣзни рака. Австрій-

скіе нѣмцы вѣрятъ, что лучшее средство отъ клоповъ—замуровать въ стѣнѣ живаго рака (*Rolland*, III, 233).

Жабья или *лягушечья косточка* употребляется въ присушкахъ, когда хотятъ возбудить любовь. Говорятъ, эта косточка получается такимъ образомъ: бросаютъ жабу въ муравейникъ, гдѣ муравьи объѣдаютъ все мясо, и затѣмъ берутъ изъ скелета приворотную загнутую косточку. Въ старину думали, что можно нанести человѣку большой вредъ, положивши во время сна подъ его голову жабу въ горшечкѣ. Обвиненія въ такомъ злодѣяніи встрѣчаются въ южно-русскихъ судебныхъ процессахъ XVIII в. (*Антоновичъ*, 357). Въ однихъ мѣстахъ Франціи бьютъ жабъ, вѣроятно, изъ опасенія колдовства, полагая, что онѣ сосутъ коровъ и отъ ихъ дыханія погибаютъ птицы; въ другихъ, относятся къ нимъ съ уваженіемъ, полагая, что онѣ предупреждаютъ человѣка въ случаѣ приближенія змѣи, помогаютъ въ лихорадкѣ, очищаютъ воду и воздухъ, поглощая изъ атмосферы ядовитыя вещества, почему жабу иногда привязываютъ къ постели больнаго или кладутъ въ кружку съ водой; вѣшаютъ въ конюшнѣ; мореходы берутъ съ собой на корабль, полагая, что крысы боятся жабъ (*Rolland*, III, 51, 52; *Comhaire*, 363). Подобнаго рода повѣрья распространены въ Швейцаріи, Австріи, Шотландіи (*Rolland*, III, 53). Въ классической древности ѣли жабъ, чтобы были дѣти (*Крушевскій*, Заговоры, 37).

Красныя повязки или ленты въ Малороссіи служатъ амулетами для людей и животныхъ. Ими перевязываютъ даже огородныя овощи (*Максимовичъ*, Собр. соч., II, 499).

Красныя перевязки служатъ симпатическимъ средствомъ отъ сглазу и болѣзней. Дѣлаютъ такія перевязки изъ нитокъ гаруса, полосокъ ситца, ленточекъ, и надѣваютъ ихъ на шею и на руки. Подобнаго рода обычаи встрѣчаются и въ другихъ странахъ. Такъ, въ Шотландіи женщины, въ предотвращеніе чаръ, обматываютъ свои пальцы краснымъ шолкомъ и весною, передъ выгономъ скота въ поле, обвязываютъ у коровъ хвосты красными нитками. Въ Германіи обвязываютъ скоту рога и шею красными лентами, чтобы предохранить его отъ всякихъ болѣзней и невзгодъ. Въ Индіи невѣстѣ привязывали на шею, въ качествѣ свадебнаго снурка, нитку изъ красной шерсти. Въ Китаѣ привязываютъ дѣтямъ къ кисти

руки что-нибудь красное и пріучаютъ ихъ смотрѣть на красный цвѣтъ, какъ на лучшее предохранительное средство противъ злыхъ духовъ (*Шерцль*, въ Филол. зап., 1884, III, 61). Тожественное обыкновеніе существуетъ и въ Греціи (*Rulikowski*, въ Zbiór. Wiadom., V, 53).

192.

Демоническое значеніе удачной стрѣльбы.

Въ харьковской губерніи я слышалъ такое повѣрье: чтобы сдѣлаться искуснымъ стрѣлкомъ, нужно во время причащенія удержать часть Св. Даровъ подъ языкомъ, потомъ задѣлать ихъ въ кусочекъ дерева и носить при себѣ. Говорятъ, одинъ человѣкъ такъ и поступилъ; но при стрѣльбѣ онъ увидѣлъ передъ собой распятаго Спасителя. Это повѣрье принадлежитъ къ числу тѣхъ повѣрій, которыя можно считать заимствованными изъ западно-европейской средневѣковой демонологіи. У чеховъ записано такое повѣрье: взять въ великую пятницу Св. Дары, раздѣлить на три части, выстрѣлить каждой частью въ крестъ, изъ котораго тогда выступятъ три капли крови. Если этой кровью помазать ружье, то тогда не будетъ промаха (*Wisła*, 1890, II, 695). Такое же повѣрье бытуетъ у поляковъ. Въ 1879 г. одинъ полякъ крестьянинъ Матѳей Мизерскій выстрѣлилъ въ полевой крестъ. Отданный подъ судъ за кощунство, онъ бѣжалъ изъ родного села. Побудило его къ проступку повѣрье, что удача на охотѣ обусловливается тѣмъ, если на Рождество Христово или Свѣтлое Воскресеніе выстрѣлить въ ликъ Спасителя. Мизерскій былъ охотникомъ и раздѣлялъ суевѣріе своихъ односельчанъ (ib).

Къ чехамъ, полякамъ и малороссамъ повѣрье о демоническомъ значеніи удачной стрѣльбы проникло, вѣроятно, отъ нѣмцевъ. Въ Германіи записаны сходныя повѣрья, что для полученія удачи въ стрѣльбѣ нужно выстрѣлить въ Св. Дары или крестъ. Сказаніе о демоническомъ происхожденіи удачной стрѣльбы встрѣчается въ знаменитомъ памятникѣ обскурантизма „Молотъ вѣдьмъ“ (Malleus maleficarum) 1487 года. Здѣсь волшебникъ Пункеръ получаетъ

отъ дьявола искусство мѣтко стрѣлять за то, что пустилъ однажды стрѣлу въ образъ распятаго Спасителя (*Rochholz,* Tell u. Gesler, 108).

Всѣ эти сказанія и повѣрья основываются на древнѣйшей связи стрѣльбы съ колдовствомъ. Эта связь въ настоящее время обнаруживается въ повѣрьяхъ многихъ дикихъ народовъ. Такъ, бигеносы искусную стрѣльбу объясняютъ колдовствомъ; знахари ихъ заговариваютъ пули (*Пинто,* въ „Вокругъ Свѣта", 1887, № 26, 411). Это повѣрье въ старину въ Малороссіи прилагалось преимущественно къ запорожцамъ. Въ преданіи о запорожцахъ: „якъ ихъ сганяли видсиль (т. е. съ р. Самары), то стриляютъ було у ныхъ, а воны якъ мнячи пули ловлять та назадъ себе кидають" (*Манжура,* Сказки и преданія, 133). Въ настоящее время способность заговаривать пули приписываютъ колдунамъ, характерникамъ, или планетникамъ (*Podbereski,* Zbiór. Wiadom., IV, 61).

193.

Д и в ъ.

Одинъ изъ наиболѣе точныхъ и добросовѣстныхъ этнографовъ Руликовскій въ статьѣ „Zapiski etnograficzne z Ukrainy", напечатанной въ 3 т. „Zbiór Wiadom. do antrop. krajow.", замѣчаетъ: Въ селѣ Пашковцы кіевскаго уѣзда я слышалъ отъ крестьянина такое проклятіе: „щобъ на тебе дивъ прійшовъ" (90). Это, кажется, единственное указаніе на сохраненіе въ глуши украинской древняго Дива. Встрѣчающееся въ сказкахъ Дыво не имѣетъ къ этому Диву никакого отношенія, представляя странствующій литературный мотивъ.

Въ Словѣ о Полку Игоревѣ „дивъ кличетъ врху древа, велитъ послушати земли незнаемѣ, Влъзѣ и Поморію и Посулію"... Объясненія Дива весьма разнообразны; филинъ (Грамматинъ), половецкое правительство (Шишковъ), чудо (Пожарскій), удодъ (Дубенскій), духъ тьмы, въ родѣ девовъ персидскихъ и индѣйскихъ (Максимовичъ), ночное чудовище (Тихонравовъ), горе—нужда (Потебня, Веселовскій). Большею частью переводятъ словомъ чудо, чудовище (*Барсовъ,* Лексикологія „Слова о П. И.", III, 194—199).

Параллели къ Диву могутъ быть многочисленны (сербскіе и болгарскіе дивы и самодивы, индійскіе, персидскіе и арабскіе дивы и девы и др.); но для объясненія Дива „Слова“ и „Дива“ Руликовскаго трудно почерпнуть что-либо изъ такого рода параллелей.

По моему мнѣнію, „Дивъ“ Слова о п. И. и, вѣроятно, его отзвукъ—„Дивъ“ Руликовскаго означаютъ лѣшаго. Прямымъ указаніемъ на такую природу „Дива“ служитъ уже то, что онъ „кричитъ на деревѣ“—подробность часто встрѣчающаяся въ повѣрьяхъ о лѣшихъ, напр.: „сыдыть винъ на пеньку, бье молоточкомъ клынкы зъ дерева и свыстыть“ (*Чубин.*, I, 193), „плачетъ и стонетъ“, громко кричитъ на разные голоса (*Мандельштамъ,* Опытъ объяс. обыч. 171); шведы говорятъ, что лѣшій кричитъ га—га! нѣмцы—что онъ кричитъ ге—ге! (ib. 165). И по современнымъ народнымъ повѣрьямъ крикъ лѣшаго предвѣщаетъ несчастіе. Названіе лѣшаго Дивомъ встрѣчается также въ индійскихъ сказкахъ. Такъ, въ одной сказкѣ царевичъ разрѣзываетъ кинжаломъ рыбу, въ которую дивъ (лѣсной великанъ) спряталъ свою душу (*Cosquin,* Contes populaires, I, 175).

194.

Обаясныки.

Кто сильно горюетъ по умершемъ, то послѣдній обращается въ злаго духа перелестника и затѣмъ въ обаясныка и по ночамъ начинаетъ летать къ тому, кто плачетъ и горюетъ (*Podbereski,* въ Zbiór, IV, 9, *Чубин.,* I, 193). Этотъ демонъ издавна извѣстенъ подъ названіями летавца или упыря; и еще Иннокентій Гизель (XVII в.) упоминаетъ о зломъ бѣсѣ Летавцѣ. Повѣрье о летавцѣ много разъ уже разбиралось въ научной литературѣ, и здѣсь мы не будемъ на немъ останавливаться. Не лишено интереса новое его названіе обаясныкъ. Въ народномъ повѣрьѣ, записанномъ Подберескимъ, мертвецъ обращается въ перелесника и потомъ обаясныка, причемъ послѣднее оборотничество представляется ненужнымъ. Не отрицая возможности существованія въ Малороссіи названія колдуновъ или упырей обаясныками, отъ древнихъ славянскихъ словъ обаяти, ова-

вати (incantare), обаватель (incantator), я однако склоненъ видѣть въ обаяніяхъ Подберескаго обрывокъ книжныхъ сообщеній стараго времени. Въ Азбуковникахъ такъ объясняется змій Аспидъ: „Аспидъ есть змія крылатая, носъ имѣетъ птичій и два хобота, а въ коей землѣ вчинится, ту землю пусту чинитъ... Обаяницы, пришедши обаяти, копаютъ яму“ и далѣе идетъ разсказъ, какъ они сокрушаютъ аспида горячими клещами (*Буслаевъ*, Истор. очеркъ, I, 275). Въ простомъ народѣ могло уже произойти смѣшеніе обаяника съ змѣемъ и затѣмъ отожествленіе ихъ съ пріуроченіемъ къ циклу коренныхъ повѣрій объ упыряхъ.

195.

Многочисленность небесъ.

Въ Малороссіи повсемѣстно распространено повѣрье о многочисленности небесъ. Въ однихъ мѣстахъ, напр., луцкомъ уѣздѣ, признаютъ три небесныхъ свода: высшій, гдѣ пребываетъ Господь, средній—жилище ангеловъ и нижній, гдѣ живутъ св. угодники Божіи. Въ другихъ мѣстахъ, напр., проскуровскомъ у., вѣрятъ, что за видимымъ небомъ есть еще шесть, и разстояніе между ними въ 12 разъ большее, чѣмъ между землей и небесною твердью. (*Чубин.*, I, 1 и 2).

Вѣрованіе въ многочисленность небесъ могло возникнуть въ глубокой древности у разныхъ народовъ, причемъ небеса, по солнечному освѣщенію, различались: стеклянное, хрустальное, мѣдное, какъ видно изъ сказокъ (*Аѳанас.*, Поэт. воззр. слав., I, 119—126).

Несомнѣнно, что повѣріе о многочисленности небесъ, независимо отъ возможной древней религіозно-миѳической основы, возникало и развивались подъ вліяніемъ средневѣковой схоластической науки. Повѣрье, что небесъ семь и что седьмое небо—рай, встрѣчающееся, между прочимъ, въ великорусскихъ духовныхъ стихахъ (*Буслаевъ*, Нар. поэз., 498), перешло въ поговорку „на седьмомъ небѣ“, обычную въ настоящее время для выраженія высшей степени довольства. Несомнѣнно книжный источникъ имѣетъ записанное въ новгородъ-волынскомъ уѣздѣ повѣрье, что есть два неба, видимое

и эмпирейское; на первомъ живутъ святые и ангелы, на второмъ—Богъ. Видимое небо иногда раскрывается, и тогда богоугодные люди видятъ эмпирейское небо, такое ясное, какъ солнце (*Чуб.*, I, 3).

Уже въ первые вѣка христіанства извѣстны были мотивы о семи небесахъ, вошедшіе въ древніе апокрифы „Завѣты 12 патріарховъ“ и „Восхожденіе Исаіи на небо (семь небесъ) (*Мочульскій*, О Голуб. кн. 70).

Южнорусскіе ученые и проповѣдники XVII вѣка часто заимствовали изъ средневѣковой схоластической науки свѣдѣнія о семи небесахъ, въ частности о небѣ эмпирейскомъ. Современныя народныя сказанія и повѣрья этого рода, по всей вѣроятности, ближайшимъ источникомъ имѣютъ южнорусскую схоластическую литературу XVII в. Галятовскій въ „Душахъ людей умершихъ“ (1687 г.) говоритъ объ 11 небесахъ. Симеонъ Полоцкій признавалъ „трое небесъ: эмпирейское, неподвижное самое высшее, кристальное, движущееся съ неизреченною скоростію и твердь, раздѣляющаяся на два пояса—поясъ звѣздъ неподвижныхъ и поясъ планетъ“.

196.

Основа земли.

Въ Малороссіи повсемѣстно распространено повѣрье, что земля стоитъ на рыбѣ или на двухъ рыбахъ или на двухъ китахъ (*Чубинскій*, I, 36—38; *П. И.* въ Харьк. Сборн. 1888, 89). Тожественное повѣрье существуетъ въ Галиціи и сѣверной Венгріи (*Archiv* f. slav. Philol. XI, 310), у великоруссовъ (ib. XII, 310—312), у словинцевъ, на рыбѣ фароникѣ, у сербовъ на змѣѣ или быкѣ (ib. 312), у французовъ (*Rolland*, Faune popul. въ разн. мѣстахъ).

И тутъ, какъ въ предыдущемъ §, можетъ быть двоякое объясненіе. Основа повѣрья, по всей вѣроятности, древняя, религіозно-миѳическая, что видно изъ существованія этого повѣрья у такихъ народовъ, какъ американскіе индѣйцы, которые не подвергались вліянію апокрифической литературы, и такихъ, какъ персы и монголы, относительно которыхъ христіанское литературное вліяніе могло

быть лишь случайнымъ. Во всякомъ случаѣ не лишено интереса то обстоятельство, что въ „Языкѣ птицъ“ персидскаго писателя XII вѣка Феридъ-Эдинъ-Атара земля стоитъ на рыбѣ, а въ сказкахъ монголовъ на лягушкѣ или быкѣ (*Потанинъ*, IV, 208, 221, 710, 737 и 799).

Разбирая мотивъ стиха о Голубиной книгѣ, что земля стоитъ на рыбѣ-китѣ, г. Мочульскій указываетъ на „Бесѣду трехъ святителей“, „Бесѣду Іерусалимскую“, „Повѣсть града Іерусалима“ и нѣкоторые другіе апокрифы, въ которыхъ основаніемъ земли является китъ (*Мочульскій*, 133—140). Г. Ягичъ всецѣло раздѣляетъ мнѣніе г. Мочульскаго: „Источникомъ народныхъ повѣрій о томъ, что земля лежитъ на рыбѣ, была космогонія апокрифовъ, которая часто находила мѣсто въ церковно-славянской литературѣ (*Archiv* f. slav. Phil. 1889, XII, 312). Я также раздѣляю это мнѣніе, тѣмъ болѣе, что малорусскія сказанія о китѣ-рыбѣ, какъ записаны они у Чубинскаго и Иванова, дословно совпадаютъ съ тѣмъ, что говорится о китѣ-рыбѣ, въ Голубиной книгѣ и въ стихѣ про Ѳедора Тирона и далѣе съ повѣствованіемъ „Бесѣды трехъ святителей“.

197.

Лунный человѣкъ.

Въ Малороссіи повсемѣстно народъ въ лунныхъ пятнахъ усматриваетъ знаменіе грѣха Каинова (*Чубинскій*, I, 7—9; *П. И.* въ Харьк. сборн. 1888, 85). Это повѣрье проникло и въ литературу, въ одно стихотвореніе Т. Шевченка (стр. 513) и въ „Бѣлую панну“ Мачтета (въ „Кіевской Старинѣ“, 1889, II). Встрѣчается сказаніе, что на лунѣ живетъ св. Юрій и, передвигая заслонку, производитъ фазы луны (*Чубинскій*, I, 9). Въ сказкѣ о царѣ Папаримѣ мѣсяцъ является человѣкомъ, который 12 разъ нарождается и 12 разъ умираетъ (*П. И.*, въ Харьк. Сб. 1888, 84; *Драгомановъ*, въ 1 т. Сборника за нар. умотвор., 68). Сходныя повѣрья встрѣчаются у великоруссовъ, поляковъ, (*Udziela*, въ Zbiór wiadom, X, 108). Берингъ-Гольдъ собралъ значительное число

нѣмецкихъ, скандинавскихъ и англійскихъ сказокъ о лунномъ человѣкѣ. Основное содержаніе ихъ состоитъ въ томъ, что дровосѣкъ въ воскресенье рубилъ въ лѣсу дрова и былъ въ видѣ наказанія перенесенъ на луну, гдѣ ему суждено вѣчно стоять на виду у людей съ связкой дровъ за плечами. Кромѣ того, Б. Г. указалъ на сходную буддійскую легенду (*Baring-Gould*, Curions myths of the middle ages 190—208). Себильо и Бладе сообщили весьма сходные варіанты французскіе, Грутъ—варіантъ китайскій. Любопытно при этомъ, что китайскія сказанія о лунномъ человѣкѣ записаны одно во II в. до Р. Хр. и другое въ VIII в. по Р. Х. Первое сказаніе гласитъ, что царица духовъ принесла съ горъ Куэнь-луня траву безсмертія въ подарокъ Геу, но жена его, Чангъ-Нго, похитила траву и убѣжала на луну. Китайскій астрономъ II в. по Р. Хр. Чангъ-Генгъ повторяетъ это сказаніе, прибавляя, что Ч.-Нго была въ наказаніе превращена въ жабу (*Girard de Rialle*, въ Revue des trad. popul. 1888, 129—136).

Подъ апокрифическими наслоеніями въ русскихъ сказаніяхъ о лунномъ человѣкѣ скрывается древняя основа,—сказаніе о человѣкѣ, бѣжавшемъ или сосланномъ на луну.

198.

Призываніе дождя.

Въ „Украинскихъ приказкахъ“ Номиса и „Малорос. заклинаніяхъ“ П. С. Ефименка находится нѣсколько дѣтскихъ приказокъ въ видѣ заговоровъ, чтобы дождь пошелъ. Почти всѣ они состоятъ изъ словъ: „Дощику, дощику, зварю тоби борщику; чы на дощь, чи на сонечко, одчини, Боже, виконечко! Дай, Боже, дощикъ цебромъ, ведромъ, дойницею“. Весьма сходныя дѣтскія приказки записаны въ Англіи и въ Испаніи (*Liebrecht*, Zur Volksk. 391). У кавказскихъ горскихъ евреевъ, какъ только начинается дождь, дѣти надѣваютъ на голову мѣшокъ глухимъ концомъ его, выходятъ на улицу, берутся за руки и кружась, то направо, то на лѣво, громко поютъ пѣсню, призывая Земирея, бога дождя. Эта пѣсня выражаетъ молитву, въ которой дѣти обращаются къ Земирею съ просьбою послать побольше

дождя, цѣлыми батманами, т. е. ведрами, чтобы растительность могла вдоволь напиться (*Анисимовъ*, въ Сборн. матер. по этногр. III, 220).

Обрядовое призываніе дождя дѣтьми воспроизводитъ религіозный ритуалъ взрослыхъ. Это призываніе, нужно думать, представляетъ осколокъ тѣхъ религіозно-обрядовыхъ игръ и пѣсенъ, которыя извѣстны подъ названіемъ „водить тополю“ (= додолу = дюдюлъ = пеперугу), о чемъ см. 58 § „Культ. переживаній“. Въ добавокъ къ тому, что сказано въ этомъ §, присоединимъ еще грузинскій обрядъ (въ Кахетіи) во время засухи: дѣвочки, надѣлавъ куколъ, называемыхъ лазарэ, ходятъ съ ними по селу и поютъ: „Дай Богъ намъ грязи, не хотимъ засухи“ и пр. (*Веселовскій*, въ Сборникѣ Академіи Наукъ, XXXII, 312—314, 457).

199.

Роковое значеніе громоваго удара.

Въ 1887 г. подъ с. Великимъ Истопомъ лебединскаго у. харьк. губ. молнія поразила крестьянина въ то время, когда онъ, нагнувшись, пересыпалъ въ полѣ жито въ мѣшокъ. Въ шеѣ образовалась рана. Въ теченіе нѣсколькихъ часовъ явны были признаки жизни, но крестьяне смотрѣли на него какъ на погибшаго, не оказали помощи по невѣжеству и суевѣрію. Лѣтомъ 1889 г. подъ с. Жигайловкой убита была молніей женщина во время жатвы. Дня черезъ два мнѣ разсказывали объ этомъ событіи слѣдующее: въ полѣ были мать и дочь. Вдругъ набѣжала черная туча, поднялся вихрь, и затѣмъ внезапно появился какой-то дѣдъ, который быстро схватилъ старуху за плечи и оттолкнулъ ее далеко въ сторону. Въ это время раздался ударъ грома, какъ ляскъ кнута, и молодая женщина была убита.

Въ основѣ этихъ повѣрій и разсказовъ лежитъ мысль о роковомъ значеніи громоваго удара. „Господь золотою ризкою сварытця“ говорятъ малороссы о молніи, на кого?—отвѣчаютъ многочисленныя сказанія о пораженіи чорта молніей. По мнѣнію народа, человѣкъ долженъ повиноваться велѣніямъ природы. Мнѣніе это раздѣляется

всѣми народами, одними болѣе, другими менѣе, по силѣ цивилизаціи и культуры. Съ особенной яркостью священное значеніе громоваго удара выступаетъ въ осетинскихъ сказаніяхъ и повѣрьяхъ о богѣ громовникѣ Уациллѣ. Если кто пораженъ громомъ, то осетины ищутъ по близости пули Уациллы, опасаются плакать, чтобы не разсердить Уациллу и, не рѣшаясь хоронить покойника на общемъ кладбищѣ, хоронятъ на мѣстѣ, гдѣ послѣдовалъ ударъ. Если пораженный громомъ выздоровѣетъ, то жертвуетъ потомъ ежегодно на мѣстѣ громоваго удара Уациллѣ ягненка или козленка (*Вс. Миллеръ*, Осет. этюды, II, 241).

Въ параллель съ повѣрьемъ о роковомъ значеніи громоваго удара можно поставить повѣрье, что упавшаго въ воду не слѣдуетъ спасать, встрѣчающееся у камчадаловъ, малайцевъ. Если кто упалъ въ воду, его считаютъ умершимъ, и потому, въ случаѣ если ему удастся спастись, не даютъ пищи, не пускаютъ въ домъ и не говорятъ съ мнимымъ покойникомъ. Въ Индіи не спасаютъ того, кто тонетъ въ священномъ Гангѣ. Въ Чехіи рыбаки неохотно спасаютъ утопающихъ, изъ опасенія, что водяной лишитъ ихъ улова рыбы или утопитъ (*Кулишеръ*, Очерки сравн. этн., 130).

Въ связи съ этими повѣрьями стоитъ обычай русскихъ выкапывать похороненныхъ утопленниковъ въ случаѣ засухи и тожественный обычай осетинъ выкапывать убитаго громомъ въ случаѣ сильныхъ дождей и ненастья. Ненастная погода объясняется гнѣвомъ Уациллы на покойника. Трупъ кладутъ на арбу и предоставляютъ быкамъ идти, куда они хотятъ. Гдѣ быки остановятся, тамъ и хоронятъ снова трупъ, а на мѣстѣ громоваго удара совершаютъ черезъ годъ моленіе (*Вс. Миллеръ*, II, 242).

200.

Повѣрье, что пожаръ отъ молніи можно потушить только молокомъ.

Въ Малороссіи и Великороссіи распространено повѣрье, что пожаръ, происшедшій отъ удара молніи бываетъ сильнымъ и можетъ быть потушенъ только молокомъ (*Аѳанасьевъ*, Поэт. воззр. слав.

I, 379). Осетины не тушатъ пожара отъ молніи, изъ опасенія разгнѣвать Уациллу (*Вс. Миллеръ*, II, 241). Поляки (томаш. у. с. Криницъ) считаютъ большимъ грѣхомъ тушить пожаръ, происшедшій отъ молніи; это значитъ противиться волѣ Бога (*Skrzyńska*, въ Wisła, 1890, I, 109). Кромѣ того, у поляковъ распространено повѣрье, что пожаръ отъ удара молніи можно потушить только посредствомъ молока (*Petrow* въ Zbiór wiadom., II, 125). Любопытно, что монголы во время грозы стоятъ съ ковшомъ молока, которымъ и тушатъ, если гдѣ загорится (*Потанинъ*, IV, 142).

Въ этихъ повѣрьяхъ и обрядахъ съ одной стороны выражается метафорическое представленіе дождя молокомъ, о чемъ уже говорилъ Аѳанасьевъ, съ другой фаталистическое подчиненіе гнетущей силѣ огня, какъ она выражается въ пожарѣ.

Pro domo sua.

Оканчиваю рядъ статей, печатавшихся въ „Кіевской Старинѣ“ въ 1889 и 1890 годахъ подъ общимъ заглавіемъ „Культурныя переживанія“, потому что перехожу къ другимъ работамъ, не имѣющимъ отношенія къ малорусской этнографіи, точнѣе, къ тому обрядному и бытовому фольклору, который давалъ мнѣ матеріалъ для „Культурныхъ переживаній“. Задуманныя первоначально въ очень скромныхъ размѣрахъ „Культурныя переживанія“ мало-по-малу, по мѣрѣ печатанія, разрослись въ довольно объемистое изслѣдованіе. Я внесъ въ него не только статьи, которыя считалъ новыми по содержанію или по выводамъ и достаточно полными по обработкѣ, но и мелкія этнографическія замѣтки по малоизслѣдованнымъ предметамъ въ дополненіе къ наличному этнографическому матеріалу. Я не вводилъ только историко-литературнаго матеріала, который войдетъ въ другія приготовляемыя для печати изслѣдованія. Разбросанность и непослѣдовательность статей ослабляется, а можетъ быть и совсѣмъ устраняется, помѣщаемымъ ниже систематическимъ указателемъ статей по однородности содержанія. Къ этому я долженъ еще добавить, что нѣсколько мелкихъ этнографическихъ замѣтокъ, не вошедшихъ въ „Кіевскую Старину“, было напечатано мной въ 3 кн. „Этнографическаго Обозрѣнія“ 1889 года.

Критическая оцѣнка „Культурныхъ переживаній“ и „Этногр. замѣтокъ“, высказанныя въ частныхъ разговорахъ и въ печати, оказывается довольно различной.

Одинъ почтенный ученый въ разговорѣ со мной высказалъ мнѣніе, что отечественная этнографія выиграла бы болѣе, если бы я сосредоточился на немногихъ спеціальныхъ вопросахъ, не разбрасываясь въ массѣ разнородныхъ темъ по фольклору. Одно другому, по моему мнѣнію, не мѣшаетъ. Научная разработка мелочей должна предшествовать крупнымъ научнымъ работамъ, подготовлять для нихъ матеріалъ и отчасти выводы. Болѣе того, мнѣ кажется, что въ настоящее время большія сравнительно-этнографическія работы по спеціальнымъ вопросамъ не могутъ быть выполнены удовлетворительно, въ смыслѣ разносторонняго научнаго изслѣдованія. Капитальные этнографическіе труды, появившіеся въ послѣднее время, имѣютъ описательный характеръ (напр., „Русскіе лопари“ Н. Харузина) или представляютъ сводъ матеріаловъ (напр., „Faune populaire“, Rolland'a), иногда съ объясненіемъ подробностей („Колядки и щедровки“, проф. А. А. Потебни). Появляющіяся въ послѣднее время сравнительно-этнографическія работы, за немногими исключеніями (статьи акад. А. Веселовскаго), отличаются краткостью и всегда сопровождаются и вызываютъ болѣе и менѣе обширныя дополненія. Таковы статьи Гедоза, Р. Келлера, Коскена, Карловича, Всев. Миллера. Эта краткость вполнѣ понятна и хорошо рекомендуетъ современный фольклоръ, построенный на почвѣ непрестаннаго и разносторонняго изученія народной жизни коллективными усиліями многихъ ученыхъ, связанныхъ любовью къ научной истинѣ и взаимнымъ уваженіемъ. Повсюду идетъ еще черная работа накопленія провѣреннаго фактическаго матеріала и частныхъ сближеній и сопоставленій. Достаточно заглянуть въ „Melusine“, „Revue des traditions populaires“, „Zeitschrift für Ethnologie“, „Wisła“, „Этнографическое Обозрѣніе“, несомнѣнно лучшія изданія по фольклору, чтобы убѣдиться, какъ молода еще этнографическая наука и какъ быстро она растетъ, при поддержкѣ антропологіи, археологіи и филологіи. Фольклоръ нынѣ струится въ видѣ множества живыхъ ручейковъ, по главнымъ національнымъ и научнымъ теченіямъ, ручейковъ, далеко еще не слившихся въ спокойныя и величавыя рѣки широкаго сравнительно-

этнографическаго изученія жизни народовъ. При такомъ положеніи фольклора, изученіе мелочей имѣетъ большую цѣну, тѣмъ болѣе, что тутъ всякая ошибка, всякій недосмотръ на виду, легко можетъ быть замѣченъ и исправленъ.

Теперь о печатныхъ отзывахъ и прежде всего о крайне меня осуждающемъ въ IV кн. „Русской Мысли“ 1890 г. Г. безыменный рецензентъ останавливается мелькомъ на моихъ „Этнографич. замѣткахъ“ и замѣчаетъ, что я вообще не имѣю „литературной физіономіи“ и мои этнографическія изслѣдованія „набросаны видимо очень поспѣшно, кое-какъ и далеко не даютъ того, что я могъ бы дать и что можно было отъ меня ожидать читающей публикѣ“. Г. рецензентъ, очевидно, приложилъ ко мнѣ шаблонную мѣрку, какую фельетонные критики прилагаютъ къ стихотворцамъ и повѣствователямъ, и потому требуетъ отъ меня и „литературной физіономіи“, и угожденія широкой публикѣ. Нужно только удивляться, что такія требованія высказываются на страницахъ одного изъ лучшихъ журналовъ, отводящаго много мѣста библіографіи. Я лично могу только пожалѣть, что г. рецензентъ, жестоко порицая меня за неполноту и ошибки, ничего не исправилъ и ничего не прибавилъ, отчего и вся его замѣточка въ полъ-страницы, запальчивая и бранчливая, производитъ впечатлѣніе личной нападки и ругни изъ за угла, подъ маской анонима. Дѣло не въ ошибкахъ; если таковыя есть, онѣ могутъ быть указаны и исправлены. Дѣло въ отношеніи къ нимъ автора и читателя, именно, въ обоюдномъ стремленіи устранить проникающую повсюду ошибку посредствомъ разысканія новыхъ матеріаловъ или надлежащаго разъясненія стараго, въ чемъ собственно и сказывается любовь къ научной истинѣ и желаніе ей служить. Ошибки, къ сожалѣнію, неизбѣжны, и съ ними приходится считаться въ сочиненіяхъ самыхъ авторитетныхъ европейскихъ ученыхъ. Бенфей, исправляя нѣкоторыя ошибки Франца Боппа въ „Geschichte der Sprachwissenschaft ûnd orientalischen Philologie in Deutschland“ (1869 г.), замѣчаетъ: „Ieder, der sich mit wissenschaftlichen Arbeiten beschäftigt, ist der Gefahr ausgesetzt, sich Blössen der mannigfaltigsten Art zu geben und vielleicht sind es diejenigen ammeisten, deren Blick am weitesten reicht. Je enger und begränster dagegen der Blick, desto leichter lässt sich der Boden, auf wel-

chem man sich bewegt überschauen; einem solchen Blick aber wir ddie Erweiterung einer Wissenschaft nur in den seltensten Fällenverdankt".

Существованіе рѣзко-порицательнаго отзыва въ „Рус. Мысли" побуждаетъ меня привести въ смыслѣ „audiatur et altera pars" нѣсколько отзывовъ о „Культ. перед". и „Этногр. замѣткахъ" въ спеціальныхъ этнографическихъ изданіяхъ: Г. Карловичъ въ „*Melusine*", 1890, № 2. „Dans le 3 livraison de la „Rewue etnographique" nous lisons de belles études etnographiques du professeur Sumtzoff"... Г. Равита въ журналѣ „*Wisła*", 1889, на стр. 456 говоритъ о „Культурныхъ переживаніяхъ": „Artykuly te profossora S. są wysoce zajmujące, pisane z gruntowną znajomością rzeczy i stanowią prawdziwą ozdobę czasopisma". **Н. Ѳ. Сумцовъ.**

ДОПОЛНЕНІЯ.

Къ § 1 (*олень*) у Харузина „Рус. лопари", 148. Къ § 4 (*испытаніе вѣдьмъ водой*) въ Кіев. Стар., 1885, XI, 1888, XI, Wisła, 1887, VI, 216, 220; Melusine 1888, с. 183. Къ § 7 (*о цѣлебности ужа*) въ „Колдовствѣ" Антоновича, 335. Къ § 9 (*грабуванье*) въ Основѣ 1862, II, 26. Къ § 11 (*о монаст. пасѣкахъ*) въ Кіев. Стар., 1890, I, 126. Къ §§ 15—20 (*о садоводствѣ, винокуреніи, промыслахъ: сапожномъ, чумацкомъ и кацарскомъ*) въ 1 и 2 томахъ „Матеріаловъ" профес. Багалѣя (по указателю) и въ Харьк. Вѣд., 1880, №№ 196 и 205. Къ § 28 (*къ исторіи хаты*) въ Wisła, 1890, I, 146. Къ § 38 (*сволокъ*) въ Zbiór Wiadom., VIII, 117, 205. Къ § 47 (*журъ*) въ 3 кн. Этногр. Обозр., 1889 и во 2 кн. 1890 г. Къ § 54 (*живой огонь*) въ Кіев. Стар., 1889, іюль, 264. Къ § 58 („*тополя*") въ „Опытѣ" Мандельштама, 228. Къ §§ 58—66 (*игры*) въ 2 т. Сборн. харьк. истор. фил. общ. Къ § 71 (*гусли*)—монографія г. Фаминцына, 1890 г. Къ § 72 (*кумы*) въ Кіев. Стар. 1890, I, 124 и въ 2 т. Сборника харьк. ист. фил. общ. въ словарѣ Манжуры. Къ § 81 (*одмина*) въ Wisła, 1890, 337, Zbiór Wiadom., 201, X, III, 141, 142, Straneczka-Ornamenty, 9; Манжура, Сказки, 86, 155. Къ § 95 (*обмазываніе дегтемъ*) въ Wisła, 1889, 448—9. Къ 100 (*гостецъ*) въ Zbiór Wiadom., VIII, 297 и въ Дневникѣ антроп. отд. общ. люб. ест., 1890, VI. Къ § 102 (*пристритъ*) въ Запискахъ геогр. общ., VII, 359. Къ 103 (*даня*) въ Zbiór Wiadom., IV, 62. Къ 149 (*ужъ сосетъ коровъ*) въ Кіев. Стар., 1890, IV и Faune populaire, Rolland, III. Къ § 5 (*клички*) въ Wisła, 1890, I. Къ 56 (*колодка*) въ Zbiór Wiadom., V, 45. Къ 119 (*порча коровъ*) въ Zbiór Wiadom., IV, 4 и въ Faune popul. Rolland, т. IV. Къ 25 (*засовка*) въ Zbiór Wiad., X, 201. Къ 99 (*демонич. болѣзни*) у Харузина „Рус. лопари", 162. Къ 117 (*наузы*) въ Trad. de l'Asie Mineur Carnoy et Nikolaides, 196 и Wisła, 90 г., 163. Къ 104 (*сглазъ*) ib. 344. Къ 27—43 (*гаданія*) ib. 342. Къ 145 (*поговорки про женскую разговорчивость*) въ Faune popul. Rolland, VI, 37. Къ 73 (*чесаніе пятокъ*) у Maspero въ Contes popul. de l'Egypte ancienne 70. Къ 116 (*мертвая рука*) въ Contes populaires de Lorraine Cosquin, I, 184.

Предметный указатель.

Внѣшняя природа: многочисленность небесъ (§ 195); лунный человѣкъ (197); призываніе дождя (198, 3); роковое значеніе громоваго удара (199); громъ и молоко (200); основа земли (196); обрядовое прикосновеніе къ землѣ (126); земля могильная (115).

Село и хата: основаніе поселка (26); опахиваніе (26); закладываніе хаты (27); къ исторіи хаты: землянка, курныя избы, старинный мѣщанскій домъ, инородныя вліянія (28); домашніе талисманы: огонь, печь, соръ, ужъ, аистъ, ласточка, ремезовое гнѣздо, подкова, чеснокъ, Сонъ Богородицы, четверговая свѣча (29—37); части дома: засовка (25), кабыця (187), живой огонь (54), печь и печной огонь (30, 29, 127, 144), трещаніе дровъ въ печи (144, 17), бросаніе зуба на печь (144, 5); зола въ гаданіяхъ (127) и обрядахъ (170); изразцы (13); рѣзной сволокъ (38); иконописный змѣй (14); колыска (52); качаніе пустой колыбели (144, 22); каганецъ (53); бирки и ровати (51), куманецъ (50); глекъ (48); битье посуды (144, 29); трескъ мебели (144, 24); хозяйственные предметы: колотало (24) и човенъ (39).

Личная жизнь крестьянина: амулеты: волчій зубъ, жабья косточка, змѣиная головка, красныя повязки (191); усыпительный и лечебный массажъ (172); „ськаніе“ (174); чесаніе пятокъ (173); ладони (144, 13), переносья (144, 14); зѣвота 144, 8); шумъ въ ушахъ (144, 127); свистаніе и качаніе ногами (144, 20); пятнушки на ногтяхъ (144, 19); сны (127) и вставаніе съ постели лѣвой ногой (144, 30).

Пища и одежда: обѣденное время (43); кваша (44); каша (55); журъ (47); соломаха (45); мамалыга (46); сластены и маковники (41); сыръ (42); свинина (55); одежда: галанци (23); дерга (22); плахта (21); хустка (190), дукаты и намисто (189).

Семейная жизнь: кодло и кубло (164); кувада (73); наказаніе мужа за родовыя боли жены (74); бабье лѣто (147); развязываніе узловъ при родахъ (75); отмыканіе замковъ (75); ночные роды (76); перстень при родахъ (77); дѣтская сорочка (78); пред-

почтеніе мальчика (79): обрядовое усыновленіе (80); кумы (72); продажа ребенка (82); размывки (83); коронування (84); досвѣтки (85); умыканіе дѣвицъ (57); свадебная терминологія (88); палка сватовъ (87); постъ невѣсты (89); гарбуза пиднесты (91); значеніе весилья (90); разводъ (97).

Общественная жизнь: толока (177); могорычъ (88); сябры (176); братства цеховыя (180), нищенскія (179); военныя (178); церковныя (179); парубоцкія (182); шпитали (183); шпитальные—сторожа у коворота (184); уличныя клички (5); память о крѣпостничествѣ (5); нищенскій жаргонъ (179); корчма, какъ общественное учрежденіе (17); лѣсъ—bonum nullius (148).

Праздники и игры: коляда (55); купало (57); масляница (56); зажиганіе костровъ (57); переряживанія (55); гаданія (55, 127—143); плетеніе вѣнковъ (57); тополя (58); король (59); кугиклы (60); кострубонько (62), воротарь (61); кулачки (63); паци (64); призываніе дождя (198).

Музыкальные инструменты: свистульки (65); сопилка (66); бандура (67); цимбалы (70) и гусли (71).

Промыслы: садоводство (15, 55); винокуреніе (16); чеботарство (19); чумачество (20); коцарскій (18); свѣчной (12); пчеловодство (11); добываніе красокъ (18).

Базарные обряды: первый торгъ (144, 37); продолжительные переговоры (10); женитьба свѣчки (188); обряды при покупкѣ лошади (151).

Проступки и наказанія: пьянство (16); флендра (146); покрытка (93); остриженіе волосъ (94); обмазываніе дегтемъ головы и воротъ (95); запряганіе въ телѣгу (96); надѣваніе хомута (96); колодка (56); грабуванье (9); положеніе вверхъ ногами (185); утопленіе вѣдьмъ (4).

Демонологія: демоническая стрѣльба (192); бросаніе камней демонами (124); инкубы и суккубы (125); демоническое происхожденіе болѣзней (99); гостець (100); лихорадка (101); пристритъ (102); данна (103); сглазъ (104); уроки (105); божевильный (106); злыдни (98); домовые (37, 144); происхожденіе упырей

(122); нападеніе упырей на село (123); обаяньки (194); вовкулаки (121); дивъ (193); мелюзины (8); украинскіе знахари (108); цыганская ворожба (109, 6); вѣдьмы (57, 144); испытаніе вѣдьмъ водой (4); ворожба надъ тучами (3, 121); по слѣду (110); по волосамъ и ногтямъ (111); по восковой фигурѣ (112); наузы (117); закрутка (118); подмѣнъ ребенка (81); собираніе росы (120); порча коровъ (119, 144); похищеніе звѣздъ (121); выкапываніе утопленниковъ и пораженныхъ громомъ (199).

Народно-поэтическая зоологія: волкъ (зубъ и кожа, 191); конь (150); подкова (35); быкъ (171); туръ (1); олень (1); кошка (144); заяцъ (144); зиньске щеня (154); орелъ (166); крагулецъ (158); пѣтухъ царикъ (155); пѣніе курицы (144); яица (41, 127); ломка скорлупы (144); аистъ (34); сорока (144, 15); ласточка (33); соловей (156); сова (159); волове очко (160); ремезъ (161); дятелъ (167); удодъ (168); кукушка (168, 157, 158, 156, 144); воронъ (подробно въ 1 кн. Этногр. Обозр. 1890 г.); вырій (163); укрощеніе змѣй (6); цѣлебныя свойства змѣи (7, 191); ужъ, какъ талисманъ (32); ужъ сосетъ коровъ (149); полозъ (165); пчелы (152); саранча (153); ракъ (188, 191); божія коровка (162).

Народно-поэтическая ботаника: древо жизни, обрядовое, легендарное (188); ясень (6); рябина (36); осина (36); гильце (188); сонъ-трава, розмай-зилье, жемчужная трава и васильки (въ III кн. Этногр. Обозр. 1889); ивановскія травы (57); крапива (36, 175); чеснокъ (36); чернобыль, лопухъ (36); макъ (36); солома и сѣно (55, 188); тыква (91).

Мелкія повѣрья: несчастные дни (144), значеніе встрѣчъ (144); три свѣчи (144); число 13 (144); паденіе денегъ (144); пересолъ кушанья (144); соль разсыпать (144); дождь на свадьбѣ (144); свѣча изъ человѣческаго жира (116); обидящая свѣча (113); о каменныхъ бабахъ (186) и о фигурахъ (185).

О нѣкоторыхъ литературныхъ мотивахъ: оборотничество орла въ сказкахъ (166); платокъ въ сказкахъ (190); сказка о чертовомъ сынѣ (72); поговорки про женскую болтливость (145); дума о смерти козака бандуриста (68); насмѣшливыя пѣсни (57); загадки (92); Мертвецкій Великдень Квитки (42); изъ сказаній

объ обмираніи (107); символическое значеніе бусъ въ малорусскихъ и болгарскихъ пѣсняхъ (189).

О значеніи словъ: харцызъ (169); кодло и кубло (164); галанци (23); дивъ (193); обаяснык̀ъ (194); гостець (100); флендра (146); куманецъ (50); колотало (24); коворотъ (184); клички уличныя (5), женить свѣчку (188); малыковатый (конь, 150); кабыця (187); карбижи и раваши (51); каганецъ (53).

УКРАИНСКІЕ ЮМОРИСТЫ И ШУТНИКИ.[1]

(ЭТНОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ).

Штукари въ дѣйствіи—тѣ же шутники и юмористы, но они часто сопровождаютъ свои жарты извѣстнаго рода драматизмомъ: смѣшными тѣлодвиженіями, комичной жестикуляціей, передразниваніемъ знакомыхъ лицъ, доходящимъ до совершенства. Иногда они для потѣхи публики изобрѣтаютъ комичные сюрпризы и вообще они не прочь „встругнуть“ смѣшную штуку на всякомъ мѣстѣ и во всякое время.

Я остановлюсь на одномъ субъектѣ изъ этого разряда украинскихъ штукарей, какъ наиболѣе мнѣ извѣстномъ. Вся жизнь его—это непрерывный рядъ комедій и лицедійства. Зовутъ его Антонъ Андреевичъ Радывыловскій. Отецъ его былъ священникъ въ селѣ Хилькахъ каневскаго уѣзда. Въ богуславское духовное училище онъ поступилъ чуть ли не юношей. Его исключили изъ перваго же класса. Такъ какъ онъ былъ дальній родственникъ моего отца, то отецъ взялъ его къ себѣ разсыльнымъ, т. е., выражаясь по старинному, вознымъ. Онъ былъ обязанъ развозить по благочинію *курсорію*, т. е. всѣ бумаги, всѣ распоряженія, получаемыя изъ консисторіи и адресованныя священникамъ. Въ то же время Антонъ состоялъ и кучеромъ и возилъ меня 12 лѣтъ „въ школу“ въ Богуславъ и въ Кіевъ. Я отлично помню Антона юношей или же парубкомъ, такъ какъ онъ самъ причислялъ себя больше къ этому разряду кавалеровъ,

[1]) „Кіев. Старина“, 1890 г. № 9.

хотя одѣвался по праздникамъ въ синій суконный жупанъ, какъ шляхтичъ, но въ будніе дни не „цурався и свиты", только непремѣнно бѣлой. Роста онъ средняго, строенъ; голова небольшая, круглая. Губы розовыя, полныя; зубы крупные, ровные, бѣлые. Весь складъ его выразительнаго широкаго рта какъ бы созданъ для хохота. Карые, острые, небольшіе глаза всегда блестятъ веселостью, отличаются замѣчательною подвижностью; они бѣгаютъ, вертятся, словно „живое серебро". Вся его фигура живая, подвижная, гибкая, словно каучуковая. Онъ отличается замѣчательною ловкостью, быстротою въ движеніяхъ. Его юркость и проворство напоминаютъ юркость бѣлки. Онъ вѣчно веселъ, беззаботенъ, вѣчно смѣется и смѣшитъ. Я не видѣлъ никогда на его лицѣ ни малѣйшаго оттѣнка грусти, задумчивости. Онъ почти никогда не сердится. Природа какъ будто лишила его этихъ качествъ, но за то вдвойнѣ надѣлила его другимъ своимъ даромъ—смѣхомъ и штукарствомъ.

— Антоне, за що васъ сключылы зъ школы? Чы вы не вчылысь, чы штукъ натворылы? бывало спрашиваютъ его.

— Такъ не вчывся, бо ничого не розумивъ. Щось тамъ таке бувало розсказуютъ вчытели, а я ничого не розбыраю, отвѣчаетъ Антонъ.

Антонъ, дѣйствительно, ничего не разбиралъ, потому что не понималъ русскаго языка и не могъ говорить на немъ, какъ не умѣли въ тѣ времена говорить по русски всѣ сыновья и дочери священниковъ.

— А то разъ нарвавъ я кислыць тай насыпавъ въ класси коло порога, а смотритель якъ ступывъ черезъ поригъ, то якъ посковзнетьця по кислыцяхъ, тай и гепнувъ назадъ. Выбылы мене тай прогналы зъ школы,—разсказывалъ Антонъ.

А между тѣмъ Антонъ Андреевичъ не глупый человѣкъ, напротивъ—его умъ подвижный; онъ могъ бы учиться недурно и окончить курсъ, если бы только не кислыци.

Проходя по улицѣ селомъ, встрѣчаясь съ знакомыми и незнакомыми крестьянами, евреями, Антонъ никого не пропуститъ: всякаго зацѣпитъ какимъ нибудь жартомъ. Это свойство какое-то липкое, цѣпкое, ему врождено: онъ не можетъ воздержаться

отъ этого искушенія, словно бѣсъ сидитъ въ немъ и нашептываетъ: зацѣпи, посмѣйся, пожартуй! Ѣдешь съ нимъ бывало въ дорогѣ, словно присутствуешь при чтеніи комическихъ куплетовъ. Выѣзжаемъ за село. На встрѣчу ѣдетъ знакомый крестьянинъ.

— Дядьку! Чы ты знаешь, що трапылось на сели! кричитъ ему Антонъ страшно встревоженнымъ, ужаснымъ голосомъ: тамъ твоя хата горыть!

— Ой Боже мій! восклицаетъ въ ужасѣ крестьянинъ, и его глаза мгновенно дѣлаются тусклыми отъ ужаса.

Онъ устремляетъ тусклый взглядъ на село. Надъ селомъ при ясномъ небѣ нигдѣ не видно ни малѣйшей струйки дыма. Крестьянинъ, понявъ штуку, осматривается и посылаетъ въ догонку Антону ругательства. Антонъ тоже осматривается и хохочетъ. Вотъ ѣдетъ на встрѣчу другой крестьянинъ, сидя на возу, и съ апатичнымъ видомъ погоняя воловъ.

— Дядьку! Чы-ты-ба! Въ тебе вись у колеси! кричитъ ему Антонъ.

Дядько схватывается, какъ опеченный, „спотання“ онъ не понялъ фразы въ настоящемъ ея смыслѣ. Ему показалось, вслѣдствіе быстроты сказаннаго, что колесо спало съ оси. Онъ бросаетъ быстрый взоръ на всѣ колеса: колеса оказываются на своихъ мѣстахъ, и оси всѣ, дѣйствительно, въ колесахъ. Онъ понялъ штуку, и его ругань раздается уже далеко за столбомъ курявы. Антонъ хохочетъ. Опять ѣдетъ возъ. Погоняетъ воловъ молодой парубокъ.

— Хлопче, въ тебе голова въ шапци! кричитъ Антонъ.

Парубку кажется, что онъ потерялъ шапку. Онъ хватается рукой за голову; оказывается, что шапка на своемъ мѣстѣ, а голова, дѣйствительно, въ шапкѣ. Парубокъ смекаетъ, въ чемъ дѣло и улыбается. Вотъ изъ за горы выѣзжаетъ жидовская балагула, запряженная парой тощихъ клячъ. Евреи возвращаются съ ярмарки. Неуклюжая высокая балагула виднѣется издали, покачивается изъ стороны въ сторону, словно верблюдъ въ пустынѣ, и медленно приближается. Лошади ѣдутъ, „пидтюпцемъ“. Антонъ сдерживаетъ лошадей. Балагула биткомъ

набита евреями, какъ бочка сельдями. Въ будкѣ на почетномъ мѣстѣ сидятъ старые хуситы съ пейсами, съ длинными сѣдыми бородами. Противъ нихъ рядъ евреекъ на какихъ то мѣшкахъ со всякимъ крамомъ. По серединѣ между ними, на ихъ ногахъ, тоже на какихъ то мѣшкахъ, сидятъ два еврея помоложе, свѣсивъ ноги за брычку. На козлахъ, рядомъ съ погонщикомъ, пріютились еще два еврея, словно вороны или галки вцѣпились въ вѣтки дерева когтями. Балагула, покачиваясь, покачиваетъ и эту массу живаго тѣла: еврейскія ноги „телипаются“ по сторонамъ, какъ маятники. Антонъ ѣдетъ медленно; лошади идутъ шагомъ. Поровнявшись съ балагулой, Антонъ начинаетъ считать евреевъ, начиная съ самаго низшаго чина—съ погонщика, и тычетъ въ каждаго пальцемъ: разъ, два, тры, чотыри, пять... десять, одынадцять, дванадцять... Счетъ, по указанію Антонова пальца, касается высшихъ чиновъ—хуситовъ. Высшіе чины не выносятъ этого. У евреевъ грѣшно считать людей, какъ гусей и поросятъ. Хуситы начинаютъ ругаться, ругаются и еврейки, ругается и погонщикъ. Въ балагулѣ страстно возбуждены. Начинается чуть не бунтъ: вся балагула начинаетъ гоготать, словно раздраженное стадо гусей. „А-ги-ра! Шварцъ-уръ! ферфлузете! матери твоій чортъ! гой!“ ругаются евреи. Молодые евреи покушаются спрыгнуть съ воза. Антонъ видитъ это, оборачивается, беретъ въ руку кончикъ полы, изображая свиное ухо, и машетъ этимъ ухомъ по направленію балагулы. Балагула останавливается. Молодые евреи, чуя за своей спиной массовую силу, соскакиваютъ съ балагулы. Терпѣніе, значитъ, лопнуло. Въ этомъ случаѣ евреи бросаются массой и нервно дерутся, даже щипаютъ и кусаются. Антонъ видитъ, что довольно пошутилъ, хлещетъ кнутомъ по лошадямъ; кони несутся вскачь; евреи все гогочутъ да кричатъ. Но Антонъ не дремлетъ—его и слѣдъ простылъ. Вотъ съ ярмарки ѣдетъ воловый возъ; погоняетъ дядько, а за дядькомъ, во всю длину воза, сидитъ, поджавши ноги, два ряда молодицъ съ горшками, мисками, окнами.

— Дядьку не попродавъ усихъ молодыць на ярмарку, кричитъ ему Антонъ, тай назадъ везешъ?—„Ни, колы хочъ, купы въ мене зо дви“, флегматично отвѣчаетъ дядько.

— Продай мини оту стару, беззубу бабу, що въ тебе за спыною сыдыть".—„А що дасы?"—„Дамъ тры шагы, колы визьмешъ!" „Не продамъ. Дешево. Нехай зостанеться на насиння", отвѣчаетъ дядько. И подобные жарты Антонъ отпускаетъ во всю дорогу.

Вотъ Антонъ въ кругу дивчатъ на работѣ или на гулянкѣ: на музыкахъ, на веснянкахъ. Дивчата относятся къ нему какъ къ ровнѣ, смотрятъ на него, какъ на парубка, а не какъ на паныча. Антонъ разсыпается предъ ними мелкимъ бѣсомъ. Намѣтивъ одну, самую красивую, или же для контраста самую безобразную, Антонъ подступаетъ къ ней съ комплиментами просто, безъ обиняковъ. Онъ приближаетъ свое лицо чуть не къ самому ея лицу, поднимаетъ ладони вверхъ и дѣлаетъ самую сладкую мину. Глаза его хитрые и сладенькіе. Губы улыбаются, зубы блестятъ.

— Ой моя горлычко, моя ты перепилычко, моя щебетушечко! Якъ я тебе люблю. И въ ночи не имъ и въ день не сплю!

— Та одчепысь соби къ нечистому! Ты мене любышъ, а я тебе зовсимъ не люблю, отвѣчаетъ дивчына и смѣется.

— О, недавно любыла, а це вже й перестала. Ще вчора любыла продолжаетъ Антонъ.

— Вчора любыла, а сегодня вже й перестала. Та я и вчора не думала тебе любыть. Прычыпысь до кого богаччого: онъ до Олены, або що, говоритъ дивчина, указывая на сосѣдку.

— Колы Олена брыклыва, а ты не куслыва: тимъ то я тебе люблю.

Дивчына знаетъ Антоновы штуки и потѣшается надъ нимъ безъ церемоніи.

— То и я стану куслыва, якъ Олена, продолжаетъ дивчына.

— А на мене вкусы! А, Господы, якъ люблю якъ дивчата кусаются. Моя ты зозуле рябенька; моя курочко зозуляста!

Дивчына начинаетъ ругаться. Антонъ измѣняетъ тонъ комплиментовъ. Сыплются другіе комплименты, уже не такіе утонченные.

— Ты петербургська корова, херсонська дрохва, егыпецкый смердячій одудъ! Ой, не любять мене дивчата, пиду зъ горя та въ Роси утоплюся.

— То йды та топысь,—отвѣчаютъ ему дивчата.

Антонъ дѣлаетъ плаксивую мину.

— Такъ мене дивчата любять, що я за кулаками й свита не бачу, говоритъ Антонъ и дѣлаетъ совсѣмъ кислую мину.

— А ну заплачъ! смѣются дивчата.

Антонъ надуваетъ губы и начинаетъ хныкать, какъ хнучутъ дѣти; хныканье его усиливается. Онъ „рóзсквасывъ губы", начинаетъ утирать глаза кулаками и щиколотками, совершенно по дѣтски. Онъ въ совершенствѣ воспроизводитъ дѣтскій плачъ. Лицо его плачетъ. Вотъ-вотъ онъ разразится дѣтскими рыданіями, но въ это время глаза его смѣются: они лукаво посматриваютъ изъ подъ кулаковъ на дивчатъ. Дивчата хохочутъ. Любой актеръ позавидовалъ-бы этому шуточному рыданію и смѣющимся глазамъ. Оставивъ въ покоѣ красавицу Олену и другихъ дивчатъ, Антонъ выбираетъ новую жертву въ иномъ вкусѣ; ему хочется шутить, словно въ немъ сидитъ семь чертей жарта и не даютъ ему покою ни на одну минуту. Онъ избираетъ предметомъ своихъ жартовъ самую некрасивую изъ дивчатъ, Варку. Подойдя къ ней очень близко, Антонъ сжимаетъ кулаки и, сложивъ руки на крестъ, бьетъ ими въ грудь такъ сильно, что грудь гудитъ, словно пустая бочка; при этомъ Антонъ глубоко вздыхаетъ, словно его поражаетъ безысходное горе. Закинувъ голову назадъ, онъ пускаетъ глаза подъ лобъ и, еще разъ глубоко вздохнувъ словно кузнечный мѣхъ, произноситъ какъ-бы въ отчаяніи: „охъ"! Его подвижное лицо, его глаза, все такъ наглядно выражаетъ отчаяніе, что, посмотрѣвъ на него, невольно скажешь: пропадетъ Антонъ отъ безнадежной любви! Онъ самъ соби смерть заподіе. Варка понимаетъ насмѣшку, направленную по ея адресу и отталкиваетъ его; она нервно сердится, раздражительна и серьезна, шутокъ она не любитъ.

— Одчепысь одъ мене сатано! восклицаетъ сердито Варка.

— Ой вмру, таки сегодня ввечери вмру за тобою, серденько мое, моя зирочко, моя щебетушечко, говоритъ Антонъ, принимая позу влюбленнаго и приближая свое лицо къ самому ея лицу.

— Про мене вмирай хочъ и заразъ: не буду плакать, говоритъ Варка, отступая отъ него на шагъ.

Антонъ обижается и пускаетъ въ ходъ стрѣлы купидона изъ другаго колчана.

— Ой тыжъ моя Мелектрысо Кырбитьевно, моя Мелегеріе Султановно! Ой моя вершо въ болоти! Моя турецька скрыпочко! Ой Господы, якъ я тебе люблю! такъ люблю,—якъ собака цыбулю.

Варка сердится; она начинаетъ ругаться не на шутку. Антонъ видитъ, что надо отступать, иначе можно перейти мѣру. Онъ подбѣгаетъ еще къ одной красавицѣ.

— Ой, серденько, хочъ подывысь на мене чорными оченькамы. Дивчина отворачивается и смотритъ въ сторону.

— Дивчата, котра мене любыть, та на мене не дывыться! командуетъ Антонъ.

Красавица быстро поварачиваетъ голову и смотритъ на Антона, желая этимъ показать, что она его не любитъ.

— А ба! Таки подывылась на мене! Не втерпила! А що! Я таки знавъ, що ты мене любышъ, та тильки соромышься на мене дывиться, говоритъ Антонъ.

По адресу парубковъ, даже своихъ пріятелей, Антонъ сыплетъ эпитеты таки совсѣмъ неучтивые.—Гей ты, глекъ макитровычъ! Рыпыця-капыця! Смердячый египецкый одудъ! Бова Королевычъ! Ерусланъ Лазаревычъ! Чумацька мазныця! Одставный гланяныкъ! Одставный козыбарабанщикъ, т. е. козы, изображаемой вожакомъ при пляскѣ медвѣдя.

— Хто-жъ ты такій, що въ тебе все глекы макитровычи? спрашиваетъ Антона одинъ изъ пріятелей.

Антонъ принимаетъ величественную позу: приставивъ указательный палецъ ко лбу и подбоченившись, отвѣчаетъ.

— Я.... Я....!.. О, я—велыке цабе! Бувъ колысь Георгъ, аглыцькій мылордъ, а теперъ я одставнои мазныци квачъ!

Эпитетъ, незазорно и безпощадно приложенный имъ къ своей особѣ, возбуждаетъ веселый смѣхъ въ публикѣ.

Вотъ вдали появляется высокая тощая фигура въ нанковомъ сюртукѣ, въ старомъ картузѣ и въ потертыхъ дешевенькихъ панталонахъ. Идетъ панъ Зануда, мѣстный убогій шляхтичъ. Онъ поворачиваетъ къ шинку, чтобы скуки ради покалякать съ сосѣдями, которые сидятъ рядочкомъ подъ шинкомъ на за-

валинкѣ. Панъ Зануда бѣденъ: бѣднѣе зажиточнаго мужика, но онъ полонъ сознанія собственнаго шляхетскаго достоинства, гордъ и къ тому-же панъ „чваньковытый“. Если вѣрить пану Занудѣ, отецъ его дослужился до чина бригадира. Отъ своего отца-бригадира Зануда усвоилъ нѣкоторую въ своемъ родѣ воинственность: онъ ходитъ выпрямившись, будто проглотилъ козацкую пику; волосы причесываетъ по модѣ временъ Александра Благословеннаго: надъ лбомъ его торчитъ что-то похожее на пѣтушій гребень, волосы на вискахъ примазаны, густо намазаны оливою, направлены мысами къ бровямъ и плотно прилегли къ вискамъ. Антонъ Андреевичъ однимъ прыжкомъ очутился сзади пана Зануды и безподобно копируетъ его походку и манеры. Онъ поднялся на цыпочки, вытянулся въ струнку, задралъ носъ къ небесамъ и туда же направилъ козырекъ своего картуза. Онъ изображаетъ бригадира въ третьей редакціи, дошедшей до Стеблева. Онъ быстро надвигаетъ волосы на вискахъ къ бровямъ и попеременно приглаживаетъ ихъ то одной, то другой рукой, словно котъ умывается лапами. Такой жестъ панъ Зануда практикуетъ въ церкви при богослуженіи и при другихъ торжественныхъ случаяхъ. Въ толпѣ поднимается хохотъ, но панъ Зануда величественно подвигается впередъ: онъ знаетъ, что выдѣлываетъ Антонъ позади его, но съ гордымъ презрѣніемъ относится къ этому мальчишеству Антона. На горизонтѣ появляется еще одна фигура: идетъ къ шинку крывый Гнатъ. По случаю воскреснаго дня онъ нарядился въ новую свиту, подпоясался зеленымъ поясомъ, на ногахъ пасови чоботы съ длинными холявами. Одна нога его немного искривлена въ колѣнѣ, но такъ, что оттопыривается въ бокъ. Гнатъ идетъ, отбрасывая одну ногу. въ сторону отъ себя и описывая чоботомъ на воздухѣ дугу Издали кажется будто онъ брыкается правою ногою. Антонъ ухитряется зайцемъ покатиться за челядью. Въ одинъ мигъ онъ уже идетъ за спиною Гната, отставляетъ ногу въ бокъ и копируетъ походку Гната въ тактъ, словно солдатъ на муштрахъ. Въ толпѣ поднимается хохотъ; глаза всѣхъ обращены къ Гнату. Онъ догадывается, и вдругъ оборачивается: Антонъ пойманъ „на горячому мисци“.

— Ось я тебе пальцею! Я тоби покажу штуки! Це чыста стеблывська сатана! кричитъ Гнатъ, сердитый и обидчивый, какъ всѣ калѣки.

Этотъ стебливській Гаррикъ, можетъ быть, не уступающій по таланту англійскому Гаррику, дѣйствительно могъ казаться „чесній громади“ чѣмъ то въ родѣ воплощеннаго сатаны. Къ толпѣ подходитъ молодой парубокъ въ триковомъ жупанѣ и въ картузѣ: это шляхтичъ Олександръ,—другъ и пріятель Антона Радывыловскаго, веселый, бойкій въ разговорахъ, охотникъ пошутить. Можетъ быть, Антонъ и питаетъ къ нему симпатію потому, что онъ умѣетъ поддерживать Антона въ его штукарствѣ и даетъ обильный матеріалъ для шутокъ.

— Здоровъ, глекъ макотровичъ! восклицаетъ Антонъ, подавая руку Олександру.

— Здоровъ будь, рогачъ макогоновичъ! даетъ ему сдачи тою же монетою Олександръ.

— А заграй лышень на своихъ гусляхъ-самогранцяхъ, бо въ дивчатъ ажъ жыжки дрижатъ до танцивъ, говоритъ Антонъ.

— Цуръ ему! Ще мои гусли-самограны попухнуть, отвѣчаетъ Олександръ.

Гусли-самограны, о которыхъ говоритъ Антонъ, это собственные губы да языки, на этихъ самогранахъ Антонъ и Олександръ часто наигрывали отчаянныя плясовыя мелодіи, подъ которыя дивчата, охотницы до танцевъ, пускались въ плясъ. Текстъ къ этимъ мелодіямъ Антонъ, кажется, часто импровизировалъ самъ, такъ какъ этотъ текстъ имѣлъ отпечатокъ его безшабашнаго штукарства; онъ прибавлялъ къ куплетамъ пѣсенъ припѣвъ вродѣ слѣдующаго:

Омелга, дереза!
Коромысло, макогинъ!
Косылячи клубы!
. . . . . .
. . . . . .
Симъ день конопель,
А ячменю три дни;
Хто за мене пиде,
То готовы злыдни.

Съ этимъ Александромъ Антонъ любилъ критиковать дивчатъ и вообще высказывать откровенно свое мнѣніе о нихъ въ ихъ же присутствіи. Для этого они изобрѣтали особенный языкъ, на которомъ и вели между собою разговоръ свободно, не стѣсняясь присутствіемъ дивчатъ. Сначала они пустили въ ходъ разговоръ, прибавляя къ каждому слову частицу *хыръ*.—„Хыръ-о-хыръ-ле-хыръ-на хыръ-гар-хыръ-на“ (Олена гарна), начинаетъ Антонъ.—„Хыръ-у-хыръ-стя хыръ-ще хыръ-кра-хыръ-ща“ (Устя ще краща), отвѣчаетъ Александръ. При быстромъ разговорѣ этотъ гіероглифическій способъ сообщенія мыслей былъ непонятенъ дивчатамъ, но въ деревнѣ многіе его знали, и поэтому дивчатамъ не трудно было усвоить его себѣ; онѣ нашли ключъ къ пониманію этого нехитраго языка. Антонова штука не удалась. Тогда Антонъ и Александръ прибѣгаютъ къ другому способу разговорнаго языка: они прибавляютъ къ каждому слогу слова частицу *нава*, но измѣняя гласную *а* въ другую такую, на которую оканчивается слогъ.—„Олександре! Ва-нава-рка-нава гунуву-ба-нава-та-нава“ (Варка губата), начинаетъ Антонъ.—„Эге! гу-нуву-бы-нывы я-нава-къ по-ново-сто-ново-лы-нывы.“ (Эге! губы якъ постолы), отвѣчаетъ Александръ. Долго они морочили дивчатъ этимъ говоромъ, кажется, занесеннымъ изъ Богуслава. Любопытство дивчатъ было задѣто сильно и ключъ разумѣнія опять былъ отысканъ. Тогда Антонъ начинаетъ вести разговоръ съ Олександромъ по складамъ:—„Олександре! Виды-азъ=*Ва*, ирцы-како-азъ=*ка* добро-укъ=*ду* ирцы-нашъ-азъ=*на* Я-како еръ како-онъ=*ко-ирцы-онъ=ро*-виды-азъ=*ва*, т. е. Варка дурна якъ корова. Но къ несчастію Антона между присутствовавшими парубками или чоловиками часто отыскивались грамотные, они-то часто выдавали головою Антона и его пріятеля. Оба чувствовали себя въ очень неловкомъ положеніи передъ честною громадою: ихъ мнѣніе о дивчатахъ, ихъ разговоры были часто таки совсѣмъ не цензурные. Антонъ не унывалъ; онъ неистощимъ въ изобрѣтеніи шутокъ: онъ рѣшается на крайнее средство, чтобы сохранить въ тайнѣ свои разговоры съ Олександромъ: онъ начинаетъ говорить по жидовски. Этотъ жидовскій языкъ Антона состоялъ въ томъ, что онъ лѣпилъ подмѣченныя въ разговорѣ евреевъ

нѣкоторыя фразы и между этихъ фразъ вставлялъ имена и названія отличительныхъ характерныхъ признаковъ нѣкоторыхъ дивчатъ, прибавляя къ этимъ словамъ швабско-еврейскія окончанія: *еле.*

— Олександре! А шра шварцъ уръ, Тетянеле вчореле менеле поцилуведе, начинаетъ Антонъ.

— Гертъ ту, комъ геръ деръ! Дывысь якъ нихтъ ду челдъ Прискеле роскваселе, комъ геръ деръ губеле, поддерживаетъ разговоръ Олександръ.

— Кымъ леместе балабусте, а губеле якъ, гертъ ду, кымъ леместе балабусте зи геберъ-деръ-деръ-деръ, якъ рыпыци, або капыцыле, говоритъ Антонъ, продолжая въ томъ-же тонѣ на тарабарскомъ языкѣ: а Варкеле якъ балабуста жидивскеле, кымъ леместе балабусте-деръ-деръ-деръ, чортеле бжеле, деръ видьмеле зъ хвостеле, щей митъ цыбулькесъ та часныкесъ.

— Чы ты ба! Ей же Богу и по жыдивськи вміють! восклицаютъ дивчата, ну, тай не капосный тоби Антонъ. Оцего вже не розберемо.

И дѣйствительно, самъ Шамполіонъ сталъ бы въ тупикъ передъ этимъ Антоновымъ гіероглифическимъ языкомъ, но Олександръ и Антонъ отлично понимаютъ другъ друга. Дивчата и парубки искренно вѣрятъ въ высокій филологическій талантъ Антона, но чоловики относятся съ недовѣріемъ къ широкимъ его познаніямъ: они слегка улыбаются.

— Чы то и справди ота проява говорыть по жидивски? спрашиваетъ одинъ дядько.

— Де тамъ! Мабуть бисова тинь тильки ману пускае, глубокомысленно замѣчаетъ другой дядько, дивчатъ дурыть та дражныть; живе на доброму хлиби, то въ ему й обрикъ грае.

Въ полдень къ шинку приходятъ музыканты Вотъ идетъ рослый, плечистый, здоровый шляхтичъ Томко Садовскій. Онъ рыбакъ, сапожникъ и музыкантъ. Черезъ его шею переброшенъ почернѣвшій ремень, на ремнѣ висятъ съ боку цымбалы. Рядомъ съ нимъ бубенъ и скрыпка: это тріо и есть „музыкы“. Музыканты усаживаются рядочкомъ на завалинкѣ. Томко (которому, замѣтимъ, въ настоящее время 91 годъ), раскрываетъ свои цым-

балы и ударяетъ двумя молоточками по струнамъ. Загудѣли, забрянчали цымбалы, завизжала скрипка, брязнуло решето. Бойкій, веселый козачекъ льетъ электрическій токъ по нервамъ дивчатъ и парубковъ. Парубки „наймають музыки“ дивчатамъ.

— Антоне, наймы намъ музыки, обращается къ Антону красавица Олена.

— А ба! Якъ музыки, то й наймы, а дывытысь на мене, то й не дывысся, отвѣчаетъ Антонъ.

Антонъ нанимаетъ музыки, но самъ съ дивчатами не танцуетъ: онъ все таки сознаетъ свое достоинство: онъ панъ важный. Во время танцевъ онъ бросаетъ въ толпу критическія замѣтки, фельетоны, летучіе сатирическіе листки, вызывающіе смѣхъ. Рѣзкіе нецензурные замѣтки онъ сообщаетъ своему пріятелю на швабско-антоновскомъ жаргонѣ, нисколько не опасаясь громадьской цензуры. Однако Антонъ иногда танцуетъ, но танцуетъ только въ очень рѣдкихъ случаяхъ. Танцуетъ онъ въ нашей кухнѣ, когда въ гостиной играютъ на фортепіано живую, плясовую мелодію, когда случайно забредутъ чехи и играютъ въ передней. Онъ танцуетъ по своему, придавая танцамъ свой врожденный жартъ; это комическіе танцы: бѣшеный козакъ съ какими-то танцами зигъ-зигъ, съ какими-то необыкновенными выкрутасами собственнаго изобрѣтенія. Мой отецъ выдавалъ замужъ свою сестру. Свадьба была въ нашемъ домѣ. Въ понедѣльникъ, т. е. на другой день послѣ свадьбы, музыка еще играла для *старыхъ*. Окна и двери открыты настежъ. Въ кухнѣ отчетливо слышны плясовыя мелодіи. Въ кухнѣ собралась своя публика: погонычи-кучера, все изъ сосѣднихъ селъ—не стеблевскіе, случайно зашедшіе шляхтичи—сосѣди, ихъ жены. Въ отворенныя окна со двора засматриваютъ дивчата, сбѣжавшіяся послушать музыку и поглазѣть. Публика готова... Зрителей масса... Антонъ чувствуетъ себя въ ударѣ. Вниманіе публики, обращенное на него, подзадариваетъ его. Онъ пускается въ плясъ, видоизмѣняя народный козачекъ своимъ штукарствомъ. Онъ садитъ гопака, пускается „навприсядки“, живо, быстро, словно мячъ, катается по землѣ и въ это время его ноги растягиваются то впередъ, то взадъ, словно лягушечьи лапы во

время плаванія, то брыкаютъ по сторонамъ, какъ ножки быстро бѣгущаго паука-косаря. Онъ подпрыгиваетъ, словно резиновый мячъ, размахиваетъ руками, поднимаетъ ихъ къ потолку, и вдругъ падаетъ „навприсядки“, становится на рукахъ, отбрасываетъ обѣ руки назадъ, „хвыцае ногами“, словно жеребенокъ, вскидывая ихъ чуть не подъ потолокъ, и какъ будто ходитъ на рукахъ. Сатана! Чисто сатана! Какая изумительная живость въ его движеніяхъ! Какая быстрота! Какая энергія мышцъ, нервовъ, энергія комическая, веселая, заражающая своею веселостью другіе нервы! Вѣроятно, такъ бѣшено танцовали запорожцы послѣ удачнаго похода на татаръ и турокъ. Какая то необыкновенно живая, жизненная сила трепещетъ, дрожитъ въ каждомъ нервѣ, въ каждомъ суставѣ его организма, бьетъ и трепещетъ жизненный ключъ самой природы и прорывается этотъ избытокъ жизни наружу черезъ его нервы. Антонъ напомнилъ мнѣ ловкость и юркость черноморскихъ козаковъ—пластуновъ, ихъ замѣчательную джигитовку. Онъ типъ нервно-подвижнаго, необыкновенно живаго, даже черезъ чуръ живаго украинца. Его воспитала и вскормила широкая, сухая, вольная степь, таинственная, полная опасности, полная бродячей татарвы, полная приключеній, какъ самовольное море; онъ нервенъ, проворенъ говорливъ, обладаетъ бойкою, быстрою рѣчью, какъ провансалецъ, какъ сынъ дальняго востока. На прилавкѣ возлѣ порога была сложена кучами посуда: тарелки, тарелочки, соусники, блюда, миски, взятыя на прокатъ въ жидовской лавкѣ. Антонъ налетѣлъ къ прилавку, какъ вихорь, брыкнулъ ногами вверхъ, хватилъ прилавокъ съ посудою и подбросилъ со всего размаха. Прилавокъ съ посудою взлетѣлъ чуть не подъ потолокъ, тарелки, блюда, соусники посыпались дождемъ на Антона. Онъ схватился и сложилъ ладони на груди, съ покаяннымъ видомъ.

— Ой лышечко! Ой, що жъ це я наробывъ! Ой гвултъ! Тателе, мамеле, чортеле, биселе! Що-жъ теперь мини буде? вопіетъ Антонъ плаксивымъ тономъ, пропавъ я на вики!

Вдругъ онъ опрометью бросился въ уголъ, гдѣ стоятъ рогачи, кочерги, лопата, макогонъ, схватилъ макогонъ и высѣкъ самъ себя... макогономъ. Завернувъ руки назадъ за спину и стоя

на развалинахъ своего Карѳагена, Антонъ начинаетъ немилосердно лупить себя сзади макогономъ.

— Оце тоби, шельмо! Оце тоби, псяюхо! А не дурій, а не дурій! Не бый посуды! Такъ тоби й треба! Ой, не буду бильше! Ей-же-Богу, не буду! вопіетъ Антонъ и лупитъ себя уже съ другой стороны.

Самъ сѣчетъ себя и кричитъ. Кругомъ хохотъ неудержимый, безумный. Хохотомъ стонетъ кухня, полная людей, сѣни, биткомъ набитые зрителями. Трескъ разбитой посуды, взрывъ хохота заглушаетъ музыку и долетаетъ до гостиной. Гости бросаются въ сѣни. Передъ ними открывается комическая картина: Антонъ, стоя на черепкахъ, сѣчетъ себя макогономъ. Гости хохочутъ, хозяева не могутъ удержаться отъ смѣха. Вина прощена Антону ради его штукъ.

Въ томъ же году красавица Олена была засватана. Въ цвѣтахъ и лентахъ на головѣ, съ вышитымъ рушникомъ въ рукахъ, въ красныхъ сапогахъ, румяная, цвѣтущая, здоровая, вся въ блескѣ отъ цвѣтовъ и лентъ, съ сіяющими, почти черными глазами, она, по народному обычаю, пришла къ батюшкѣ просить на весилья. Олену окружали двѣнадцать дружекъ и сопровождали ее съ пѣснями. Она вошла съ дружками прежде всего въ кухню. Въ кухнѣ былъ Антонъ. Невѣста начала кланяться въ поясъ по три раза каждому изъ находившихся въ кухнѣ и цѣловаться. Антонъ схватилъ себя обѣими руками за сердце, закатилъ глаза подъ лобъ и, откинувъ голову назадъ, съ видомъ убитаго горемъ человѣка, начинаетъ стонать:

— Ой, ой, ой! Ой, вмру! Ой вмру! Ой смерть моя прыйшла! Ой! говоритъ Антонъ, и голосъ его звучитъ все тише и тише.

Онъ, кажется, готовъ упасть въ обморокъ, и все стонетъ, пока Олена совершаетъ церемонію поклоновъ и, когда она готовится подойти къ Антону, онъ вдругъ начинаетъ шататься, наклоняется въ одну сторону и, какъ срубленное дерево, падаетъ на землю и лежитъ какъ будто въ обморокѣ, раскинувъ руки. Дружки и наймычки хохочутъ, но Олена, какъ невѣста, выдерживаетъ свою роль: она остается невозмутимо серьезною и важно кланяется трижды въ поясъ лежащему въ обморокѣ Антону·

Вдругъ Антонъ схватывается и становится на ноги: онъ знаетъ, что невѣста обязана поцѣловаться, приглашая на свадьбу. Поцѣловавшись съ Оленой, Антонъ хватаетъ въ руки рубель и качалку и начинаетъ играть качалкою на рублѣ, приплясывая и припѣвая: тра-ла-ла, бомъ-бомъ-бомъ! Дружки хохочутъ, но невѣста даже не улыбается: она должна быть серьезна и, конечно съ трудомъ, выдерживаетъ свою роль до конца. Подобные искуственные обмороки случались съ Антономъ довольно часто, особенно когда невѣста, пригласившая его на свадьбу, была красива.

Къ молодыцямъ и старухамъ Антонъ Радывыловскій относится нѣсколько иначе, чѣмъ къ дивчатамъ. Жарты его въ иномъ тонѣ. Вотъ, напримѣръ, идутъ молодицы вулицею или проходятъ черезъ мисто, т. е. базарную площадь. Антонъ встрѣчается съ ними и обращается къ самой красивой.

— Здорова була, мое серденько! А чого ты оце до мене вчора ввечери не выйшла?

— А чого-бы це я до тебе выйшла? спрашиваетъ молодыця.

— А тыжъ моя полюбовныця, продолжаетъ приставать Антонъ, и позавчора выходыла до мене, и въ середу выходыла, а вчора й невыйшла.

— Одчепыся ты одъ моеи души! Я чоловика маю! сердито отвѣчаетъ молодыця.

— Тилько й горя, що чоловикъ. Бачъ яка ты недобра. Я тоби й спидныцю справывъ, а ты все таки мене цураесся.

— Яку спидныцю? Оцю що на мени? уже шутя спрашиваетъ молодыця, указывая на старую поношенную юбку.

— И цю, и ту червону, що въ тебе въ скрыни. Обидви мои, а ты оце чогось перестала мене любыты.

— Та въ мене червонои спидныци и въ заводи нема, отвѣчаетъ со смѣхомъ молодыця.

— То зелена е, и то моя, навязывается Антонъ, ой Боже мій, Боже, тильки десять карбованцивъ пропало дурнисенько, со вздохомъ говоритъ онъ.

— Купы мени спидныцю — то я й зношу, говоритъ молодыця.

Идетъ Антонъ на мисто и опять встрѣчаетъ молодежь и опять намѣчаетъ жертву для своихъ шутокъ, конечно, самую красивую.

— Будь здорова, чорноброва! Цокотушко моя, щебетушко моя, моя ты перепилочко, моя ты лебидочко! щебечетъ Антонъ сладенькимъ голоскомъ, а ты вже й не дывысся на мене, не здоровкаесся зо мною.

— Та я тебе й не прымитыла, отвѣчаетъ молодыця.

— А бачъ! Любылыся, кохалыся, якъ рыба съ водою, а теперь ты вже мене й не прымичаешь. Охъ, або пиду зъ горя втоплюся въ Роси, або повишусь... оттутъ середъ миста забью килокъ, говоритъ Антонъ плаксивымъ голосомъ и тяжко вздыхаетъ.

Его лицо принимаетъ отчаянно-грустное выраженіе, словно ему осталось только накинуть петлю на шею.

— Повисся! Про мене! Плакать не буду, говоритъ молодыця.

— А якъ я буду дригать ногами передъ смертью, то може й заплачешъ. Уси молодыци збижаться до мене та будуть слезмы вмыватысь, якъ я буду ногамы дрыгать. Охъ! вздыхаетъ Антонъ.

Стеблевскіе молодыци всѣ знали эту шутку Антона и нисколько не обижались. Но иногда Антонъ обращался съ подобными шутками къ молодицамъ сосѣднихъ селъ, которыя видѣли его въ первый разъ. Шутка выходила въ самомъ дѣлѣ смѣшная. Встрѣчаетъ Антонъ очень красивую молодицу во время стеблевской ярмарки; она изъ сосѣдняго села Шендаривки.

— Добрыдень тоби, серце! обращается къ ней Антонъ, чы ты це мене й не впизнала?

— Ни, отвѣчаетъ серьезнымъ тономъ молодыця.

— Охъ! вздыхаетъ тяжко Антонъ, а ци червони чоботы, що я тоби купывъ, и доси носышъ... а мене й не впизнаешъ?

— Колы-жъ ты мини купувавъ червони чоботы? отвѣчаетъ молодыця. Глаза ея и лицо выражаютъ крайнюю степень удивленія.

— А хибажъ ты вже й забула? А тоди якъ я до тебе ходывъ що вечора, говоритъ Антонъ.

Молодыця „вытрищыла очи, якъ корова на нови ворота“: она, видимо, усиливается припомнить грѣхи своей недавней молодости и, конечно, не находитъ подобныхъ грѣшковъ въ своей памяти.

— Що ты брешишъ: ци червони чоботы справывъ мини чоловикъ, говоритъ молодыця.

— А вже-жъ чоловикъ... Ны людяхъ, бачъ, треба-жъ казать, ни бы-то чоловикъ справывъ...

— Оце прычыпылася якась прычепа! Може ще скажешъ, що й це намысто ты мини справывъ? уже сердито отвѣчаетъ молодыця.

— А то-же хто! А вже-жъ я!

— Колы-жъ ты мини справлявъ?

— А тоди якъ мы любылыся съ тобою, моя полюбовныце.

— Бый тебе сыла Божа! Я тебе вперше бачу на своему вику, говоритъ молодыця уже обиженнымъ тономъ: та я не стебливська, я зъ Шендыривки.

— А хиба-жъ я не знаю, що ты зъ Шендыривки? Говоритъ Антонъ.

Вокругъ стоящія стебливськія молодыци и чоловики улыбаются: ихъ забавляетъ Антонова штука. Штука еще больше забавляетъ самого Антона.

— Ой Господы, Господы! Якій теперъ свитъ наставъ, говоритъ Антонъ, вже й забула! А помятаешъ, якъ ты выбигала до мене зъ Шендарывки за лисокъ у ярокъ; ты зъ Шендарывки у ярокъ, а я зъ Стеблева у ярокъ, болтаетъ Антонъ.

Въ толпѣ поднимается хохотъ; Антонъ сохраняетъ самую серьезную минуту, шендаривская молодыця сердится.

— Ще якась напасть мини зъ цымъ чоловикомъ, та ще й на ярмарку, восклицаетъ она. Однако она замѣчаетъ хохотъ, чутьемъ угадываетъ нѣчто комическое въ приставаніи Антона, догадывается, что здѣсь кроется шутка.

— Ты не ймы ёму виры, молодыце, говоритъ одинъ изъ толпы, винъ жартуе! Це ёго така вдача.

Молодыця и сама начинаетъ смѣяться, что далась въ обманъ, припоминая всѣ подробности разговора Антона, но Антона и слѣдъ простылъ: „шукай витра въ поли“.

Конечно, Антонъ приставалъ съ подобными шутками къ молодыцямъ, когда не видѣлъ ихъ мужей по близости.

— Ей, Антоне! Намне колысь тоби чуба якій небудь мужыкъ! дѣлали Антону первое и второе предостереженіе, но и третье и даже четвертое предостереженіе не подѣйствовала на Антона, и... Антонъ попалъ таки въ бѣду.

Была „ярмаркова недиля“, т. е. воскресенье, въ которое собиралась ярмарка въ Стеблевѣ. Антонъ возвращался изъ церкви. Ему нужно было переправляться черезъ рѣку на паромѣ, такъ какъ нашъ домъ стоялъ за Росью на горѣ. Въ ярмаркову недилю на паромѣ и на обѣихъ гаткахъ всегда бываетъ очень „завизно“. Народъ изъ сосѣднихъ селъ, покончивъ дѣла на ярмаркѣ съ утра, возвращался домой. На небольшомъ паромѣ не переставали перевозить огромную массу возовъ. Возы столпились у перевоза на одной гати и на другой. Переправившись черезъ рѣчку, Антонъ замѣтилъ между возами одну молоденькую молодычку изъ сосѣдняго села Выграева и началъ отпускать ей свои обычные жарты.

— Добрыдень тоби, полюбовныце! Чы це ты мене й не впизнаешъ?

Молодыця вытаращила глаза.

— Я тебе й не знаю, й зъ роду й не бачила, отвѣчаетъ молодычка.

— А бачъ яка! А ты вже й забула, якъ ты мене любыла?

— Та я не стебливська, я выграевська, говоритъ молодычка.

— Та выграевська-жъ. А памятаешъ, якъ ты выходыла до мене що вечора за лисокъ, у ярокъ до млына, а я до тебе выходывъ зъ Стеблива за лисокъ у ярокъ? плететъ Антонъ свою „нисенитныцю“. Вдругъ изъ за возовъ выходитъ мужъ молодычки, очевидно недавно женившійся. Онъ все слышалъ.

— А це, жинко, що? То ты така! А ты-жъ божылась, а ты-жъ прысягалась, що никого не любыла! То ты така! накидывается ревнивый мужъ на бѣдную молодычку.

— Оце якась напасть! Та я оцёго чоловика вперве на вику бачу! отвѣчаетъ молодыця со слезами на глазахъ.

Антонъ стоитъ и забавляется своимъ жартомъ.

— Брешешъ ты, сяка-така! А ты-жъ божылась, ты-жъ прысягалась! То ты мене дурыла! кричитъ уже побагровѣвшій мужъ

Молодыця начинаетъ плакать. Мужъ обращается къ Антону уже не съ жартами.

— А ты, вражій сыну, чого ты чепляесся до моеи жинки?

Выграевецъ хватаетъ одной рукой себя по шапкѣ. Это значитъ: убью! На его багровомъ лицѣ, въ его свирѣпыхъ глазахъ Антонъ, хотя не дошедшій еще до искусства говорить съ дивчатами по испански, прочелъ однако страшное испанское слово—vendetta! Онъ понялъ, что нужно удирать.

— Яжъ тоби, вражый сыну, скручу вязы! уже шипитъ выграевецъ.

Онъ блѣденъ, какъ смерть; онъ вторично бьетъ себя ладонью по шапкѣ; шапка съѣхала чуть не на затылокъ. Это значитъ: рѣшено! Смерть! Антонъ прибавилъ шагу. Выграевецъ за нимъ. Антонъ поворачиваетъ на гору. Выграевецъ за нимъ на гору. Антонъ во дворъ, мужикъ по его слѣдамъ и себѣ во дворъ. Антонъ понялъ, что кухня его не спасетъ, и бросается въ „покой“, вскакиваетъ въ переднюю и становится за шкафомъ. На немъ лица нѣтъ. Выграевецъ вбѣгаетъ въ кухню. Его блѣдный, искаженный видъ пугаетъ наймычекъ и няньку—бабу.

— А де той шыбеныкъ? А де винъ? кричитъ выграевецъ.

Страшный крикъ слышенъ во всемъ домѣ. Отецъ мой отворяетъ дверь и выходитъ въ переднюю. Онъ видитъ, что за шкафомъ стоитъ Антонъ ни живой—ни мертвый, съ испуганнымъ лицомъ, съ помутившимися глазами. Отецъ догадался, что вышла какая-то исторія. Онъ выходитъ въ сѣни. Выграевецъ стоитъ въ сѣняхъ и бѣшено кричитъ: „а де той шыбеныкъ, волоцюга?“

— Чого тоби, чоловиче, треба? спрашиваетъ мой отецъ.

Выграевецъ не можетъ объяснить дѣла отъ сильнаго волненія; онъ блѣденъ, глаза его тусклы.

— Я... винъ... отой шыбеныкъ... на гатци до моеи жинки,... путаетъ выгравецъ, дѣлая невѣроятное усиліе разсказать, въ чемъ дѣло, но говорить онъ не можетъ.

— Напыйся, чоловиче, воды, говоритъ мой отецъ и даетъ знакъ рукой бабѣ.

Баба подаетъ кружку съ водой. Выграевецъ не замѣчаетъ ни бабы, ни кружки, и все говоритъ безсвязныя слова. Отецъ

вошелъ въ переднюю, налилъ изъ графина стаканъ воды и, обождавъ немного, чтобы дать время ревнивцу придти въ себя, немного успокоиться, выноситъ стаканъ въ сѣни и подаетъ ему.

— На, чоловиче, выпый воды, говоритъ онъ, подавая стаканъ.

Выграевецъ немного опомнился. Онъ беретъ стаканъ и выпиваетъ воду.

— Скинь шапку, говоритъ мой отецъ.

Выграевецъ снимаетъ шапку и открываетъ выпуклый, красивый лобъ, выражающій сильную рѣшительность и энергію. Лобъ обрамленъ черными, какъ смоль, кудрявыми завитками. На выступившемъ немного впереди надъ глазами лбу, рисуются густыя, красивыя брови, словно говорятъ: „намъ судьбой назначено моргать, и на какую мы моргнемъ, той не смѣй трогать никто“!

Выграевецъ успокоился и началъ жаловаться на „того шыбеныка“. Мой отецъ объяснилъ ему, что этотъ шыбеныкъ просто на просто жартуе, что подобные жарты его извѣстны въ цѣломъ Стеблевѣ.

— А хиба въ васъ въ Выграеви не чуть про жарты того шыбеныка? спрашиваетъ мой отецъ.

— Ни, не чуть, отвѣчаетъ чоловикъ.

— Ну, то теперъ буде чуть про ёго й тамъ, сказалъ мой отецъ.

Такимъ образомъ стаканъ воды потушилъ огонь трагедіи и спасъ отъ смерти Антонову комедію.

И. Левицкій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

СОСЛОВНЫЯ НУЖДЫ И ЖЕЛАНІЯ МАЛОРОССІЯНЪ ВЪ ЭПОХУ ЕКАТЕРИНИНСКОЙ КОММИССІИ. [1])

Если такимъ образомъ шляхетскіе наказы высказались противъ внесенія новшествъ въ права посполитыхъ и противъ правительственной регламентаціи повинностей, отбываемыхъ въ пользу шляхетства, то совершенно иначе отнеслись наказы къ вопросу о повинностяхъ, отбываемыхъ въ пользу государства, и высказали въ этомъ отношеніи весьма много заботъ и стараній, направленныхъ главнымъ образомъ къ уменьшенію повинностей, къ сложенію недоимокъ, измѣненію способовъ взиманія и раскладокъ податей и пр. Основнымъ желаніемъ шляхетства относительно государственныхъ повинностей, какъ съ лица, такъ и съ имущества его самого и его подданныхъ, было выставлено въ наказахъ возвращеніе къ началу льготъ шляхетства предъ другими сословіями, льготъ мало извѣстныхъ великорусскимъ порядкамъ, покоившимся на полномъ подчиненіи личности со всѣмъ ея животомъ государству. Шляхетство, въ сходство своихъ правъ и привилегій, просило прежде всего, чтобы, кромѣ личной свободы отъ всѣхъ повинностей, были также свободны отъ нихъ и принадлежащія ему земли, и по этому случаю Г. Политика приводилъ на память коммиссіи, что въ старое время, когда малороссіяне находились „подъ короною польскою“, то они платили только „на знакъ подданства“ всего 2 польскихъ гроша съ влохи, т. е. самый ничтожный налогъ съ количества равнаго почти 20 дес.; во-вторыхъ, тотъ же Политика, говоря о 9 ст. проекта о

[1]) См. Кіевская Старина“, 1890, 9.

правахъ благородныхъ, предлагалъ ее редактировать такимъ образомъ, что благородные не только сами не подлежатъ обложенію податьми, „но и дворовые ихъ люди изъемлются отъ оныхъ“, какъ на примѣръ такого завиднаго положенія благородныхъ Политика указалъ на положеніе лифляндскаго дворянства, удержавшаго въ цѣлости свои феодальные порядки [1]). Въ отношеніи обложенія собственно подданныхъ главныя заботы шляхетства вращались на злобѣ дня того времени, на „новоустановленномъ г. Румянцевымъ, взамѣнъ прежнихъ консистентскихъ дачъ, рублевомъ окладѣ“, успѣвшемъ обнаружить въ теченіе недолгаго времени своего существованія массу неудобствъ и для подданныхъ, и для ихъ помѣщиковъ. Рублевый окладъ, о тягостяхъ котораго трактовали наказы, былъ введенъ Румянцевымъ на смѣну существовавшихъ до него консистентскихъ дачъ, т. е. взамѣнъ натуральнаго довольствованія провіантомъ и фуражемъ квартировавшихъ въ Малороссіи великорусскихъ войскъ, такъ какъ тяжесть натуральнаго содержанія консистентовъ, при злоупотребленіи великорусскихъ чиновниковъ, составляла вопіющее зло, страшное бремя для Малороссіи и требовала настоятельныхъ измѣненій. Румянцевъ взялся за это дѣло и консистентскія дачи замѣнилъ прямымъ окладомъ по 1 р. 2 к. съ каждой жилой хаты; но новоизобрѣтенный имъ окладъ не только не снялъ съ малороссіянъ давившаго ихъ бремени и не распредѣлилъ его болѣе равномѣрно, но создалъ новыя неудобства съ явнымъ отягощеніемъ однихъ крестьянъ и владѣльцевъ въ пользу другихъ, и этимъ положеніемъ вещей была недовольна вся Малороссія. Дѣло въ томъ, что обложеніе 1 р. 2 коп. каждой крестьянской хаты, независимо отъ его абсолютной тягости, имѣло еще тотъ недостатокъ, что избранный имъ предметъ обложенія—хата—давалъ чрезвычайно неопредѣленную величину при распредѣленіи податной тягости, такъ какъ хата, сама по себѣ, еще не указывала на доходы ея хозяина, а между тѣмъ рубль одинаково взимался „отъ каждой избы безъ разбора, съ бѣдныхъ и имущественныхъ, съ подсосѣдковъ и наемныхъ людей, не исключая и

[1]) Сб. Р. И. И. Об. 32 т., 347 стр.

тѣхъ, кои сошли въ безвѣстныя мѣста“ (Наказы, 41), или, какъ говоритъ лубенскій наказъ, „что одного рубля плотитъ мужикъ тотъ, который имѣетъ у себя имущество отъ 100 до 500 руб. и тотъ послѣдній подсосѣдокъ, который едва-ли имѣетъ у себя имѣнія на 60 к.“ [1]). На послѣднее обстоятельство и обращали вниманіе всѣ наказы, основательно указывая, что среди обложенныхъ рублевымъ окладомъ есть масса подсосѣдковъ, не имѣющихъ не только земли для покрытія ея доходами налоговъ, но неимѣющихъ даже одежды и еле снискивающихъ себѣ пропитаніе [2]), и что обложеніе такихъ безземельныхъ, проводящихъ свой вѣкъ по чужимъ хатамъ, является не только несправедливымъ въ отношеніи людей земельныхъ, но даже превышающимъ ихъ податную способность. Составители черниговскаго наказа при этомъ заявляли, что единственный коррективъ, имѣющійся въ рукахъ помѣщиковъ для уравненія обложенія—это распредѣленіе податнаго контингента пропорціонально имуществу крестьянъ, но и онъ не всегда можетъ примѣняться съ успѣхомъ, такъ какъ иногда и все имѣніе помѣщика состоитъ изъ нищихъ людей, несостоятельныхъ къ уплатѣ [3]). Послѣдствіемъ неравномѣрнаго отягощенія подданныхъ у различныхъ помѣщиковъ было бѣгство крестьянъ къ тому помѣщику, у котораго было легче, который самъ могъ заплатить рублевый окладъ и потомъ медленно выбирать его въ теченіе года; разумѣется, что практиковать это могли только богатѣйшіе помѣщики и къ нимъ то и стекались крестьяне. Богатые помѣщики богатѣли еще больше, бѣдные бѣднѣли; само же поспольство, попадая къ богатому шляхетству, хотя временно и отдыхало, освобождаясь отъ правительственныхъ взысканій, но вмѣстѣ съ тѣмъ прочно закрѣплялось за владѣльцами и своими руками затягивало на себѣ петлю. Во всякомъ случаѣ рублевый окладъ былъ невыгоденъ для большинства шляхетства; отсюда жалобы, что онъ незаконно наложенъ на малороссіянъ не только въ нарушеніе пунктовъ Б. Хмельницкаго и привилегій Сигизмунда 1569 г. о невзиманіи

[1]) Наказы, стр. 50
[2]) Ibid., 5.
[3]) Ibid., стр. 19.

болѣе 2-хъ грошей съ паволоки земли, но и въ отмѣну обѣщанія Петра I „о невзиманіи ни единого пенязя въ свою казну изъ М. Россіи". Жалобы сопровождались различнаго рода просьбами. Глуховцы ходатайствовали о томъ, чтобы рублевый окладъ взимался въ полномъ размѣрѣ только съ тяглыхъ людей, имѣющихъ земли, а съ неимѣющихъ—только въ половинномъ размѣрѣ, и чтобы болѣе съ нихъ какъ съ движимаго, такъ и недвижимаго имѣнія никакихъ сборовъ не собиралось [1]). Черниговцы, въ общихъ выраженіяхъ, просили расположить рублевую повинность безъ отягощенія народа [2]); переяславцы указывали на отсутствіе у народа денегъ и упадокъ земледѣлія и просили понизить рублевый окладъ до размѣровъ прежней консистентской подати, а также освободить отъ него наемныхъ людей, не занимающихся ни хлѣбопашествомъ, ни промыслами и проживающихъ на владѣльческомъ пропитаніи и одѣяніи [3]). Лубенцы хлопотали даже о совершенной отмѣнѣ рублеваго оклада и замѣнѣ его повинностью смѣшанной формы: натуральной въ мѣстахъ расположенія войскъ и денежной въ остальныхъ мѣстахъ и т. д. [4]).

Къ числу такихъ же заботъ въ области податнаго обложенія нужно отнести и попеченія шляхетства о сложеніи недоимокъ съ его подданныхъ и объ освобожденіи малороссіянъ отъ натуральныхъ повинностей, какъ-то: строенія линій, засѣкъ, крѣпостей, содержанія военныхъ постоевъ, участія въ великорусскихъ войскахъ для исправленія обязанностей погонщиковъ воловъ и пр., словомъ, объ освобожденіи отъ „всѣхъ работъ, нарядовъ и поборовъ", ставшихъ съ приснопамятныхъ ладожскихъ работъ истиннымъ бичемъ для Малороссіи [5]). Въ послѣднее время (1756 г.) бремя упадавшихъ на малороссіянъ тягостей особенно чувствовалось потому, что въ эпоху семилѣтней войны шляхетству и козакамъ пришлось выставить для русской арміи 8 тыс. человѣкъ погонщиковъ изъ посполитыхъ съ волами и

[1]) Наказы, стр. 6.
[2]) Ibid., 19.
[3]) Ibid. 42.
[4]) Ibid., 52.
[5]) Ibid, 20.

фурами, причемъ за этотъ нарядъ правительство не заплатило ни единой копѣйки. Что касается недоимочной суммы, весьма занимавшей вниманіе наказовъ, то она начала скопляться за Малороссіей съ 1735 г., т. е. со времени введенія консистентскихъ дачъ и росла съ каждымъ годомъ; лубенцы, заявляя о необходимости ея сложенія, указывали, что за отдаленностью времени многіе изъ обывателей, на которыхъ числилась недоимка, успѣли умереть или безвѣстно переселиться, и въ настоящее время взиманіе несправедливо производится съ наличныхъ шляхетскихъ подданныхъ, сидящихъ на земляхъ исшедшихъ посполитыхъ и нисколько неповинныхъ въ ихъ недоимкахъ, и что самыя земли, на которыхъ сидятъ подданные, принадлежатъ владѣльцамъ, которые, „такова платежа чинить за свое добро ни по какимъ законамъ не обложены“ [1]). Кромѣ этого соображенія, въ пользу прощенія недоимокъ шляхетствомъ обыкновенно приводились и такого рода причины, какъ частые недороды хлѣба, падежи скота, общій упадокъ земледѣлія и дурное состояніе края въ экономическомъ отношеніи, достигшее такой степени, что многіе изъ обывателей „не только что недоимки, но и настоящей дачи оплачивать чѣмъ не имѣютъ и лишаются съ женами и дѣтьми и самыя дневныя пищи“ [2]).

Если мы допустимъ, что экономическое состояніе Малороссіи представлено наказами въ слишкомъ мрачныхъ краскахъ, то тѣмъ не менѣе приведенныя ими соображенія, а также хотя бы слабыя представленія о томъ, какъ взыскивались въ прошлыя времена недоимки, намъ кажутся вполнѣ достаточнымъ доказательствомъ, что числившаяся на Малороссіи недоимка была дѣйствительно выше ея податныхъ способностей и жалобы на ея обременительность не были фальшивыми, а истинными заботами объ экономическомъ положеніи своего края.

Не менѣе горячо, чѣмъ къ недоимкамъ, отнеслись наказы и къ вопросу объ отмѣнѣ въ Малороссіи военныхъ постоевъ,— этой самой непріятной натуральной повинности, дававшей поводы

---

[1]) Ibid., 51.

[2]) Ibid., 51.

къ многочисленнымъ жалобамъ и нареканіямъ малороссіянъ на великорусскихъ начальниковъ. Извѣстно, что квартированіе великорусскихъ войскъ въ Украинѣ началось съ первыхъ же дней „возсоединенія“; но сначала русское правительство помѣщало свои гарнизоны не во всѣхъ городахъ Малороссіи, а только въ тѣхъ, гдѣ указывала военная необходимость, впослѣдствіи же, благодаря внутреннимъ безпорядкамъ, а отчасти и гетманамъ, заботившимся не о родинѣ, а о себѣ, великорусскія войска стали наводнять Украину, а во время шведской войны, измѣны Мазепы, войны съ турками и послѣ нея они сдѣлали изъ Украйны положительно военный лагерь. Малороссія, за исключеніемъ краткаго времени царствованія Анны Ивановны, постоянно содержала у себя на квартирахъ, въ городахъ и селеніяхъ, 8 драгунскихъ полковъ съ полевою аптекою. Если въ наше время военные постои не обходятся безъ многихъ непріятностей для мѣстныхъ обывателей и безъ извѣстной доли деморализаціи населенія, то въ прошломъ вѣкѣ эти темныя стороны постоевъ были еще замѣтнѣе, ибо, при слабости закона и торжествѣ произвола, военные начальники распоряжались по своему усмотрѣнію въ Малороссіи и отъ нихъ одинаково терпѣли всѣ, отъ знатныхъ старшинъ до послѣднихъ подсосѣдковъ. Нужно сказать, что по грамотѣ Петра I отъ 1721 года было запрещено требовать квартиры „въ М. Россіи у заслуженныхъ особъ, полковниковъ, у сотниковъ и прочей старшины“ [1]), между тѣмъ эта грамота соблюдалась такъ слабо, что отводъ квартиръ въ домахъ шляхетства сталъ, по словамъ переяславскаго наказа, „главнымъ основаніемъ къ приведенію ихъ въ крайнее изнуреніе и несостояніе къ службѣ ея и. величества, отъ чего въ г. Переяславѣ почти всѣ дома знатнѣйшіе пришли въ крайнее опустѣніе“ [2]). Эта-то причина и заставила сочинителей всѣхъ наказовъ просить Екатерину II о подтвержденіи Малороссіи льготной петровской грамоты, отъ возстановленія дѣйствія которой,—говорили они,—„шляхетство восчувствуетъ совершенную выгоду

[1]) Наказы, 28.
[2]) Ibid, 46.

и покой". Иные же наказы выражали желаніе, чтобы шляхетскія деревни были также освобождены отъ военныхъ постоевъ и чтобы войска были переведены изъ нихъ въ города для развитія въ послѣднихъ торговли и промысловъ съ одной стороны, и для устраненія того невыгоднаго положенія вещей, что остающіеся въ деревняхъ войска, „не имѣя гдѣ что купить, остаются на довольствѣ хлѣбомъ и прочимъ у обывателей"— съ другой.

Мы не будемъ далѣе входить въ подробности болѣе мелкихъ желаній шляхетства въ сферѣ вопросовъ податнаго характера или касаться разсмотрѣнія такихъ обычныхъ натуральныхъ повинностей, какъ: „выстаченіе" подводъ, воловъ, погонщиковъ, строеніе засѣкъ, крѣпостей, линій и другихъ работъ.

Въ этой области ничего нельзя сказать другого, какъ то, что эти повинности, весьма необходимыя для Россіи, были крайне тяжелы для Малороссіи и въ частности для шляхетства, такъ какъ, изнуряя посполитыхъ, онѣ вмѣстѣ съ тѣмъ подрывали и благосостояніе шляхетскихъ хозяйствъ, содержимыхъ руками посполитыхъ. Весьма естественно поэтому, что всѣ нужды шляхетства, заявленныя въ этой области, вращались на отмѣнѣ податей и повинностей и на обращеніи вспять къ тому времени, когда шляхетство пользовалось полнѣйшей въ этомъ отношеніи свободой, или лучше сказать, когда строй государственной жизни носилъ частно-правовой характеръ и задачи государственнаго управленія были крайне просты и несложны. Конечно, это было очень давно, это были времена „Жигимонта Августа", двумя вѣками отдѣлявшіяся отъ разсматриваемой нами эпохи Екатерины Великой; за это время Малороссіи пришлось пережить очень много, она перемѣнила подданство и Россіей была выведена на совершенно иную дорогу политической жизни, чѣмъ то было при короляхъ польскихъ. По возсоединеніи задачи Великороссіи стали вмѣстѣ съ тѣмъ и задачами Малороссіи, такъ какъ политическое объединеніе обѣихъ сторонъ было полное; между тѣмъ шляхетство какъ бы не хотѣло этого понимать, требуя для себя и своихъ посполитыхъ различнаго рода льготъ въ то жгучее время, когда Россія доводила до напряженія свои силы,

стараясь занять въ Европѣ выдающееся положеніе, расширить свои границы, укрѣпить могущество.

Не отрицая нисколько за шляхетствомъ права на защиту своихъ привилегій, мы тѣмъ не менѣе не можемъ сочувствовать ему, когда оно пыталось защищать привилегіи, явно отжившія свой вѣкъ и уступившія мѣсто другому порядку вещей; мы не можемъ сочувствовать и тому, что шляхетство въ данномъ случаѣ, не изыскивая раціональныхъ средствъ помочь экономическому состоянію своей страны, прямо обратило свои взоры на два вѣка назадъ и тамъ въ погребенной старинѣ искало программу для будущаго, какъ будто два вѣка оно прожило подъ стекляннымъ колпакомъ и не измѣнилось ни въ какомъ отношеніи; просить о свободѣ отъ всѣхъ повинностей, какъ дѣлали наказы, это значило закрывать глаза на дѣйствительность, а не серьезно разрѣшать наболѣвшій вопросъ.

Поэтому мы и находимъ, что, хотя нужды и отягощенія шляхетства въ разсмотрѣнной нами сферѣ, были заявлены наказами вполнѣ основательно и разумно, но средства и мѣры, предложенныя ими къ улучшенію, были не практичны. По изложеніи нуждъ и желаній шляхетства экономическаго характера намъ остается перейти къ той части наказовъ, гдѣ шла рѣчь о недостаткахъ во внутреннемъ устройствѣ, судѣ и управленіи Малороссіи и гдѣ намѣчались способы и мѣры ихъ устраненія; но мы должны сказать, что эта часть оказалась самою слабою и что, несмотря на совѣты, данные Румянцевымъ, точно и серьезно обсудить причины упадка и общественныхъ недуговъ Малороссіи, составители наказовъ мало отвели имъ мѣста и оставили въ тѣни истинныя потребности своей современности, а многіе наказы такъ кратко и бѣгло коснулись самыхъ первостепенныхъ и жгучихъ вопросовъ, что приходится удивляться и недоумѣвать, какъ шляхетскіе представители могли пройти молчаніемъ мимо язвъ соціальныхъ, требовавшихъ исцѣленія, и ограничились въ такихъ случаяхъ общими фразами о подтвержденіи Малороссіи пунктовъ Б. Хмельницкаго. Сопоставляя въ этомъ отношеніи содержаніе наказовъ съ прошеніемъ о возстановленіи старинныхъ правъ, мы находимъ, что ни по глубинѣ изученія,

ни по силѣ критики дѣйствительныхъ недостатковъ соціально-политическаго устройства Малороссіи, ни наконецъ, по самой разработкѣ и изложенію вопросовъ этого рода большинство наказовъ не могутъ сравняться съ прошеніемъ, и не хочется вѣрить, чтобы мысли въ нихъ высказанныя, были выраженіемъ всего, надъ чѣмъ задумывались и волновались лучшіе люди Малороссіи, такъ были во многихъ случаяхъ поверхностны, отрывисты и лишены всякой идеи о прогрессѣ заявленія наказовъ о внутреннихъ недостаткахъ Малороссіи.

Мы не рѣшаемся въ точности опредѣлить, откуда проистекала слабость наказовъ въ вышеупомянутыхъ вопросахъ, но полагаемъ, что здѣсь господствовали различнаго рода причины: во первыхъ, не нужно забывать, что у малороссіянъ, особенно у тѣхъ, которымъ были выгодны старые порядки, господствовало убѣжденіе, что коммиссія созывается Екатериной исключительно для составленія Уложенія для одной Великороссіи; что малороссіянамъ, поэтому, нечего входить въ большія подробности относительно своихъ нуждъ, а стоитъ только просить, чтобы „край малороссійскій былъ трактованъ въ новосочиняемомъ Уложеніи по своимъ правамъ и привилегіямъ“. Во вторыхъ, несомнѣнно, что разъ шляхетство заявило себя съ ультра-консервативной стороны, поборникомъ старо-польскаго режима и просило о сохраненіи пунктовъ Б. Хмельницкаго, то не въ его интересахъ было подрывать свои просьбы указаніями на недостатки и критикой порядковъ своей родины. Къ тому же слѣдуетъ прибавить, что разбросанное по захолустьямъ шляхетство не всегда могло въ краткій срокъ хорошо ознакомиться съ возложенной на него задачей и тщательно вникнуть въ коренныя причины многихъ сложныхъ явленій общественной жизни, такъ какъ несомнѣнно, что открыть слабыя стороны государственнаго механизма, отрѣшившись отъ личныхъ выгодъ и симпатій, гораздо труднѣе, чѣмъ просить о нобилитаціи и разныхъ льготахъ.

Однако, какъ ни скупы были наказы на объясненія, но изъ разсѣянныхъ въ нихъ тамъ и сямъ замѣчаній намъ необходимо возстановить картину хотя бы главныхъ вожделѣній шляхетскаго сословія. Посмотримъ прежде всего, много-ли и что

именно было сказано наказами въ пользу реформированія внутренняго устройства Малороссіи?

Большинство шляхетства нашло мало причинъ заявить неудовольствіе на современное устройство Малороссіи, но если находило его несостоятельнымъ, то не потому, чтобы оно устарѣло, а напротивъ потому, что оно измѣнилось въ сравненіи съ стариной къ худшему. Эту мысль въ особенности сильно отстаивало и развивало прошеніе, поданное въ коммиссіи всѣми депутатами отъ Малороссіи; изъ наказовъ же только одинъ черниговскій составлялъ исключеніе и весьма отчетливо проводилъ идею, совершенно противоположную прошенію, что несоотвѣтствіе старыхъ законовъ и формъ правленія съ обстоятельствами текущаго времени составляетъ главное зло Малороссіи; что въ ней существуетъ „видъ правленія, который трудно сообразить съ предписаннымъ въ правахъ“ и что „правительство и обряды Малороссіи, изъ разныхъ смѣшанныхъ видовъ составленные, съ великимъ противу правъ нынѣшняго дѣлъ состоянія несходствомъ, худо соотвѣтствуютъ благоучрежденію, отъ котораго все счастіе народа зависитъ“ [1]). Конечно, ничего нельзя возразить противъ заявленія черниговскаго наказа, ибо строй Малороссіи, одной ногой опиравшійся на весьма древнее, унаслѣдованное отъ Польши законодательство, измѣненное самобытными козацкими порядками и обыкновеніями, а другой и, главнымъ образомъ, на многочисленные несистематизированные указы и распоряженія русской верховной власти, дѣйствительно, пришелъ въ такое хаотическое состояніе, что трудно было сказать, на основаніи какихъ законовъ и обрядовъ вершится „правленіе дѣлъ въ Малороссіи“. Трудно повѣрить, но это фактъ, что въ Малороссіи одновременно должны были сосуществовать и неотмѣненное публичное право Л. Статута, и привилегіи королей польскихъ, и некодифицированные козацкіе „права и обычаи“, и пункты Б. Хмельницкаго и послѣдующихъ гетмановъ и, наконецъ, масса царскихъ грамотъ, указовъ, правительственныхъ распоряженій и пр., т. е. пестрая амальгама наслоявшихся другъ на друга

[1]) Наказы, 10, 11.

законовъ, безъ всякой логики, связи и смысла. Едва-ли кто можетъ сомнѣваться, что при такомъ безпорядкѣ, противорѣчіи и хаосѣ законовъ ни одинъ изъ нихъ не могъ примѣняться, какъ слѣдуетъ, и что, поэтому, страна управлялась не законами, а начальниками, совершенно съ ними незнакомыми, но руководившимися собственнымъ усмотрѣніемъ и указами правительства, *ad hoc* изданными. Это было тѣмъ легче, что та *козацкая* Малороссія, которая присоединилась къ московскому государству, и въ самый моментъ присоединенія держалась не на точныхъ законахъ, а на козацкихъ „обыкновеніяхъ", далеко не соотвѣтствовавшихъ письменному законодательству, дѣйствовавшему при польскомъ режимѣ и на бумагѣ подтвержденному московскими царями. Такое положеніе вещей окажется совершенно естественнымъ, если вспомнить, что присоединившаяся Малороссія вызвана была къ жизни борьбою съ прежними началами и присоединилась къ Великороссіи въ самый разгаръ борьбы, когда еще не было времени выработать свои юридически точные порядки и формы жизни; Великороссія же, пользуясь внутренней неурядицей Малороссіи, ея слабостью и своей силой, не замедлила отклонять малорусскіе порядки въ выгодную для себя сторону. Такимъ образомъ, изъ столкновенія традицій польскаго режима и законодательства, малорусскихъ козацкихъ правъ и обычаевъ съ великорусскими законами и образовался тотъ безобразный „видъ правленія", который, по мягкому выраженію черниговскаго наказа, „трудно сообразить съ предписаннымъ въ правахъ". Это было весьма важное зло въ Малороссіи; вторымъ же не менѣе крупнымъ являлось смѣшеніе гражданскаго и воинскаго управленій, т. е. полугражданскій—полувоенный бытъ Малороссіи, пережившій, такъ сказать, самъ себя и совершенно несоотвѣтствовавшій мирнымъ задачамъ своего времени. На это несоотвѣтствіе указывали всѣ наказы и его признавала сама Екатерина.

Нужно замѣтить, что смѣшеніе сферъ воинскаго и гражданскаго управленій составляло одно изъ проявленій козацкихъ „обыкновеній" во внутренней жизни Украйны; оно возникло, когда старый польско-шляхетскій строй былъ разрушенъ козац-

кою саблею и на мѣсто его стала новая Малороссія, раздѣленная на полки и сотни и получившая военное, козацкое устройство, благодаря тому настроенію времени, что всякій стремился стать вольнымъ козакомъ, т. е. воиномъ. Малороссія, въ смыслѣ военныхъ и административныхъ округовъ, получила тогда военное дѣленіе на полки и сотни; во главѣ ея гражданскаго и военнаго правительства стоялъ гетманъ и генеральная старшина, избранные вольными голосами всего народа; за генеральной старшиной слѣдовала полковая и сотенная, вѣдавшая полковое и сотенное управленіе во всѣхъ его отрасляхъ и направленіяхъ. Дѣла гражданскія и воинскія, судебныя и административныя, не исключая и фиска, словомъ, управленіе страной во всѣхъ отношеніяхъ, кромѣ духовнаго, соединилось въ это время въ рукахъ однихъ и тѣхъ же лицъ, т. е. гетмана, генеральной, полковой и сотенной старшины съ низшими ихъ органами. Соединеніе это на первыхъ порахъ существованія всякаго неразвитаго политически общества является самымъ естественнымъ; таковымъ оно было и для Малороссіи, пока въ ней бурлили новые, прежде молчавшіе слои населенія, политически неразвитые и мало культурные, но нечего говорить, что это соединеніе является тормазомъ прогресса, разъ оно устанавливается на болѣе продолжительное время, дѣлается достояніемъ системы государственнаго управленія. Между тѣмъ съ Малороссіей это именно и случилось: несмотря на полное успокоеніе внутреннихъ силъ, несмотря на мирный образъ жизни малороссіянъ и значительное оформленіе ихъ соціальныхъ отношеній, несмотря на эти и другіе факторы развитія,— сліяніе gouvernement militaire съ gouvernement civile продолжало существовать въ Малороссіи въ полной силѣ, нисколько, конечно, не удовлетворяя потребностямъ малороссіянъ, развитыхъ болѣе чѣмъ вѣковымъ вліяніемъ гражданскаго существованія. Недостатки такого положенія вещей давно сознавались лучшими украинскими патріотами, и въ наказахъ, а особенно въ прошеніи, поданномъ въ коммиссію всѣми депутатами, нашли себѣ многихъ порицателей, хлопотавшихъ о возвращеніи къ порядкамъ, бывшимъ до „возсоединенія“, когда управленіе страной дѣлилось, по выраженію просителей, между чиновниками и шляхетствомъ. Такимъ

образомъ, малороссіяне, прожившіи болѣе столѣтія подъ протекціей московскаго государства, только въ 1767 году прозрѣли и увидѣли, что существующій у нихъ порядокъ вовсе не тотъ, какой имъ былъ гарантированъ, что они живутъ вовсе не по своимъ правамъ и привилегіямъ и „что учрежденіе сходственныхъ съ правами и привилегіями малороссіянъ есть одна изъ главнѣйшихъ общихъ нуждъ“. Въ названномъ прошеніи депутаты объясняли, что просимое учрежденіе должно состоять въ томъ, чтобы гражданскія и земскія дѣла были управляемы и судимы по своимъ, воинскія по своимъ, а мѣщанскія по своимъ давнимъ правамъ и обыкновеніямъ, особо избранными изъ мѣстныхъ шляхтичей, мѣщанъ и козаковъ лицами и чтобы одни дѣла никогда не были смѣшиваемы съ другими, „ибо отъ сего смѣшенія дѣлъ произошли всѣ непорядки и нестроенія въ М. Россіи, т. е. когда гетманы властію своею присвоили однимъ войсковымъ чиновникамъ всѣ дѣла и верховную апеляцію, взяли себѣ и тѣмъ отняли у шляхетства власть гражданскаго и земскаго управленія, власть, которая по нашимъ правамъ почитается главною и вышшею воинской и въ которой шляхетство подтверждено при подданствѣ Б. Хмельницкаго и послѣ онаго чрезъ нѣкоторое время при оной состояло. Ваше величество положили уже сему основаніе всемилостивѣйшимъ возобновленіемъ подкоморскихъ и земскихъ судовъ; но сіи не могутъ быть дѣйствительные, есть ли главное правительство не на такомъ будетъ основаніи и не по тѣмъ правиламъ будетъ дѣйствовать, какъ и опые“ [1]). Подобныя же рѣчи о нестроеніяхъ, происходящихъ отъ умаленія власти и силы шляхетства и отъ соединенія въ однихъ органахъ предметовъ управленія, раздавались и раньше. Такъ, въ 50-хъ годахъ прошлаго вѣка, на собраніи малороссіянъ въ одномъ изъ угловъ Черниговщины, неизвѣстный ораторъ доказывалъ, что разложеніе порядковъ Малороссіи произошло отъ того, что умалилась власть и сила шляхетства, а возрасла и и почти все себѣ присвоила воинская сила [2]), а немного позже,

[1]) Наказы, 182.

[2]) „Кіевская Старина“, 1882 г., октябрь, стр. 122.

въ 1764 году, малороссійская старшина и шляхетство въ своемъ прошеніи о возстановленіи старинныхъ правъ также утверждали, что смѣшеніе воинскихъ дѣлъ съ гражданскими совершенно не разумно и нежелательно, ибо гражданскія дѣла „совсѣмъ другія учрежденія и порядки имѣютъ, нежели воинскія, и слѣдовательно съ оными никогда мѣшаться не должны".

Такимъ образомъ, вопросъ о раздѣленіи властей стоялъ довольно ясно и въ представленіяхъ самихъ малороссіянъ и въ предначертаніяхъ правительства; но гораздо сложнѣе и сомнительнѣе былъ вопросъ объ усиленіи или возвращеніи власти шляхетству, власти узурпированной, по словамъ прошенія, гетманами въ пользу военныхъ чиновниковъ, ибо шляхетству предстояло здѣсь выяснить возстановленіемъ же какого „главнаго правительства" въ Малороссіи оно полагаетъ возвратить себѣ эту узурпированную власть? Точныхъ разъясненій по этому предмету въ наказахъ не имѣется и, можетъ быть, потому, что это относилось къ числу вопросовъ, неразрѣшенныхъ къ обсужденію, что же касается общихъ намековъ, то шляхетство и здѣсь, какъ всегда, глухо указывало на реституцію пунктовъ Б. Хмельницкаго, т. е. на то правительство, плоды дѣятельности котораго оно само осуждало. Въ пользу возстановленія гетманскаго уряда, если помнитъ читатель изъ первой главы, высказалось шляхетство нѣсколькихъ повѣтовъ на подготовительныхъ собраніяхъ по сочиненію наказовъ; диссонансомъ въ этомъ отношеніи являлся только черниговскій наказъ, упоминавшій о власти генералъ-губернатора. Но вообще вопросъ о „главномъ правительствѣ" Малороссіи, въ виду молчанія многихъ наказовъ, мы считаемъ невыясненнымъ; можно съ увѣренностью только говорить, что какое бы ни было правительство, но шляхетство желало, чтобы представители его были избраны вольными голосами [1]) и чтобы власть правительства была ограничена шляхетскимъ участіемъ. Въ прошеніи, поданномъ въ коммиссіи, депутаты писали по этому поводу, что „внутреннія учрежденія, какъ-то: наложеніе податей, поборовъ, вы-

[1]) Лубенцы просили, наприм., подтвердить имъ вольности, „по коимъ дозволено бы было по прежнему обыкновенію выбирать вольными голосами въ градскіе земскіе и воинскіе чины изъ между себя".

сылки на работы и прочія, чинимыя главнымъ правительствомъ *безъ согласія* нашего, служатъ также къ крайней обидѣ и отягощенію; ибо таковыя учрежденія по привилегіямъ нашимъ *должны дѣлаемы быть* и дѣланы были въ прежнія времена, *съ общаго согласія шляхетства и всѣхъ чиновныхъ людей на радахъ*, а въ дѣлахъ важнѣйшихъ требовано было согласіе и отъ другихъ чиновъ, какъ-то отъ мѣщанъ и козаковъ, и въ таковыхъ случаяхъ, когда и грамоты отъ предковъ вашего и. величества къ гетману присылаемы были, то всегда въ оныхъ предписывано, чтобы онъ, гетманъ, дѣлалъ таковыя внутреннія учрежденія и распоряженія на радѣ съ согласія старшинъ, войска и всего посполитства и чтобъ оныя не могли быть къ отягощенію и разоренію малороссійскаго народа и всегда была каждому уѣзду свобода на таковыя учрежденія соглашаться и представлять гетману и радѣ, что то или другое учрежденіе будетъ служить къ народному отягощенію“ [1]). Не безъинтересно вспомнить, что о томъ же участіи шляхетства въ дѣлахъ управленія были просьбы въ прошеніи о возстановленіи старинныхъ правъ; въ немъ малороссіяне хлопотали о дозволеніи имъ однажды въ годъ, въ опредѣленное время, кромѣ чрезвычайныхъ случаевъ, имѣть сеймы или генеральныя рады, какъ для общихъ постановленій, такъ и для совѣтовъ о нуждахъ народа, возникающихъ къ и. величеству, съ тѣмъ, чтобы новыя постановленія и дѣла, разрѣшенныя на этихъ сеймахъ, не имѣли силы до конфирмаціи ихъ верховной властью [2]). Сопоставляя стремленія шляхетства, выраженныя имъ въ двухъ прошеніяхъ, а также имѣя въ виду *поддержанное всѣми депутатами* мнѣніе Политики, „что правленіе дѣлъ въ Малороссіи послѣ государя должно зависѣть единственно отъ шляхетства“, мы приходимъ къ несомнѣнному убѣжденію, что шляхетство хлопотало, во-первыхъ,—достигнуть самоуправленія и занять примирующее въ Украйнѣ положеніе, и во-вторыхъ, поддержавши совѣщательныя народныя собранія, какъ-то рады или сеймы, ограничить ими власть высшихъ правительственныхъ учрежденій

[1]) Наказы, 183.

[2]) „Кіевская Старина“, 1883 г., іюнь.

Малороссіи, каковы бы они не оказались. Мѣщанству и козачеству прошеніе депутатовъ также отводило роль, но значительно меньшую, чѣмъ шляхетству; мѣщане и козаки имѣли созываться къ участію въ совѣтахъ только по дѣламъ особой важности, обыкновенные же, заурядные вопросы должны были разрѣшаться шляхтой и старшинами.

Очертивши общія, руководящія желанія шляхетства въ области внутренняго устроенія, обратимся теперь къ недостаткамъ, усмотрѣннымъ шляхетствомъ въ судѣ, уголовныхъ законахъ и отдѣльныхъ сферахъ управленія, и посмотримъ, какія мѣры оно предлагало къ ихъ устраненію.

Что касается суда, то всѣ наказы высказали удовольствіе по поводу возстановленія въ Малороссіи стараго судоустройства, т. е. судовъ земскихъ, гродскихъ и подкоморскихъ, и просили объ ихъ сохраненіи на будущія времена въ такомъ же видѣ, какъ они существуютъ, за немногими исключеніями [1]). Нужно разъяснить, что реформа малороссійскаго судоустройства совершилась въ 1763 году по ходатайству гетмана Разумовскаго; вся Малороссія была раздѣлена на 20 повѣтовъ и въ каждомъ изъ нихъ для гражданскихъ дѣлъ былъ учрежденъ земскій судъ, открывавшій свои засѣданія трижды въ годъ: отъ Богоявленія до Пасхи, отъ св. Троицы до іюля и отъ октября до Рождества. Судья, подсудокъ и земскій писарь, составлявшіе судъ, выбирались вольными голосами изъ повѣтоваго шляхетства; такимъ же образомъ для уголовныхъ дѣлъ были установлены въ каждомъ полку суды гродскіе, полковникъ въ нихъ былъ предсѣдателемъ. Подкоморскіе суды были учреждены спеціально для дѣлъ поземельныхъ. Реформа 1763 года была привѣтствована всей Малороссіей, какъ первый шагъ къ раздѣленію гражданскаго и земскаго управленія отъ воинскаго; къ ней, какъ видно изъ прошенія депутатовъ, отнеслись съ большимъ сочувствіемъ, довѣріемъ и надеждами, чѣмъ и объясняется, что въ наказахъ не было другихъ просьбъ,

[1]) Прилуцкое шляхетство просило: „дабы по означеннымъ правамъ книги Статута намъ и на будущія времена въ учрежденныхъ по ея и. величества указу судахъ, на то по тѣмъ же правамъ выбираемыхъ судей судится подтверждено было". Наказы, стр. 26. Въ такомъ же духѣ была просьба и лубенскаго шляхетства.

кромѣ подтвержденія возстановленнаго судоустройства Л. Статута. Но не слѣдуетъ однако думать, что реформа 1763 года отличалась полнотой и законченностью: во первыхъ, она не возстановила „Трибунала“, т. е. высшаго судебнаго мѣста для разрѣшенія апелляціонныхъ жалобъ, приносимыхъ на рѣшенія судовъ земскихъ, гродскихъ и подкоморскихъ, а продолжавшій существовать для этой цѣли в. г. судъ не соотвѣтствовалъ духу остальной реформы; во-вторыхъ, какъ справедливо замѣтилъ черниговскій наказъ, реформа оставила безъ вниманія то обстоятельство, что суды земскіе и гродскіе, согласно Л. Статуту, были предоставлены только одному шляхетству, между тѣмъ по указу 1763 г. объ учрежденіи этихъ судовъ, подъ ихъ компетенцію подпали и козаки на томъ основаніи, что между ними и шляхетствомъ не было положено различія въ отношеніи общаго управленія. Незаконченность реформы составляла во всякомъ случаѣ ея слабую сторону: объ этомъ замѣтило и прошеніе депутатовъ въ краткихъ выраженіяхъ, „что земскіе и гродскіе суды не могутъ быть дѣйствительны, если главное правительство не на такомъ основаніи и не по тѣмъ же правиламъ дѣйствовать будетъ, какъ и оные“; что же касается уравненія козаковъ съ шляхетствомъ въ отношеніи подсудности, то недостатокъ въ этомъ могло видѣть, конечно, только шляхетство, зараженное понятіями о сословности и желавшее ее видѣть даже тамъ, гдѣ должна бы дѣйствовать полная равноправность и равенство; но къ счастью, мы не можемъ назвать въ числѣ враговъ общаго для шляхетства и козаковъ суда никого, кромѣ черниговскаго шляхетства, да еще Политики, выставившаго положеніе—„что благородный долженъ судиться благороднымъ или по крайней мѣрѣ при депутатѣ отъ благородныхъ“.

Въ сферѣ процессуальнаго права намъ необходимо еще подчеркнуть весьма симпатичное желаніе черниговскаго шляхетства ввести у себя словесные суды для скорѣйшаго разрѣшенія маловажныхъ споровъ и тяжбъ. Указывая на это желаніе, нельзя не вспомнить, что словесные суды исключительно по торговымъ дѣламъ малороссійскаго купечества уже существовали недолгое время при гетманѣ Разумовскомъ, но въ 1758 году, по

его ходатайству, были закрыты, какъ не пользовавшіеся сочувствіемъ малороссіянъ, недовольныхъ подчиненіемъ въ нихъ судьямъ—великороссамъ, ихъ правамъ и обычаямъ; тѣмъ не менѣе этотъ неудачный прецедентъ не остановилъ черниговцевъ и они ходатайствовали о словесномъ судопроизводствѣ, находя, что оно освободитъ хотя мелкія дѣла отъ излишней волокиты и судебной канцелярщины. Хорошо извѣстно, что бумажное судопроизводство, особенно до 1763 года, не могло удовлетворить даже скромныхъ требованій относительно быстроты процесса; неясность и неопредѣленность законовъ еще болѣе способствовала тому, что стороны, не довольствуясь рѣшеніями первой инстанціи, проводили свои дѣла по безконечнымъ мытарствамъ и бывали случаи, какъ справедливо указывалъ въ своей запискѣ Тепловъ,—что пустые процессы объ отнятіи плети у козака или захватѣ гусей продолжались 8—16 лѣтъ; такъ что словесное судопроизводство принесло бы во многихъ случаяхъ несомнѣнную пользу.

Просьбы объ учрежденіи словесныхъ судовъ поступили также и отъ великорусскихъ дворянъ, они предлагали, подобно малороссіянамъ, дозволить имъ избирать изъ своей среды въ каждомъ станѣ одного словеснаго судью для разбора небольшихъ, но не терпящихъ отлагательства дѣлъ, какъ напр., запашка чужой земли, увозъ сжатаго хлѣба, порубка лѣса и пр.; но существенное различіе между проектированными малороссійскимъ шляхетствомъ и великорусскими дворянами словесными судами заключалась въ томъ, что по проекту великороссіянъ на суды возлагались обязанности совершенно административнаго и полицейскаго характера, какъ то заботы по содержанію дорогъ, раскладка повинностей, предупрежденіе грабежей, разбоевъ и пр. преступленій, что рѣшительно было несовмѣстно съ обязанностями независимаго, совѣстнаго судьи. Къ счастью, типъ суда со смѣшанными административными функціями не былъ принятъ во вниманіе императрицей и она при реформѣ губернскихъ учрежденій провела неизвѣстное великорусскимъ наказамъ раздѣленіе судебной и административной власти. Въ области матеріальнаго права нѣкоторые изъ шляхетскихъ наказовъ обра-

тили свое вниманіе на суровые уголовные законы Лит. Статута и просили сдѣлать въ нихъ соотвѣтствующія измѣненія; но замѣчательно, что малороссійское шляхетство не обнаружило въ этомъ случаѣ тяготѣнія къ особымъ льготамъ въ области уголовщины и не страшилось, какъ нѣкоторые великорусскіе дворяне, мысли, что отъ „излишней къ нимъ строгости, каковая можетъ случиться отъ не различія наказаній, оно можетъ лишиться знатныхъ мыслей, которыя чрезъ долгое время родители въ нихъ тщились вложить"; напротивъ, наказъ черниговскаго шляхетства желалъ равенства всѣхъ предъ уголовной отвѣтственностью, возмущался несправедливостью въ этомъ отношеніи Л. Статута, полагавшаго, напримѣръ, (16 арт. 11 разд.) за убійство простаго человѣка, совершенное шляхтичемъ, наказаніе несоизмѣримо низшее, чѣмъ въ обратномъ случаѣ. Такой законъ, заявлялъ наказъ, „можетъ быть терпимъ въ Польшѣ, гдѣ всѣ бѣдные и особливо достоинства шляхетскаго непріобрѣтшіе стенаютъ подъ игомъ порабощенія и мучительства" [1]).

Другіе наказы совсѣмъ оставили этотъ вопросъ безъ разсмотрѣнія, и только Политика да депутатъ отъ козаковъ миргородскаго полка, Тимофеевъ, заявили въ засѣданіи коммиссіи, что дворяне должны быть свободны отъ тѣлесныхъ наказаній, пока за преступленія не лишены дворянства. Въ общемъ, содержаніе наказовъ въ области судебной можно суммировать въ желаніи шляхетства видѣть довершенной реформу 1763 года, съ вольнымъ избраніемъ изъ своей среды судей и въ смягченіи карательной системы дѣйствовавшаго въ Малороссіи Л. Статута. Въ этомъ выводѣ намъ интересны двѣ чрезвычайно поразительныя черты: во-первыхъ удивляетъ, что Малороссія чрезъ 113 лѣтъ жизни подъ новымъ подданствомъ не только не усовершенствовала и не развила своего исконнаго судопроизводства, но настолько его исковеркала и испортила, что въ 1763 году весьма обрадовалась, когда ей возвратили старые суды Л. Статута, а въ 1767 году она, въ наказахъ, ничего почти серьезнаго не требовала, кромѣ сохраненія существующаго, по указу 1763 г.,

[1]) Наказы, 11.

судоустройства. Здѣсь мы наблюдаемъ поразительный случай регресса, объясняемаго тѣмъ, что послѣ козацкихъ побѣдъ на сцену малорусской жизни выступили менѣе культурные слои населенія, и хотя они, эта новая Малороссія, хлопотали постоянно предъ русскимъ правительствомъ о сохраненіи своихъ правъ и обычаевъ и правительство на бумагѣ никогда не отказывало въ подтвержденіи, но, правду сказать, обѣ стороны плохо понимали, что они дѣлали и Кистяковскій справедливо по этому случаю замѣтилъ, „что Малороссія сама измѣнила судопроизводство Л. Статута *въ то время, когда она хлопотала* объ оставленіи правъ и звычаевъ стародавнихъ, выдавая новое судоустройство какъ за такое, которое было на этихъ правахъ основано, и не замѣчая разницы между нимъ и старымъ".

Вторая черта въ томъ, что наказы, кромѣ черниговскаго, оставались довольны матеріальнымъ правомъ Л. Статута, какъ будто бы составителямъ ихъ не было извѣстно, что право Л. Статута оффиціально было признано самими малорусскими правителями устарѣлымъ и что надъ обновленіемъ его и сведеніемъ всѣхъ, дѣйствовавшихъ въ Малороссіи, правъ давно уже (съ 1728 г.) работала особая коммиссія, результатомъ дѣятельности которой были „Права, по которымъ судится малорос. народъ". Въ данномъ случаѣ насъ удивляетъ, что наказы совершенно не обратили вниманія на этотъ законодательный трудъ своихъ же юристовъ, а просьбами о сохраненіи Л. Статута они какъ бы признали полнѣйшую его негодность или, быть можетъ, что еще постыднѣе, выказали совершенное незнакомство съ нимъ. Такимъ образомъ, весьма важный и полезный трудъ по сведенію и обновленію малороссійскаго законодательства, по странной иронiи судьбы, не нашелъ въ свою защиту въ наказахъ ни единаго слова, а напротивъ они высказались за сохраненіе уже ранѣе осужденнаго права!

Остается еще коснуться теперь крайне интересныхъ данныхъ относительно желанія шляхетства расширить средства образованія для своего юношества; къ чести шляхетства, скажемъ, что оно было исполнено самыхъ благихъ намѣреній поставить надлежащимъ образомъ у себя дѣло образованія и дать своимъ

дѣтямъ возможность безъ выѣзда въ заграничныя школы и университеты или великорусскія училища обучаться дома всѣмъ наукамъ, необходимымъ для частной жизни и для государственной дѣятельности.

Просьбы объ улучшеніи образованія въ Малороссіи заставляютъ насъ сказать здѣсь, что положеніе его въ прошломъ вѣкѣ было крайне незавидно и не только не могло удовлетворить жажды малороссійскаго юношества къ свободнымъ наукамъ, но не было даже въ состояніи дать ему самыхъ скромныхъ познаній, ибо уровень образованія по возсоединеніи Малороссіи и сами образовательныя средства не увеличились, а уменьшились и пришли въ упадокъ. Образованіе въ 18-мъ вѣкѣ, какъ и при блаженной памяти П. Могилѣ, оставалось въ рукахъ лицъ духовнаго званія и носило церковно-схоластическій характеръ; юношество, за отсутствіемъ свѣтскихъ училищъ, начинало обыкновенно свое образованіе дома отъ какого-нибудь дьячка или блуждающаго учителя; затѣмъ дѣти болѣе зажиточныхъ фамилій отправлялись для обученія высшимъ наукамъ въ черниговскую или переяславскую семинаріи и въ кіевскую академію.

Что касается Великороссіи, то хотя тамъ состояніе образованія было также незавидно, но тѣмъ не менѣе она имѣла у себя нѣсколько дворянскихъ училищъ и шляхетскихъ корпусовъ съ профессіональнымъ направленіемъ, куда малороссіяне попадали съ большимъ трудомъ, такъ какъ сенатъ подтвердилъ не принимать малороссіянъ въ шляхетскій корпусъ, „поелику де въ М. Россіи нѣтъ дворянъ“. Въ послѣднее время великороссіяне пріобрѣли новое образовательное учрежденіе съ открытіемъ московскаго университета и изъ учениковъ малороссіянъ успѣли стать ихъ учителями. Украинцы плакались на безотрадное положеніе своего просвѣщенія: до послѣдняго времени—писали черниговцы—на воспитаніе юношества въ Малороссіи не было обращено почти никакого вниманія, въ силу чего за отсутствіемъ порядочныхъ воспитательныхъ домовъ и училищъ образованіе получаютъ только дѣти достаточныхъ семей, имѣющихъ средства отправить дѣтей въ С.-Петербургъ, Москву и чужіе края; не-

состоятельныя же фамиліи вынуждены отказывать себѣ въ этой необходимой потребности и оставляютъ своихъ дѣтей расти безъ всякаго развитія и часто въ тягость обществу. Еще хуже этого, судя по наказамъ, обстояло дѣло женскаго образованія, ибо если юношество могло учиться въ чужихъ краяхъ, то для дѣвушекъ это средство было совершенно невозможно и поэтому „женскій полъ былъ также оставленъ безъ надлежащаго призрѣнія и ученія“. Для устраненія недостатковъ отъ отсутствія образованія, а также въ виду того, „что безъ добраго воспитанія нельзя быть искуснымъ и храбрымъ военачальникомъ, мудрымъ государственнымъ служителемъ, справедливымъ судьею гражданамъ общества“, черниговцы просили учредить въ Малороссіи дворянскій корпусъ, въ которомъ бы малороссійскимъ дворянамъ можно было бы изучить все, что полезно благородному человѣку въ военной и гражданской службахъ [1]). Тотъ же черниговскій, а также и переяславскій наказы хлопотали еще объ учрежденіи для женскаго пола особаго дома воспитанія съ тѣмъ, что бы въ немъ, по усмотрѣнію императрицы, преподавались необходимыя для женщинъ науки.

Что касается высшаго образованія или, какъ выражались наказы, обученія высшимъ наукамъ, „которыми ученые люди государственной и собственной каждаго пользѣ въ домостроительствѣ и прочемъ жизни человѣческой нужнымъ служить могутъ“, то оно также было предметомъ заботъ шляхетства и черниговцы, глуховцы и переяславцы хлопотали объ учрежденіи въ Малороссіи своего университета; они надѣялись, что извѣстная своими заботами о просвѣщеніи и либерально настроенная Екатерина сочувственно отнесется къ мысли объ учрежденіи университета въ Малороссіи и даруетъ ему привилегіи, подобно тому, какъ это было сдѣлано польскими королями для академій львовской, краковской и кіевской. Переяславское шляхетство, прося объ учрежденіи въ Малороссіи университета, находило, что наиболѣе подходящимъ для него мѣстомъ можетъ быть г. Переяславъ, какъ „не послѣдній между малороссійскими горо-

[1]) Наказы, 14.

дами“ и какъ пользующійся исторической извѣстностью; а на содержаніе университета переяславцы совѣтовали употреблять таможенные доходы, получаемые въ Малороссіи. Однако, сколь ни пріятны стремленія шляхетства къ просвѣщенію, но мы не можемъ утаить, что ни одинъ изъ наказовъ не шелъ далѣе непосредственныхъ заботъ объ образованіи своего сословія и что требованія шляхетства по этому вопросу стояли ниже, чѣмъ въ прошеніи 1764 г. Во первыхъ, въ 1764 году старшины и шляхетство находило нужнымъ учредить въ Малороссіи 2 университета и нѣсколько гимназій съ типографіями для печатанія гражданскихъ и духовныхъ книгъ; одинъ изъ университетовъ предполагалось учредить въ Кіевѣ, на мѣстѣ Кіево-Братскаго монастыря, изъ котораго монахи должны быть выведены, такъ какъ, по замѣчанію прошенія, при основаніи кіевскихъ школъ тамъ не было монастыря, а одно только братство; второй университетъ просители полагали завести въ Батуринѣ, а гимназіи въ тѣхъ городахъ, которые они сами сочтутъ наиболѣе способными. Во вторыхъ, существенное отличіе наказовъ отъ прошенія по вопросу объ учрежденіи учебныхъ заведеній состояло и въ томъ, что проектируемые прошеніемъ университеты и гимназіи должны были служить вообще „пользѣ малороссійскаго народа“, между тѣмъ наказы ясно требовали *шляхетскихъ* корпусовъ, подобно великороссійскому дворянству. Сословность въ образованіи—черта совершенно новая для Малороссіи: старыя греко-латинскія школы не различали сословій и въ нихъ одинаково находили себѣ пріютъ дѣти знатной старшины, шляхетства, духовенства, козаковъ и даже посполитыхъ. Теперь шляхетство, ради выдѣленія себя изъ остальной массы, заявило претензію на заведеніе для себя особыхъ корпусовъ для юношества и воспитательныхъ домовъ для дѣвицъ и въ этихъ вожделѣніяхъ вполнѣ присоединялось къ великорусскимъ дворянамъ, не представлявшимъ себѣ обученія дѣтей иначе, какъ въ школахъ, доступныхъ одному дворянству. Впрочемъ, мы должны оговориться въ томъ смыслѣ, что наше шляхетство вовсе не желало сдѣлать образованіе монополіей своего сословія; оно стремилось только обезпечить своимъ дѣтямъ воспитаніе на счетъ государства, а

въ остальномъ умывало руки, хотя и не отрицало права остальныхъ сословій заводить свои учебныя заведенія, такъ какъ, говорилъ депутатъ Золотницкій, заведеніе училищъ не можетъ быть предметомъ преимущества дворянъ[1]).

Послѣ сказаннаго нами о просвѣщеніи прибавимъ еще нѣсколько словъ по поводу заявленій наказовъ относительно свободы торговли и промысловъ и учрежденія дворянскаго банка. Обращаясь къ первому, необходимо замѣтить, что въ Екатерининской коммиссіи вопросъ о свободѣ торговли понимался вовсе не въ современномъ смыслѣ этого слова „laissez faire, laissez passer", а только въ смыслѣ расширенія права занятія торгомъ и на другія сословія, кромѣ купеческаго, которому торгъ и промыслы были присвоены, какъ профессія, и ограждены закономъ отъ посягательства другихъ сословій, подобно тому, какъ владѣніе крѣпостными людьми было дозволено одному дворянству. Между тѣмъ послѣднее, поднявши въ коммиссіи вопросъ о торговлѣ, находило, что занятіе ею не должно составлять исключительно права купеческаго сословія, а должно быть предоставлено и дворянамъ, и это требованіе вызвало оживленныя пренія между купечествомъ и дворянами. Что касается Малороссіи, то ея положеніе въ этомъ было нѣсколько иное: во первыхъ, въ ней не было раздѣленія занятій по сословіямъ, ибо Статутъ давалъ полную свободу изобрѣтательности каждаго и, во вторыхъ, самый вопросъ о торговлѣ и промышленности не имѣлъ въ ней такого значенія, какъ въ Великороссіи, ибо Малороссія—страна земледѣльческая, торговля ея была слаба, а промышленность ограничивалась обработкой льна, пеньки, шерсти и пр. и добываніемъ желѣза, селитры, а въ особенности Малороссія была извѣстна винокуреніемъ. Этимъ достаточно объясняется, что на вопросъ о торговлѣ и промыслахъ шляхетство мало обратило вниманія, но въ принципѣ оно стояло за полнѣйшую ихъ свободу и черниговскій наказъ, напримѣръ, хлопоталъ, дабы шляхетству было предоставлено право торговли и вывоза всѣхъ своихъ произведеній за границу[2]); другіе наказы съ явнымъ неу-

[1]) Сб. Им. Рус. Ист. Об. т. 36, стр. 306.

[2]) Наказы, стр. 18.

довольствіемъ высказались противъ обложенія торговли какими-бы то ни было пошлинами и противъ установленія ихъ на соль и вино „для прибытку государства“ [1]) больше же всего въ наказахъ поступило прошеній о дозволеніи свободнаго винокуренія и безпошлинной торговли виномъ, при чемъ это право разсматривалось, какъ возмездіе за безплатную службу шляхетства государству. Объ учрежденіи въ Малороссіи банковъ, по примѣру открытыхъ въ то время въ Москвѣ и Петербургѣ, встрѣчались просьбы въ наказахъ черниговскомъ и переяславскомъ; въ нихъ шляхетство жаловалось, что за отсутствіемъ банковъ оно вынуждено закладывать свои имѣнія за большіе проценты и тѣмъ разорять ихъ или даже доводить до продажи, и что неимѣніе въ оборотѣ свободныхъ капиталовъ лишаетъ его возможности распространять въ малороссійскомъ краѣ „коммерцію и промыслы“ и препятствуетъ увеличенію богатства. Въ виду этого, оно просило учрежденія для себя банковъ на такомъ основаніи, „какъ оный въ Россіи для дворянъ заведенъ“, и предлагало проценты съ оборотовъ отдавать на содержаніе „воспиталищъ и училищъ, яко благое и полезное всей имперіи дѣло [2])“.

Теперь намъ предстоитъ закончить нашъ очеркъ нѣсколькими замѣчаніями, касающимися недостатковъ, усмотрѣнныхъ въ состояніи и устройствѣ военныхъ силъ въ Малороссіи. Казалось-бы, что при полувоенномъ состояніи быта Украины вопросъ этотъ долженъ бы занять вниманіе многихъ наказовъ, на дѣлѣ жъ только черниговскій наказъ довольно вяло и поверхностно коснулся этого живаго и крайне важнаго предмета; онъ находилъ, что наличное состояніе козацкой службы, ея организаціи и порядковъ настолько плохо, что не можетъ удовлетворить благороднымъ стремленіямъ шляхетства служить на военномъ поприщѣ и научаться военному дѣлу, и что за неимѣніемъ въ Малороссіи другого рода войскъ шляхетству приходится бросать козацкіе полки и поступать въ великорусскую армію. Разбирая затѣмъ причины дурнаго состоянія козачьей службы,

---

[1]) Ibid., стр. 6. и Сб. Р. И. И. Общ., т. 32, стр. 316.

[2]) Наказы, стр. 22, 45.

черниговскій наказъ, минуя дѣйствительныя и главныя, наиболѣе важной изъ нихъ выставилъ ни что иное, какъ „безпорядочное не по старшинству и заслугамъ, но общимъ выборомъ и усмотрѣніемъ властей производство въ чины и назначеніе на должности", въ силу чего лучшіе люди коснѣютъ въ однихъ чинахъ, а незаслуженные похищаютъ лучшія должности и козаки приходятъ въ безпорядокъ и упадокъ. Наказъ не указывалъ, какія необходимы мѣры къ поправленію козачьей службы, но хлопоталъ, чтобы служба шляхетства была обращена „въ болѣе порядочную, званію приличную и государству прочнѣйшую, дабы шляхетство, начиная въ такихъ полкахъ служить отъ нижнихъ чиновъ и восходя по ступенямъ могло учинять себя достойными охранителями имперіи и полезными гражданами общества" [1]). Въ итогѣ, слѣдовательно, заботы черниговцевъ сводились не къ улучшенію состоянія козачьихъ войскъ, а къ наиболѣе правильному и законному производству въ чины и назначенію на должности. Черта довольно характерная, какъ свидѣтельство эгоистическихъ и мелочныхъ побужденій шляхетства!

Стараясь быть по возможности краткими, мы изложили почти всѣ нужды и желанія исключительно шляхетскаго, сословнаго характера, имѣвшія, на нашъ взглядъ, наиболѣе выдающееся значеніе и характеризующія наиболѣе выпукло сословныя тяготѣнія конца 18 вѣка; можно бы еще упомянуть о разсѣянныхъ въ различныхъ наказахъ мелкихъ замѣткахъ, не имѣвшихъ особой важности, а также желаніяхъ, касавшихся всѣхъ сословій, какъ напр., отмѣнѣ генеральной описи, коммиссіи для разбора жалобъ малороссіянъ на великорусскихъ чиновниковъ и проч., но мы не дѣлаемъ этого, надѣясь заняться ими при разборѣ наказовъ отъ другихъ сословій, теперь же взглянемъ, что было сдѣлано Екатериной въ удовлетвореніе заявленныхъ шляхетствомъ прошеній.

О томъ, какъ разрѣшился вопросъ о децентрализаціи и были-ли подтверждены Малороссіи пункты Б. Хмельницкаго и привилегіи королей польскихъ—говорить много нечего. Отвѣтъ извѣстенъ.

---

[1]) Наказы, 15.

Настоящая Малороссія краснорѣчиво свидѣтельствуетъ, что рука Екатерины направила Украину совсѣмъ не той дорогой, которой желало идти инертное шляхетство. Отъ козачины, гетманскаго режима, самобытныхъ порядковъ не осталось и тѣни. Мечты и помышленія шляхетства объ отдаленной старинѣ съ ея радами и сеймами, съ избраніемъ начальниковъ вольными всѣхъ чиновъ голосами не получили никакого осуществленія. Послѣ созыва коммиссіи автономія Украйны не только не возросла и не окрѣпла, но совсѣмъ пала, а власть генералъ-губернатора расширилась еще болѣе. Шляхетству малорусскому было отказано въ желаніи создать изъ Украйны status in statu, но что касается затѣмъ болѣе умѣренныхъ желаній, то оно во многомъ получило удовлетвореніе.

Прежде всего, конечно, любопытно знать, какъ разрѣшился вопросъ о нобилитаціи малороссійскаго шляхетства? Желанія южно-русскаго шляхетства, говоритъ г. Латкинъ по этому поводу, были уважены императрицей и тремя мѣрами, совершено объединеніе его въ правахъ съ великорусскимъ дворянствомъ: образованіемъ 3-хъ малороссійскихъ губерній въ 1782 году южно-русскому шляхетству было предоставлено въ выборѣ чиновъ губернскихъ и уѣздныхъ присутственныхъ мѣстъ право, какое учрежденіемъ о губерніяхъ (въ 1775 г.) даровано русскому дворянству; указомъ 3 мая 1783 года, лишившимъ малороссійское поспольство права свободнаго перехода, и жалованной грамотой 1785 г., *распространенной и на малороссійское шляхетство*". По вопросу о нобилитаціи нужно присовокупить, что волей императрицы малорусское шляхетство было легализировано и въ составъ его вошли всѣ чины генеральной старшины, а изъ полковой—полковники, обозные, есаулы, хорунжіе, полковые и городскіе судьи и сотники. Для разбора малороссійскаго дворянства и составленія родословныхъ книгъ въ томъ же году были образованы коммиссіи, но работы ихъ не отличались добросовѣстностью и, благодаря злоупотребленіямъ и подкупамъ, многіе простые козаки и крестьяне попали въ дворяне, купивъ себѣ чрезъ евреевъ у поляковъ подложныя свидѣтельства о принадлежности къ небывалымъ польскимъ фамиліямъ.

Учрежденіемъ о губерніяхъ 1775 г., распространеннымъ въ 1782 г. и на Малороссію, желанія шляхетства относительно мѣстнаго управленія также получили до извѣстной степени удовлетвореніе; не были, само собой разумѣется, уважены желанія такого крайняго направленія, какого держался Политика и солидарные съ нимъ наказы, но административное управленіе уѣздомъ, судъ и земское хозяйство были, если не всецѣло, то въ значительной мѣрѣ переданы въ руки дворянъ, которые въ силу этого заняли господствующее положеніе въ государствѣ и низвели остальные классы до положенія служебныхъ органовъ.

Между тѣмъ учрежденіе 3-хъ малороссійскихъ губерній вовсе не было желанной шляхетству реформой въ смыслѣ порядка внутренняго управленія; уничтоженіе гродскихъ, земскихъ и магистратскихъ судовъ и замѣна ихъ судами съ устройствомъ, установленнымъ учрежденіемъ о губерніяхъ 1775 г., также не отвѣчало вожделѣніямъ шляхетства, стремившагося развить возстановленное Разумовскимъ судоустройство до состоянія, намѣченнаго Л. Статутомъ.

Впрочемъ, малороссійскіе законы—Л. Статутъ и Магдебургское право—до поры до времени были оставлены, въ качествѣ дѣйствующихъ, но уваженіе имъ было сдѣлано потому, что не представлялось возможнымъ замѣнить ихъ великорусскимъ правомъ, изображавшимъ полнѣйшій хаосъ и весьма устарѣлымъ.

Сдѣланное Екатериной для Малороссіи въ области просвѣщенія также оставляло желать много лучшаго. Достаточно сказать, что ни одинъ изъ университетовъ, о которыхъ хлопотало шляхетство, открытъ не былъ, шляхетскіе корпуса, гимназіи и воспитательные для дѣвицъ дома и училища также заведены не были. Вмѣсто того Екатерина учредила въ каждой губерніи училища, издавъ извѣстный училищный уставъ 1786 года.

Что касается просьбъ малороссійскаго шляхетства относительно учрежденія банковъ, то до извѣстной степени желанія шляхетства, говоритъ г. Латкинъ [1]), были исполнены. 19 іюля

[1]) Ibid, стр. 279.

1783 г. императрица предписала выдавать изъ дворянскаго банка ссуды малороссійскимъ и смоленскимъ помѣщикамъ подъ залогъ ихъ имѣній; малорусскіе помѣщики, слѣдовательно, не добились учрежденія своего банка, но не были лишены права пользоваться займомъ въ великорусскихъ банкахъ.

Однимъ словомъ, шляхетству даны были извѣстныя права, но вмѣстѣ съ тѣмъ оно утеряло послѣднюю оболочку самобытности.

Нужно-ли было и такимъ-ли путемъ слѣдовало шляхетству отстаивать свою самобытность,—это вопросъ, который не входитъ въ скромныя задачи нашего очерка, но мы не можемъ не сказать, что оно не представило достаточно ясной программы тѣхъ порядковъ, которые оно желало сохранить среди измѣнившихся условій жизни, и не обнаружило надлежащаго пониманія самихъ этихъ условій.

Ив. Теличенко.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Документы, извѣстія и замѣтки.

Лубенскій музей Е. Н. Скаржинской. Научныя коллекціи предметовъ древности, стариннаго быта и культуры, археологіи, этнографіи и естественно-историческія, къ собиранію и сохраненію которыхъ общественныя учрежденія нашихъ южныхъ городовъ выказываютъ такое поразительное и невѣжественное равнодушіе, возникаютъ то тутъ, то тамъ трудами и усердіемъ просвѣщенныхъ частныхъ лицъ. Объ одномъ изъ замѣчательнѣйшихъ собраній подобнаго рода, помѣщицы лубенскаго уѣзда полтавской губерніи Екатерины Николаевны Скаржинской, слышно было въ послѣдніе пять—шесть лѣтъ. Зимою настоящаго года часть коллекціи г-жи Скаржинской, въ составѣ ста двадцати одного номера, появилась на московской археологической выставкѣ (зала 8-я. Подробности въ «Указателѣ выставки»). Осмотрѣвъ недавно это собраніе въ полности на мѣстѣ (хуторъ Кругликъ, близъ г. Лубенъ), сообщаемъ о немъ нѣсколько свѣдѣній. По разнообразію отдѣловъ, новизнѣ и интересу нѣкоторыхъ изъ нихъ, собраніе это нуждается въ болѣе подробномъ описаніи, которое безъ сомнѣнія и явится, когда коллекція пріобрѣтетъ большую извѣстность и достигнетъ во всѣхъ своихъ частяхъ желаемой равномѣрности и полноты.

Возникши отъ раскопокъ, геологическихъ розысканій и палеонтологическихъ находокъ въ окрестностяхъ Лубенъ, коллекція первое время и сосредоточивалась преимущественно на предметахъ доисторическихъ эпохъ. Но мѣстность эта, бывшая театромъ видныхъ историческихъ событій, благодатная по творческимъ силамъ природы и сохранявшая еще недавно характеръ «глуши», представляла такъ много заманчиваго по части историко-этнографическаго коллекціонированья, что программа и задачи музея скоро прорвали рамки перво-

бытныхъ временъ и въ настоящемъ своемъ видѣ включаютъ въ себя и всю исторически извѣстную жизнь края. Послѣдніе отдѣлы музея возникли очень недавно, такъ что по важности и значенію собранныхъ предметовъ преобладаютъ покуда отдѣлы доисторическіе. Но изъ дальнѣйшаго видно будетъ, какъ много значительнаго и свѣжаго заключаютъ въ себѣ уже и позднѣйшіе розыски и сколько они обѣщаютъ. Мы остановимся преимущественно на нихъ, только намѣтивъ составъ доисторическаго собранія.

По весьма разумной системѣ, изслѣдованіе начинается съ мѣстности, съ почвы края. Въ геологической коллекціи собраны образцы всѣхъ горныхъ породъ, обнажающихся въ лубенскомъ уѣздѣ, начиная съ древнѣйшей здѣсь кристаллической породы діабаза, со многими его видоизмѣненіями и продуктами метаморфизаціи и разложенія: известнякомъ, гипсомъ и т. д. до самыхъ верхнихъ слоевъ: валуннаго суглинка, съ многими образцами валуновъ изъ сѣверныхъ породъ— и, наконецъ, образцы позднѣйшихъ иллювіальныхъ отложеній. Эта геологическая коллекція помогла уже новѣйшему изслѣдователю полтавской губ. проф. Докучаеву исправить нѣкоторыя невѣрности въ изслѣдованіи его предшественника проф. Гурова.

Слѣдуютъ далѣе — остатки мѣстныхъ вымершихъ животныхъ: мамонта, сѣвернаго оленя, встрѣченныхъ въ лёсѣ, и благороднаго оленя, лося, косули, дикаго кабана, встрѣченныхъ въ аллювіѣ.

Памятники палеолитической эпохи каменнаго вѣка: кремневыя мелкія орудія, каменные топоры, костяное шило, красная краска, найденная съ большимъ количествомъ костей мамонта и сѣвернаго оленя.

Предметы неолитической эпохи каменнаго вѣка, найденные въ разныхъ мѣстахъ Лубенщины а также въ Лубнахъ на Лысой горѣ, въ курганахъ скиѳскаго типа, вмѣстѣ съ бронзовыми и желѣзными предметами, а также и съ древне-греческими сосудами, относимыми къ V—VI вѣкамъ до Рождества Христова.

Скиѳскіе предметы изъ кургановъ и памятники азіатскихъ кочевниковъ: четыре каменныя бабы.

Предметы великокняжеской эпохи изъ Клепачевскаго городища и многихъ другихъ мѣстъ (мечи, глиняные конусы неизвѣстнаго назначенія, бронзовая ступка, найденная въ раскопкахъ кіевской Десятинной церкви и проч.). Предметы татарскіе.

Къ этимъ же отдѣламъ надо отнести коллекцію череповъ и скелетовъ постоянныхъ и переходныхъ обитателей Лубенщины, съ отдаленнѣйшихъ временъ до настоящаго.

Особо можно упомянуть о собраніи монетъ—до 4000—русскихъ, польскихъ и другихъ славянскихъ государствъ и иностранныхъ, и о небольшихъ коллекціяхъ изъ кругосвѣтныхъ и другихъ путешествій, подаренныхъ разными лицами, между прочимъ лейтенантомъ В. О. Бэромъ, врачемъ В. В. Яцутою и другими.

Большой интересъ въ памятникахъ болѣе близкихъ намъ историческихъ временъ представляли бы, безъ сомнѣнія, предметы эпохи польскаго владычества въ лѣвобережьи и въ центрѣ «Вишневеччины» --Лубнахъ. Но бурная козацкая борьба смела какъ вихрь слѣды того времени и уцѣлѣло по этой части немногое.

На Монастырской улицѣ въ Лубнахъ, въ концѣ ея, къ мѣсту бывшей рѣчки Лубенки, встрѣчаются при постройкахъ кирпичные фундаменты очень древней кладки, а въ усадьбѣ г. Ревы сохранилась каменная постройка, древнѣйшая въ Лубнахъ, судя по толщинѣ стѣнъ, устройству оконъ и дверей, служившая чѣмъ то вродѣ сокровищницы и, можетъ быть, примыкавшая къ замку Іереміи Вишневецкаго (другое преданіе относитъ ее къ частямъ бывшаго при Вишневецкомъ въ Лубнахъ католическаго кляштора). Въ музеѣ собраны кирпичи изъ древнихъ фундаментовъ, ключъ отъ упомянутой сокровищницы, фотографическіе виды мѣстъ битвъ Наливайка близъ Солоницы и Войнихи, съ далью, гдѣ «Рядовы могилы» и цѣлая система кургановъ. Въ Лубенщинѣ же найдены, въ старосвѣтскихъ домикахъ мѣщанъ и священниковъ, польскія и латинскія книги первой половины XVI вѣка, по всѣмъ вѣроятіямъ сохранившіяся отъ временъ польскаго владычества. Это—«Rocznedzieie Kościelne», выбранныя изъ Бароніуса,—Петра Скарги, Краковъ 1607 г. (надпись: Ex libris Gregorii Tomachowsky, Cancelarii Exercitus Zaporoviensis), «Swiatnica Panska» Симона Старовольскаго, Краковъ 1645, «Concordantiae bibliorum Sacrorum», Вильгельма Молитора 1629 года (надпись 1647 г. о принадлежности священнику Ивану Докину) и другія. Есть также много документовъ изъ лубенской полковой или сотенной канцеляріи, съ печатью, гдѣ Лубны названы Александровомъ [1]). Удивительно, что это имя удерживается на печати до 1738. На одномъ документѣ этого года мы прочли: «Sigilum civitatis Alexandr... Anno 1738. (Печать города Александрова и пр.).

[1]) Такъ желали назвать Лубны князья Вишневецкіе, по имени основателя Лубенъ на старомъ городищѣ Александра Вишневецкаго, см. „Исторія возсоединенія Руси"—Кулиша т. I, 144, II, 133.

Довольно значительное собраніе рукописей, не заключая въ себѣ документовъ XVI вѣка, относится по преимуществу къ XVII и XVIII. Большія связки рукописей добыты изъ фамильныхъ архивовъ—Огрpreимовичей, Скаржинскихъ, Райзеровъ, Кирьяновыхъ, Яновичей, Павловичей, Нѣжинцевыхъ и Леонтовичей. Документы пересмотрѣны и по возможности расположены хронологически, но не служили еще никому изъ ученыхъ въ качествѣ историческаго матеріала. Изъ пирятинскаго уѣзда доставленъ хорошій списокъ лѣтописи Грабянки, представляющій варіанты противъ печатнаго [1]); отмѣтимъ еще кстати рукописный сборникъ юридическихъ документовъ, служившій для руководства какому то старинному казуисту и крючку, и ученическую тетрадку Е. П. Гребенки, недавно доставленную въ музей съ мѣста родины писателя.

Отдѣлъ старопечатныхъ книгъ заключаетъ въ себѣ по преимуществу книги типографій кіевской, львовской и черниговской, съ многими гравюрами. Самая старая изъ книгъ Евангеліе 1590 года, съ четырьмя гравюрами евангелистовъ. На виньеткѣ стоитъ 1590 г., но выходной листъ, къ сожалѣнію, отсутствуетъ. По «Описанію славяно-русскихъ книгъ» Каратаева подъ 1590 годомъ мы не находимъ ни одного изданія. Евангеліе это похожее по печати на работы Кіево-печерской типографіи, или издано было позже, а взята была для него только старая виньетка, или неизвѣстно библіографамъ. По листамъ надпись: «Сія книга зовемая Евангеліе купилъ ее рабъ Божій Михаилъ(?) съ женою своею Пелагіею до села Городиславичъ(?) за свое душевное спасеніе и тѣлесное здоровье и отпущеніе грѣховъ и предалъ его до храму св. мученика Деомитріа 1628 г.»

Въ кіевскомъ Евангеліи 1697 года выдѣляются по красотѣ работы гравюрки съ подписью Іоанъ Г., особенно сцена встрѣчи Христа съ богатымъ юношей. Въ «Словарѣ граверовъ» Ровинскаго мастеръ этотъ не упомянутъ [2]). Совершенно также пропущенъ у Ровинскаго черниговскій граверъ второй половины XVIII вѣка Михаилъ Чернявскій, гравюры котораго мы встрѣтили въ музеѣ на черниговскомъ Новомъ Завѣтѣ 1754 года. Все это доказываетъ только выска-

---

[1]) Характерна распространенность этой лѣтописи: нами вывезены отъ П. А. Лукашевича и переданы пр. В. Б. Антоновичу два подобныхъ же списка этой лѣтописи.

[2]) У Ровинскаго отмѣченъ Іоанъ Р. или Рѣзленный. Сходство буквъ Г. и Р. могло ввести въ ошибку составителя Словаря. На экземплярѣ лубенскаго музея ясно стоитъ буква Г.

занное нами и раньше мнѣніе о томъ, какъ не изслѣдована еще эта область стариннаго южнорусскаго искусства. Какъ характерный образцикъ церковно-народнаго стариннаго издательства нельзя не обратить вниманія на кіевскую «Тріодь постную» 1627 года, доставшуюся въ музей въ превосходномъ по сохранности экземплярѣ. Чего только нѣтъ въ этой громадной, назначенной къ постоянному пользованію и благочестивому перечитыванію книгѣ! Церковныя службы постныхъ дней, молитвы святымъ, толкованія праздниковъ, житія святыхъ, съ образцами высокаго душевнаго совершенства, все это пересыпанное множествомъ разнообразныхъ, различныхъ по размѣру, отъ листовыхъ до самыхъ крошечныхъ гравюрокъ, вкрапленныхъ какъ бы случайно на протяженіи всей огромной книги, гдѣ въ образахъ простыхъ, доступныхъ народному пониманію, иллюстрируется текстъ; (въ притчахъ,—напримѣръ о блудномъ сынѣ,—на одной картинкѣ изображены всѣ фазисы жизни заблудшаго юноши, до возвращенія въ родительскій домъ). Немудрено, что такія книги были дорогимъ достояніемъ начетчиковъ и что съ ними, къ досадѣ коллекціонеровъ, и теперь неохотно разстаются захолустные старики.

По части старинной гравюры надо упомянуть еще о двухъ фрагментахъ гравюръ, найденныхъ въ старыхъ переплетныхъ доскахъ второго экземпляра той же Тріоди постной 1627 г. (На одномъ изъ фрагментовъ сохранилась надпись надъ изображеніемъ апостола Іакова) Обращаетъ вниманіе сходство этихъ первичнѣйшихъ гравюръ, съ живописью старѣйшихъ нашихъ иконъ, живописью одними штрихами.

Церковная старина представлена въ лубенскомъ музеѣ многими интересными образцами. Таковы дарохранительницы оловянныя крестообразныя и оловянныя же съ ажурными украшеніями и стеклянными вставками, такой же ажурный крестъ, навершія на цеховыхъ значкахъ (звѣзда съ крестомъ и солнце съ крестомъ въ серединѣ), образцы церковной скульптуры. Изъ послѣднихъ имѣются: деревянный ангелъ (изъ одной изъ церквей хорольскаго уѣзда) съ руками простертыми такимъ образомъ, что статуя могла служить аналоемъ, деревянный же, раскрашенный въ бѣлую краску Агнецъ, еще въ первой половинѣ нашего вѣка находившійся на жертвенникѣ церкви села Овсюковъ лубенскаго уѣзда, и статуетка Богородицы грубой работы, но необыкновенно трогательнаго типа. Богоматери приданъ видъ крестьянской женщины и изображена она пожилою, какъ *стара маты*, какою изображается она всегда и въ старинной народной южнорусской живописи. Эта статуэтка—очевидно часть группы возлѣ Распятія, такъ назыв.

Pieta. Намъ довелось слышать, что такія статуетки ставились въ страстные дни возлѣ Плащаницы, но свѣдѣніе это еще требуетъ подтвержденія.

Изъ частей рѣзныхъ иконостасовъ превосходной мѣстной работы выставлены царскіе врата и аналои и боковыя алтарныя двери съ громадными изображеніями архангеловъ благороднаго кіевскаго письма. Есть образцы старой иконописи, кіотъ искусной рѣзьбы и съ образомъ Богоматери въ ризѣ характера XVI вѣка и съ тремя медальонами—образами. (Пріобрѣтенъ отъ потомковъ золотоношскаго сотника Леонтовича). Въ хоругвяхъ интересенъ орнаментъ на каймахъ, представляющій облагороженный образецъ тѣхъ рисунковъ, какими теперь раскрашиваютъ скрыни и деревянную посуду. Очень интересны еще три громадныхъ желѣзныхъ креста, снятыхъ съ перестроенныхъ древнихъ церквей, всѣ три оригинальнѣйшихъ рисунковъ. Первый—солнцевидный, другой—весь въ завиткахъ, съ шарами на сочлененіяхъ и полумѣсяцемъ и третій очень простаго и строгаго рисунка. Всѣ три—старой кузнечной работы. Сосудъ для храненія освященной воды—красной мѣди, огромный, весь украшенный чеканными рисунками растеній и листьевъ, какъ фамильная древность, хранится въ домѣ Скаржинскихъ.

Собраніе портретовъ и изображеній лицъ временъ гетманщины и позднѣйшихъ недавно начато, но содержитъ уже въ себѣ нѣсколько оригиналовъ. Изъ дому Родзянокъ, коренной и самой обширной въ хорольскомъ уѣздѣ фамиліи, происходятъ портреты двухъ ея представителей, обозныхъ миргородскаго полка Василія и Стефана. Оба портрета поколѣнные, оба одного размѣра (1 аршинъ и $^3/_4$ высоты $1^1/_4$ арш. ширины). Подъ первымъ изъ нихъ, изображающимъ полнаго мужчину въ парадномъ жупанѣ и плащѣ, подписано «1732 года декабря 18 дня предъ вечернею преставилъ Василій Родзянко обозный полку миргородского поживъ отъ роду лѣтъ . . .» (стерто) Василій Родзянка былъ начальникомъ малороссійской артиллеріи въ битвѣ подъ Полтавой. Подъ вторымъ портретомъ надпись: «1736 года августа . . . . преставилъ Стефанъ Родзянка обозный полку миргородскаго поживъ отъ роду лѣтъ 49» [1]). Оба портрета, по старинному обычаю, повидимому, писаны съ мертвыхъ. Къ оригиналамъ принадлежитъ и отлично сохранившійся портретъ золотоношскаго сотника Наркиза

[1]) Въ селѣ Веселый Подолъ хорольскаго уѣзда у г. Родзянко хранятся еще четыре фамильныхъ портрета Родзянокъ: Василія и трехъ его сыновей.

Леонтовича, относящійся ко второй половинѣ XVIII вѣка, изображающій молодаго сотника въ красномъ кафтанѣ и распахнутомъ плащѣ, кисти котораго падаютъ по плечамъ, на подобіе погоновъ. Коллекція гетманскихъ портретовъ заурядной работы интересна, какъ образецъ одного изъ многихъ собраній подобнаго рода, вошедшихъ, повидимому, въ моду въ панскихъ домахъ около или нѣсколько ранѣе времени перваго изданія «Исторіи Малороссіи» Бантышъ-Каменскаго, гравюры которой совершенно сходны съ этими портретами. Лубенское собраніе, состоящее изъ семи портретовъ (отъ Б. Хмельницкаго до Разумовскаго включительно), происходитъ изъ полтавскаго губернаторскаго (по другимъ версіямъ архіерейскаго) дома. Два подобныхъ же портрета изъ другой коллекціи происходятъ изъ Батурина. Четыре отдѣльныхъ портрета Б. Хмельницкаго представляютъ варіаціи гондіусовскаго типа. Нѣсколько «Запорожцевъ Мамаевъ» всѣ добыты въ Полтавщинѣ.

По части оружія, имѣются двѣ большія пушки изъ лубенской артиллерійской шопы и двѣ короткія козацкія пушки (изъ дому Алексѣевыхъ), образца пушекъ, употреблявшихся на лодкахъ въ XVII столѣтіи.

Цѣнные образцы представляетъ и отдѣлъ старинныхъ одеждъ, расшитаго бѣлья и украшеній. Въ козацкомъ періодѣ, въ этой области слѣдуетъ различать одежду и утварь лицъ козацкой старшины, городскихъ классовъ—мѣщанъ и ремесленниковъ—и сельскаго народа. Изъ обихода лицъ высшаго круга выдаются: «гетманская наволока», полотняная расшитая шелками и золотомъ, (хранившаяся подъ этимъ названіемъ въ дворянскомъ домѣ роменскаго уѣзда), и расшитыя покрывала на постели изъ дому Леонтовичей. Изъ «городскихъ» одеждъ хороши: *шинелька*—верхній женскій костюмъ изъ желтоватой полушерстяной матеріи съ длинными, узкими рукавами и пелеринкой, отличающійся отъ *шушуна* отсутствіемъ складокъ. По словамъ продавшей ея женщины, къ этой одеждѣ надо носить непремѣнно остроносые башмаки, да еще и *свынячи*. Въ Лубнахъ есть старикъ—башмачникъ, умѣющій и теперь дѣлать такіе башмаки. Старинный черный суконный картузъ именитаго лубенскаго купца Фалина. Такіе картузы носили въ началѣ вѣка горожане высшаго полета, напр. аптекарь Лундъ и другіе. Это смѣсь высокой конфедератки съ околышкомъ, небольшими наушниками и плоскимъ, выдающимся козырькомъ—на ватѣ и шелковой подкладкѣ. Пріобрѣтенъ у глубокаго старика въ Лубнахъ. Такіе головные уборы встрѣчаются на южнорусскихъ гра-

вюрахъ XVII вѣка. Изъ предметовъ сельско народнаго происхожденія есть двѣ *запаски* тонкой вязанной шерсти съ характерными, какъ бы расплывающимися узорами (изъ лубенскаго уѣзда и кіевской губерніи), *обвиртки*—полотнища холста, аршинъ въ пять длины, съ мережкою въ полъ аршина, служившія для отдѣлки полога кровати, *намитки*. Къ предметамъ туалетнаго обихода надо отнести также *кульки*—шары зеленаго стекла и бѣлые каменные, вродѣ бильярдныхъ, употреблявшіеся для глаженья намитокъ, (ихъ катали по намиткѣ изъ стороны въ сторону, чтобъ разгладить ее) и *дукачи*. Нѣкоторые изъ дукачей, спеціально приспособленные къ своей цѣли, имѣютъ на двухъ сторонахъ рельефныя изображенія Благовѣщенія и Рождества Христова. Ихъ дарили въ старину преимущественно къ свадьбѣ. Другіе—съ изображеніями императоровъ и императрицъ, чаще всего Елисаветы, Екатерины II и Павла Петровича съ супругой, а также иностранныя монеты съ портретными изображеніями. Теперь старинные дукачи чаще всего встрѣчаются у цыганъ, гораздо чаще чѣмъ у деревенскихъ женщинъ.

Въ послѣднихъ изъ описанныхъ нами отдѣловъ историческое собраніе переходитъ въ этнографическое. Тутъ умѣстно будетъ замѣтить, какъ тѣсно связаны у насъ въ южнорусскомъ краѣ археологія съ этнографіей. Народная жизнь, во многихъ своихъ сторонахъ, на протяженіи вѣковъ, оставалась тѣмъ фономъ, на поверхности котораго проходили смѣняющіеся печальные факты южнорусской исторіи и строго очерченный кругъ земледѣльческой, сельской жизни сохранилъ въ своей консервативности многія черты старины до нашихъ дней. Къ тому же въ этомъ благороднѣйшемъ классѣ нашего народа суммировалось то, что наиболѣе выражаетъ національность и здѣсь возникали оригинальнѣйшія проявленія самобытнаго южнорусскаго генія. Вотъ почему такъ необходимо всякому историко-археологическому собранію обращаться къ этому источнику—народу, лучшему памятнику прошлой жизни. Если при собираніи предметовъ культурной старины часто нападаешь на заимствованья и подражанья (съ западно-европейскаго, польскаго и восточнаго), на предметы прямо иноземнаго происхожденія, то у народа все составляетъ его духовную собственность, все создано имъ самимъ, какъ та обстановка, среди которой онъ живетъ и пѣсня, которую онъ поетъ, хлѣбъ, которымъ онъ питается. Въ незначительныхъ, повидимому, и малоцѣнныхъ предметахъ народнаго обихода заключены частицы духовнаго его богатства, самостоятельнаго ума и вкуса.

Интересующіеся народнымъ орнаментомъ давно обратили вниманіе на *писанки*, въ которыхъ орнаментъ этотъ, въ виду ихъ торжественно-праздничнаго и полусвященнаго значенія, передается преемственно въ незыблемыхъ, архаическихъ формахъ. Въ лубенскомъ музеѣ въ прошломъ году ихъ собрано до 300 штукъ изъ уѣздовъ лубенскаго и сосѣднихъ (преимущественно), а также изъ губерній каменецъ-подольской, кіевской, черниговской и Бессарабіи, съ народными названіями рисунковъ и записью мѣстъ производства. Сдѣланы по заказу цѣлыя серіи писанокъ, представляющія цѣлый репертуаръ одной мастерицы,—до 70 штукъ (изъ села Нижній Булатецъ, близъ Лубенъ). Въ этой отрасли замѣчаются не одни явленія упадка, а и противуположныя. Для производства въ нѣкоторыхъ мѣстахъ покупаютъ въ аптекѣ анилиновыя краски, но дѣлаютъ писанки все таки старымъ, восковымъ способомъ (тѣмъ же самымъ способомъ дѣлаются, впрочемъ, и разрисованныя, малярныя писанки). Въ большинствѣ же случаевъ употребляются все же растительныя краски, добываемыя самими мастерицами. За работу въ селѣ баба беретъ—яйцо и копѣйку, на базарѣ двѣ копѣйки, по заказу музея—пять копѣекъ. Названія рисунковъ, какъ и самыя ихъ формы, чрезвычайно различны. Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ: сорококлинъ (сороклинъ, сороклыныци), клынчаста, безконечникъ (безконечна), рожа, повна рожа, сосна, сосонка, паучки, калыточки, шелудыва рожа, гвоздыка, скоропыска, сорочи лапки, гусячи лапки, кленовый лыстъ, хмелыкъ, брунькы, утячи лапки, ястребовы лапы, шулячи лапы, косыци, баранячи рогы, гребинчики, крывы пояски, заступци, зиркова (звѣздчатая), барыльце (распространенный узоръ) мытусъ—квитка (взаимно противуположная—класть *на мытусъ*—класть другъ противъ друга. Мытусъ—взаимно противуположное), кряжеви хресты, и т. п.

Изъ практики собирателей писанокъ устанавливается, что есть несомнѣнно распространенные по всему краю типы рисунковъ, но бываютъ узоры, которые мастерица комбинируетъ во время самого производства. Бываетъ также, что названіе, занесенное изъ дальней мѣстности, по памяти неправильно примѣняется къ рисунку другаго характера. Такія названія надо провѣрять путемъ сравненій.

Совершенно оригинальною попыткою въ лубенскомъ музеѣ является отдѣлъ предметовъ временъ крѣпостнаго права и помѣщичьей жизни. Мысль о формированіи подобнаго собранія теперь, когда предметовъ подобнаго рода можно найти еще легко и много, нельзя не признать счастливою, а что исторія наступила уже и для этого вре-

мени—несомнѣнно также. Въ отдѣльной витринѣ мы видимъ здѣсь: миніатюрные портреты, табакерки, медальоны съ волосами, эмалированныя коробочки для бѣлилъ и перламутровыя для румянъ, головныя шпильки съ розетками, папиросницы, вышитыя по канвѣ шелками, бисерные чубуки, кошельки и табачницы, бисерныя сумки, пѣнковыя трубки и стамбулки, коллекцію столовыхъ и карманныхъ часовъ, между которыми выдѣляется, какъ истинная рѣдкость, огромные карманные часы — луковица съ надписью «Федоръ Ковалски, Кременчугъ № 407» и съ гравированнымъ видомъ кременчугскаго арсенала на внутренней доскѣ механизма [1]). Не забытъ также и знаменитый жуковъ табакъ, представленный начатой пачкой, гусиное перо, стертое отъ употребленія и щипцы, снимавшіе съ нагоравшихъ свѣчей въ дни нашего дѣтства. Есть и характерные раритеты, вродѣ слоновой ручки на длинной деревянной палочкѣ для чесанія спины. По части нарядовъ есть также характерные образцы. Маленькіе парчевые, вышитые фольгою туфли сопровождаются слѣдующею надписью доставившаго ихъ лица: «1803 г. въ маѣ мѣсяцѣ вѣнчалась въ этихъ туфляхъ мать Петра Кириловича Барвинскаго—Ѳеодота Дмитріевна урожденная Манькова съ Кириломъ Ѳедоровичемъ Барвинскимъ, въ Лохвицѣ». Любопытны фамильные портреты переходной эпохи: Чечелей, Леонтовичей и Е. П. Скаржинской, рожденной Закревской, вышедшей 13 лѣтъ отъ роду замужъ за пятидесятилѣтняго бунчуковаго товарища, впослѣдствіи маіора, И. М. Скаржинскаго.

Но совершенно необычайною вещью представляется поражающая съ перваго взгляда акварельная картина—карта, висящая близъ этого отдѣла на стѣнѣ. Эта картина рисована въ 1824 году дѣвицей изъ богатой помѣщичьей семьи миргородскаго уѣзда Евфросиніей Ломиковской. Какой то мудрый геній внушилъ художницѣ изобразить въ своеобразной комбинаціи множество предметовъ, входившихъ въ обиходъ помѣщичьей деревенской жизни того времени. Не имѣющая художественныхъ достоинствъ, картина вышла поистинѣ историческою и совершенно переноситъ зрителя въ помѣщичью среду первой четверти XIX столѣтія.

На картинѣ изображено до 80 предметовъ, какъ бы случайно разбросанныхъ на столѣ: 1) географическая карта, 2) грифельная доска, 3) сургучъ, 4) циркуль,

---

[1]) Работа этихъ часовъ относится ко времени возвышенія Кременчуга Потемкинымъ. О подобныхъ часахъ сообщено было когда то въ изданіяхъ одесскаго общества древностей.

5) гусиное перо, 6) транспарантъ, 7—23) группа изъ 17 игральныхъ картъ, сложенныхъ крестомъ, 24) птичка, 25) конвертъ, 26) вѣточка съ двумя ягодами, 27) картина—растенія, 28) древесный листъ, 29) разрѣзной ножъ, 30) трубка стамбулка съ бисернымъ чубукомъ, 31) билетъ для входа въ Благородное собраніе на 1824 годъ 32—45) тринадцать картъ, одна изъ нихъ съ обожженымъ угломъ, другая съ заломаннымъ, 46) ноты для фортепьяно: Polonaise, 47—48) два растительныхъ листочка, 49) флейта, 50) „Вѣстникъ Европы" на 1824 г. № 9 (майская первая книжка. Рисунокъ начатъ 24 марта), 51) медальонъ съ силуэтомъ, 52) змѣя, 53) вскрытый пакетъ съ бумагой, 54) гравюра—пейзажъ, углы проклеены сургучемъ, 55) бабочка, 56) большой ключъ, 57) двустишіе съ конфетки („пріятно зрѣть тебя, пріятно и любить, пріятнѣе всего тобой любиму быть), 58) ноты для фортепьяно, 59) створка раковины, 60) висячій замокъ безъ ключа, 61) раскрашенная картинка—камни и растенія, 62) нюхательный рожокъ, 63) гравюрка, 64) уголъ вышитаго батистоваго платка, 65) свѣжій грибъ, 66) печатный адресъ одного харьковскаго магазина 67) бабочка съ раскрытыми крыльями, 68) картинка — надгробный памятникъ, 69) листъ растенія, 70) небольшіе ручные латуневые вѣсы, 71) ножницы, 72) баночка изъ подъ духовъ (надпись: Essence de Mousseline. Composé par Lagier père et fils distilateurs-parfumeurs. Rue Bourg l'Abbé № 41 à Paris), 73) цвѣтокъ вьюнка, 74) большая приходорасходная книга на 1824 годъ, 75) геометрическій инструментъ — наугольникъ, 76) вѣточка съ тремя листками, 77) картинка—урна на колонѣ, 78) № 1 „Московскихъ Вѣдомостей" на 1814 годъ. Начало манифеста Александра I, 79) картинка съ цвѣтами, изъ которой свѣшивается № 80. Свитокъ съ надписью „1824 года марта 20 дня рисовала Евфросинія Ломиковская". На исполненіе этой акварели, употреблено не менѣе двухъ мѣсяцевъ. На свиткѣ означено 24 марта, а между тѣмъ въ числѣ изображенныхъ предметовъ находится „Вѣстникъ Европы за май.

Изъ представленнаго бѣглаго очерка лубенскаго музея видно, какъ разнообразна и разумна программа его дѣятельности, намѣчается само собою и то, чего ему не достаетъ и что ждетъ его впереди. Можно пожелать ему одного: расти и множиться, а остальное приложится само собою. А задатки развитія музея видны уже какъ въ неослабной дѣятельности его основательницы, нашедшей такое благородное употребленіе своимъ денежнымъ средствамъ, такъ и въ текущихъ фактахъ жизни музея, объ одномъ изъ которыхъ мы сообщимъ въ заключеніе какъ о пріятной новинкѣ.

Благодаря счастливому совпаденію обстоятельствъ, Е. Н. Скаржинской удалось получить разрѣшеніе графа Красинскаго въ Варшавѣ на снятіе фотографической копіи съ знаменитаго гравированнаго портрета Мазепы работы Галаховскаго, единственный извѣстный экземпляръ котораго находится въ варшавской библіотекѣ Красинскихъ. Фотографу удалось сдѣлать возможнымъ снимокъ съ желтаго атласа, на которомъ напечатана гравюра, и мы видѣли уже пробный минія-

тюрный оттискъ огромной по размѣрамъ работы Галаховскаго. Такимъ образомъ единственно достовѣрный портретъ Мазепы изъятъ будетъ теперь изъ подъ спуда, а молодой лубенскій музей обогатится цѣннымъ и завиднымъ приращеніемъ. Г.

Отпустъ. 15-го іюля каждаго года всѣ почтовые тракты и проселочныя дороги, ведущіе изъ всѣхъ концовъ благословенной Подоліи въ маленькій, захудалый уѣздный городокъ Брацлавъ, прижавшійся къ живописнымъ берегамъ южнаго Буга, представляютъ любопытное и необычайное зрѣлище, особливо, если это число приходится на день субботній, по мѣстному,—шабашъ. Крестьянскій міръ, убравъ золотыя поля пшеницы, занятъ «возовицей», но ихъ «драбыняки», запряженные, обыкновенно, парой или четверкой круторогихъ «воливъ» тянутся длинной вереницей по дорогамъ, подъ флегматичныя понуканья: «собъ, собъ», «цобе», только раннимъ утромъ—порожніе, и позднимъ вечеромъ, сажени на полторы—двѣ вверхъ нагруженные перетянутыми «рублемъ» золотистыми снопами. На самой верхушкѣ возсѣдаетъ обыкновенно какая нибудь Хивря или Галя, въ «чорвоной спидныци», въ вышитой «сорочци» и «заквитчанная» синими васильками и душистой кашкой. По случаю шабаша, дорожную пыль не взбиваютъ также колеса одноконныхъ «бидокъ» и балагульскихъ фуръ, набитыхъ жидами, жидовками и жиденятами, какъ жестяная коробка сардинками. Не слышно даже звяканья бубенчиковъ на краковскихъ хомутахъ и дребезжанья «нейтычанокъ» панковъ и «поссесоровъ», веселаго звона почтовыхъ кибитокъ, съ возсѣдающими на нихъ «акцизниками».

Но не думайте, чтобы дороги были пустынны, молчаливы. Напротивъ, онѣ оживлены группами людей, смѣющихся, болтающихъ, но совершающихъ свой путь, иногда очень не близкій, обязательно per pedes apostolorum. Таковъ обычай. На «отпустъ» ѣхать нельзя, грѣхъ; Богу пріятна жертва.

Подъ зелеными сводами липовыхъ аллей, окаймляющихъ подольскіе почтовые тракты, по изумрудной муравѣ подорожника, густо покрывшаго возвышенныя панели, шествуютъ одна за другой группы пилигримовъ или скорѣе пилигримокъ, ибо первыхъ очень мало. Преобладаютъ старыя «девотки» [1]) въ темнаго или сѣраго цвѣ-

---

[1]) Ханжи.

товъ, вылинявшихъ платьяхъ и кофтахъ, въ старомодныхъ шляпкахъ «будой», подвязанныхъ подъ шеею широкими, черными лентами, съ порыжѣвшими, истрепанными отъ долголѣтняго употребленія зонтиками въ одной рукѣ, сжимающей также и толстый молитвенникъ, съ «образками» и съ вышитымъ разноцвѣтнымъ гарусомъ, также полинявшимъ, вмѣстительнымъ ридикюлемъ—въ другой. Это почти уже вымирающій типъ подольскихъ паней, во многомъ напоминающій извѣстный типъ дамъ и вдовъ въ губернскихъ городахъ. Если такая «девотка» къ тому-же въ синихъ «окулярахъ», то, ужъ навѣрное, она идетъ одна: засохшія и прокопченныя ладаномъ чувства отогнали отъ нея всѣхъ близкихъ.

Но почти каждая «девотка» окружена букетомъ живыхъ цвѣтовъ. Это граціозныя фигурки, одѣтыя въ простенькія, часто ситцевыя, платья, въ соломенныя, широкополыя шляпки и крошечныя «пантофельки».

Кое гдѣ возлѣ этихъ группъ берутъ первые уроки любви робкіе, неувѣренные юнцы въ гимназическихъ и студенческихъ мундирахъ. Пожилыхъ и старыхъ мужчинъ почти не видно, да и юнцы-то въ «отпустѣ» меньше всего ищутъ отпущенія грѣховъ, и запасаются ими, вѣроятно, въ еще бо́льшемъ числѣ.

Въ перемежку съ этими группами бредутъ тоже букеты, но уже полевыхъ цвѣтовъ: Хиври, Гапки и другія, въ пестрыхъ «спидныцяхъ», вышитыхъ «кошуляхъ» [1]), съ цѣлой аммуниціей «моныстъ» [2]), «паціорковъ» [3]) и «коралей», съ туго заплетенными косами, представляющими цѣлые цвѣтники бумажныхъ и живыхъ цвѣтовъ, разноцвѣтныхъ яркихъ бындъ [4]). Между ними есть и пожилыя, въ темно-коричневыхъ «свыткахъ», съ головами, повязанными большими «хустками», одинъ конецъ которыхъ спускается чуть не до пояса. Это все мазурки, какъ и преобладающее большинство католическаго населенія въ брацлавскомъ уѣздѣ. Между ними мужчинъ почти не видно.

Между тѣми и другими группами — общенія никакого. Много пройдетъ еще вѣковъ, много уплыветъ воды въ Бугѣ, пока пани или панна протянетъ руку «быдлу».

«Не пылитъ дорога, не дрожатъ листы», но зато солнце неумолимо, безпощадно льетъ всесожигающіе лучи, отъ которыхъ плохо

[1]) Сорочки.

[2]) Бусы.

[3]) Ленты.

[4]) Ленты.

защищаютъ даже почти непроницаемые своды аллей. По обѣимъ сторонамъ дороги за рвами и валами, её окаймляющими, безконечныя, безбрежныя поля и на нихъ «величавое войско стоговъ». Синіе лѣса на горизонтѣ насупились, изнывая отъ зноя, и точно боятся шелохнуться. На «отавѣ» черныя и бѣлыя овцы сбились въ кучу, повернувшись глупыми мордами въ середину и еще болѣе согрѣваясь дыханіемъ. Только перепела также неистово токуютъ въ полуденной нѣгѣ.

Отдыхъ. Подошли къ молодымъ порослямъ, съ краю дороги, такъ и присѣли отъ усталости. Гандзя, навьюченная, точно верблюдъ, подушками, одѣялами, всякой снѣдью, бутылками съ почти закипѣвшей водой, утопающая въ собственномъ поту, развьючивается. Для девотки,—мамы или тетки, разстилается старенькая «капа» [1]) или дырявый платокъ и тотчасъ вокругъ нея выростаютъ кольца колбасы, холодныя крутыя яйца, «пляцынды» [2]), «оборжанки» [3]), холодный «штукаменсъ» [4]) и пр. Возбужденные продолжительной и непривычной ходьбой пилигримы, не взирая на зной, спѣшатъ насытиться. Завтракъ конченъ, но усталыя ноги просятъ еще отдыха, однако пора въ путь, уже недалеко. Кавалеръ подаетъ руку спутницѣ, та, будто нехотя, подымается, и паломничество идетъ по прежнему.

«Костелъ!» возглашаетъ кто-то голосомъ, не менѣе радостнымъ чѣмъ тотъ, которымъ привѣтствовалъ одинъ изъ матросовъ Колумба туманный берегъ неизвѣстной страны.

Дѣйствительно, на голубомъ, чистомъ фонѣ неба вырисовываются и тянутся къ небу двѣ стройныя, въ готическомъ стилѣ башни, увѣнчанныя ярко сверкающими на солнцѣ крестами. Мало по малу показываются куполы трехъ церквей, бѣленькіе домики, въ большинствѣ съ черепичными кровлями, и все это утопаетъ въ зеленыхъ кущахъ садовъ и глядится, словно въ зеркало, въ кристальную поверхность Бута. Пилигримы проходятъ подгороднюю деревню Волчокъ, по улицамъ и на завалинкахъ которой виднѣются только малые ребята да древніе старцы, и плотной гурьбой вступаютъ на паромъ. Десятки рукъ тянутся къ толстой «кодолѣ» [5]), и паромъ, точно птица, разсѣкаетъ спокойную гладь бугскихъ водъ и быстро переноситъ усталыхъ путниковъ на городской берегъ.

---

[1]) Лѣтнее одѣяло.

[2]) Въ родѣ нашихъ ватрушекъ.

[3]) Баранки.

[4]) Вареное мясо.

[5]) Канатъ.

За паромомъ надо подняться на гору, тоже окаймленную аллеями. Одолѣвъ и это препятствіе, богомольцы входятъ въ кривыя пыльныя улицы Брацлава, застроенныя жалкими, выбѣленными глиною домишками и покосившимися заборами.

Тутъ стройный въ дорогѣ кортежъ, пускается въ разсыпную: меньшинство, болѣе состоятельное, направляется въ еврейскіе постоялые дворы, съ сквозными въѣздами, преобладающее-же большинство— кто въ лѣсъ, кто по дрова. Одни просятъ гостепріимства на «отпустовые» три дня у знакомыхъ, другіе находятъ пріютъ у совсѣмъ незнакомыхъ, остальнымъ постелью во все время «отпуста» служитъ для всѣхъ одинаково гостепріимная земля, а кровомъ голубой небесный сводъ.

Пока наши странники отыскиваютъ пріютъ, гдѣ Богъ послалъ, устраиваются по лагерному положенію, отмываются отъ дорожной пыли и приняряжаются къ предстоящимъ торжествамъ,—мы поговоримъ о томъ, что такое собственно «отпустъ», на который за десятки верстъ стекаются старъ и младъ.

«Отпустъ, выражаясь катехизически [1]), это есть прощеніе, то есть отпущеніе временной кары, оставшейся къ выполненію за грѣхи, отпущенные уже въ смыслѣ вины и кары вѣчной». Нѣсколько туманно, не правда-ли?

«Вина смертнаго грѣха не можетъ быть отпущена иначе, какъ только путемъ таинства исповѣди, или посредствомъ совершеннаго покаянія, соединеннаго съ желаніемъ исповѣди; грѣхъ-же обыденный, въ смыслѣ вины, даже можетъ быть заглаженъ только таинствомъ покаянія или актомъ полнаго раскаянія. Кара за смертный грѣхъ бываетъ двойная: вѣчная и временная; за обыденные прегрѣшенія слѣдуетъ только временное наказаніе. Съ отпущеніемъ вины устраняется и вѣчная кара, но не всегда и не вполнѣ прощается кара временная; поэтому, сію кару, соотвѣтственно числу и тяжести своихъ провинностей, грѣшникъ долженъ понести либо въ сей жизни, либо послѣ смерти,—въ чистилищѣ». И вотъ именно, отпустъ это есть смягченіе или совершенная отмѣна этой временной кары. Если иногда говорится, что посредствомъ отпуста достигается отпущеніе грѣховъ, то въ этомъ случаѣ слѣдуетъ всегда разумѣть отмѣну временныхъ каръ, которыя, вслѣдствіе содѣянныхъ грѣховъ, должны быть понесены.

---

[1]) Rok koscielny. Житомиръ, 1889 г.

«Отпустъ» бываетъ двоякій, полный и частичный. Полный это тотъ, путемъ котораго отпускаются всѣ временныя кары, какія слѣдовало бы еще перенести за грѣхи своей прежней жизни—такъ, что тотъ, кто бы скончался въ состояніи блаженства (łaski), по полученіи такого отпуста, прямо отправился бы въ рай. Частичный отпустъ тотъ, благодаря которому прощается большая или меньшая часть временныхъ каръ, слѣдующихъ за содѣянные грѣхи; такъ, напр., отпустъ сорока дней или семи лѣтъ и т. д. уничтожаетъ такую часть временной кары, какая-бы могла быть искуплена предъ Богомъ, посредствомъ покаянія, опредѣленнаго исповѣдникомъ, согласно первоначальныхъ постановленіямъ костела, для выполненія въ теченіе такого-же промежутка времени. Но это не значитъ, что на столько же времени сокращаются чистилищныя муки; Провидѣніемъ намъ это не открыто, стало быть Ему только вѣдома соотвѣтственная часть и мѣра нашего покаянія на семъ свѣтѣ и тамъ—въ чистилищѣ, посредствомъ которой мы можемъ удовлетворить Его справедливости.

Частичный отпустъ можетъ стать иногда полнымъ, если, удостоивающійся его, нуждался только въ такомъ покаяніи для совершеннаго оправданія предъ Божьей справедливостью за свои грѣхи. Полный отпустъ можетъ превратиться только въ частичный, если, за недостаткомъ съ нашей стороны надлежащаго настроенія, мы не можемъ получить его во всемъ объемѣ. Вслѣдствіе сего, надо стараться о сколь возможно болѣе частомъ полученіи отпустовъ, какъ полныхъ, такъ и частичныхъ, и даже въ одинъ день можно получить нѣсколько отпустовъ, если въ точности будутъ выполнены дѣйствія, указанныя какъ необходимое условіе для полученія каждаго изъ нихъ. Но, въ случаѣ, ежели кто удостоился для себя въ полномъ объемѣ совершеннаго отпуста, то прочіе въ тотъ же день полученные отпусты могутъ уже быть для него ненужными; посему онъ долженъ ихъ пожертвовать на пользу другихъ или ради душъ, сущихъ въ чистилищѣ.

Отпусты, какъ полные, такъ и частичные, бываютъ *мѣстные*, или *предметные*, или *личные*. Мѣстный отпустъ есть тотъ, который связанъ съ извѣстнымъ мѣстомъ, какъ напр., костеломъ, часовней, алтаремъ и т. д.; удостоиться его могутъ лишь тѣ, которые такія мѣста посѣщаютъ и тамъ молятся, согласно указанной формѣ. Предметнымъ отпустъ называется тогда, когда онъ имѣетъ связь съ извѣстными движимыми предметами, употребляемыми при богослуженіи, каковы: крестики, медальки, четки, «кочонки», ладонки и т. д.;

участниками такого отпуста могутъ быть лишь тѣ, которые эти освященные предметы съ благоговѣніемъ у себя сохраняютъ. Личнымъ отпустомъ называется тотъ, который дается одному или многимъ лицамъ, какъ, напр., принадлежащимъ къ какимъ-либо религіознымъ братствамъ и обществамъ; поэтому, лица эти могутъ получать его, выполняя указанныя условія вездѣ, гдѣ находятся, не зависимо отъ опредѣленнаго мѣста или предмета.

«Обычныя условія, назначаемыя для полученія отпуста, слѣдующія: 1) надо имѣть намѣреніе и желаніе полученія отпуста для себя или для душъ, обрѣтающихся въ чистилищѣ, если разрѣшено жертвовать его за усопшихъ. 2) Должно быть въ состояніи блаженства (łaski), ибо отпуста можетъ удостоиться лишь тотъ, кто соединился съ Богомъ, посредствомъ искренняго обращенія и таинства покаянія. 3) Необходимо тщательно выполнить всѣ дѣйствія, указанныя дающимъ отпустъ».

Прошу прощенія у любезныхъ читателей за эту нѣсколько длинноватую экскурсію въ область богословія. Во всякомъ случаѣ, эти комментаріи даютъ намъ ключъ къ уразумѣнію того громаднаго значенія, какое имѣютъ отпусты для католическаго міра. Это почти тѣ-же индульгенціи, при помощи которыхъ можно сократить пребываніе въ чистилищѣ и скорѣе пройти въ райскія врата, отворяемыя, по вѣрованіямъ католиковъ, св. апостоломъ Петромъ.

Въ Брацлавѣ «отпустъ» полный для покупающихъ освященные «szkaplerzy»[1]) и частичный (сто дней за каждый день отпуста) для непокупающихъ таковыхъ. По характеру своему онъ считается мѣстныхъ.

Къ вечеру населеніе Брацлава, по крайней мѣрѣ, удваивается. Въ 7 часовъ маленькій, звонкій колокольчикъ на церковныхъ воротахъ начинаетъ торопко «сыгновать», и на этотъ призывъ спѣшатъ разряженныя толпы пришельцевъ и аборигеновъ. Брацлавъ неузнаваемъ, до того онъ становится многолюднымъ, оживленнымъ, ликующимъ. Небольшая площадь передъ костеломъ, застроенная убогими, покосившимися, крытыми черепицей еврейскими лачугами, уже переполнена сынами Израиля, пожираемыми любопытствомъ, но не дерзающими переступить порогъ храма Господа, Который Самъ воплотился въ ихъ средѣ, и Который заповѣдалъ, что въ церкви его «нѣсть эллинъ, іудей, рабъ и свободь, но всяческая и во всѣхъ Христосъ». Подъ защитой высокой, каменной ограды костела разбиты уже

[1]) Ладонка.

на скорую руку, крытыя полотномъ палатки и открытые лотки. На нихъ идетъ бойкая торговля дешевыми молитвенниками, крестиками, медальками, «шкаплержами», коронками, четками и пр. предметами религіознаго обожанія. Тутъ же можно купить дешевыя кольца, дѣтскія трубы, дудочки; спеціально отпустное—это выдѣланныя изъ желтаго воска руки, ноги и другія части человѣческая тѣла, жертвуемыя къ иконамъ тѣми, которые недугуютъ однимъ изъ этихъ членовъ.

Всегда чистый костельный дворъ на этотъ разъ точно вымощенъ: ни пылинки, ни соринки. Отъ массивныхъ воротъ къ костелу ведетъ аллея стройныхъ, хорошо культивируемыхъ ёлокъ. Вдоль всей ограды также посажены липы, каштаны, бѣлыя акаціи, туи, молодые клены и другіе представители мѣстной флоры. Широкія дорожки выложены щебнемъ и пескомъ, плотно и ровно укатаннымъ. На обширной площади двора размѣстились, во всевозможныхъ позахъ и положеніяхъ, группы богомольцевъ, въ ожиданіи начала «нешпоръ» [1]).

Взоры большинства, особенно прибывшихъ, устремлены на въ высшей степени изящное, рисующееся стройными бѣлыми силуэтами, зданіе костела, недавно оконченнаго и освященнаго. Строго-выдержанный en gras готическій стиль храма нѣсколько нарушается только окнами renaissance'а съ верхними полукружіями. Двѣ высо́кія, изящныя башни, увѣнчанныя золотыми, рѣзными крестами, съ шпицами по четыремъ угламъ точно тянутся къ небу и плаваютъ въ лазоревомъ морѣ. Между основаніями башенъ, на дугообразномъ постаментѣ прекрасно выполненная статуя Богоматери съ Предвѣчнымъ Младенцемъ на рукахъ. По сторонамъ, а также внизу, въ нишахъ, величавыя, аскетическія фигуры апостоловъ и ближайшихъ учениковъ Христа. На костельную паперть ведетъ широкая, во весь фасадъ, каменная лѣстница.

Изъ раскрытыхъ настежь высокихъ черныхъ дверей костела доносятся на дворъ тяжелой волною торжественные, гудящіе звуки орга̀на. Размѣстившіеся по двору богомольцы торопливо направляются въ костелъ, чтобы стать поближе къ алтарю или амвону, либо, особенно прекрасный полъ, занять мѣста на скамейкахъ.

Внутренность костела чрезвычайно эффектна. Высокіе своды напоминаютъ римскія базилики. Потолкомъ для средняго корабля слу-

---

[1]) Вечерня.

житъ звѣздное небо, на которомъ витаетъ Пресвятая Дѣва, окруженная сонмомъ славословящихъ ангеловъ. Красноватое зарево безчисленныхъ восковыхъ свѣчей, въ спускающихся съ высокаго потолка серебряныхъ паникадилахъ, борется съ потухающими лучами заходящаго солнца, играющими по стѣнамъ и сводамъ храма, отливая сквозь цвѣтныя стекла оконъ, всѣми цвѣтами радуги. Главный алтарь утопаетъ въ таинственномъ полумракѣ, въ которомъ ярко блестятъ только золоченныя слова на алтарной аркѣ: «Sancta Maria ora pro nobis» и мерцаетъ блѣдный свѣтъ лампады передъ чудотворной иконой Богоматери. Высокія, темныя колонны съ золоченными дорическими капителями поддерживаютъ арки, въ глубинѣ которыхъ вырисовываются темные силуэты Христовыхъ учениковъ и святыхъ католической церкви. Алтарь сверкаетъ серебромъ и золотомъ священныхъ сосудовъ. На ступеняхъ, ведущихъ къ нему, колѣнопреклоненная, въ бѣломъ, вышитомъ серебромъ одѣяніи фигура ксендза съ выбритой макушкой, а по сторонамъ два мальчика, также въ бѣлыхъ рубашкахъ. Съ хоръ, расположенныхъ vis-à-vis алтаря, подъ самымъ куполомъ, льются величавые звуки органа, на верху котораго надъ цѣлой сложной системой металлическихъ трубъ точно парятъ два ангела, гласящихъ хвалу Всевышнему посредствомъ поднятыхъ къ небу трубъ. Молящіеся преклонили колѣна и поникли главами, многіе пали ницъ.

Подъ конецъ богослуженія выстраивается процессія. Впереди деревенскія дѣвушки, въ праздничныхъ нарядахъ, въ «кораляхъ», «монястахъ» «квиткахъ» и «бындахъ», несутъ, по четыре, двѣ иконы; за ними, въ предшествіи «хозяинъ» въ новыхъ свитахъ, несущихъ зажженные дикиріи и трикиріи, слѣдуетъ, подъ высокимъ краснаго бархата балдахиномъ, ксендзъ, поддерживаемый подъ руки двумя сановитыми мазурами; въ рукахъ его, въ серебряномъ высокомъ ларцѣ «monstrancia»; по бокамъ два клирика, съ выбритыми на темени пятачками, а за ними хоръ пѣвчихъ. Съ обѣихъ сторонъ шествіе замыкаютъ разноцвѣтныя хоругви. Столпившійся на костельномъ дворѣ, народъ благоговѣйно преклоняетъ колѣна; въ воздухѣ носится ароматъ кадильницъ. Процессія медленно, съ подобающею торжественностью обходитъ одинъ разъ вокругъ костела и возвращается въ храмъ, привѣтствуемая подавленнымъ громомъ органа.

Подъ тѣже могучіе, расплывающіеся подъ сумрачными сводами храма, звуки начинается всенародное пѣніе. Изъ тысячи грудей единогласно, единодушно несется въ небеса хвала Всеблагому.

Солнце уже давно погрузилось въ невидимую глубь, съ противоположной стороны горизонта поднялся меланхолическій мѣсяцъ и залилъ кроткимъ свѣтомъ очарованную землю. На небѣ зажглись рѣдкія звѣзды.

Храмъ опустѣлъ, богомольцы, нашедшіе пріютъ въ городѣ, разбрелись по домамъ; прочіе расположились на костельномъ дворѣ, освѣщаемомъ фонарями, подъ сѣнью каштановъ и липъ. Въ четырехъ углахъ, образуемыхъ каменной оградой, у подножія кіотовъ, лежатъ ницъ темныя фигуры, и только слышны ихъ подавленныя рыданья и покаянные удары въ грудь, и земля покрывается горькой росой отъ ихъ плача. Вотъ раздается въ ночномъ безмолвіи медлительная, истовая рѣчь, тамъ вы увидите маститаго старца, повѣствующаго чутко внимающей молодежи, про старыя добрыя времена, про королеву Бону, замокъ которой будто-бы высился на недальней надбугской скалѣ, утопающей въ лунномъ сіяньи, про набѣги Богуна и «крымцевъ» Тугай-бея, про турецкую неволю, про вельможныхъ пановъ—старостъ Киселя, Козловскаго и др.

На другой день, также на серебристые, монотонные звуки «сыгнованья», къ костельнымъ вратамъ стекаются несмѣтныя толпы богомольцевъ. Но насколько вчера еще сборище было демократично, настолько сегодня бросается въ глаза обиліе «панства». Кареты новѣйшаго фасона, кочъ-кареты, въ которыхъ подольская шляхта съѣзжалась еще на барскую конфедерацію, брички, «нейтычанки», шарабаны и всякія другія орудія передвиженія бойко подкатываютъ къ подъѣзду, высаживаютъ пановъ и панъ разныхъ возрастовъ и «заможности» [1]) и выстраиваются затѣмъ длинной вереницей возлѣ ограды.

Въ костелѣ тремя ксендзами отправляется торжественнѣйшая suma [2]). Капуцинъ съ предлинной, сѣдоватой бородою, напоминающій фигурой и одѣяніемъ древне—египетскаго жреца, говоритъ «kazanie» [3]) и говоритъ красно, въ чисто католическимъ стилѣ.

Слѣдующіе два дня—повтореніе перваго: утромъ «suma», вечеромъ «nieszpory»; но на третій, послѣдній день, во время вечерняго богослуженія торжественность и благолѣпіе достигаютъ своего апогея. Нѣсколько ксендзовъ, въ лучшихъ своихъ облаченіяхъ, другъ передъ другомъ щеголяютъ изяществомъ и сановитостью манеръ, звучностью

---

[1]) Литургія.

[2]) Зажиточности.

[3]) Проповѣдь.

и силой голосовыхъ средствъ. Молящіеся, отбывшіе уже исповѣдь— обязательный «отпустовый» актъ, удостоившись принятія Св. Даровъ и, главное, въ блаженномъ сознаніи того, что срокъ ихъ пребыванія въ чистилищѣ сократился на цѣлыхъ триста дней, — настроены особенно религіозно и лучезарно. Составляется снова процессія, куда величественнѣе, импозантнѣе описанной выше. Всѣ колокола надрываются въ общемъ стремленіи заглушить другъ друга, подъ величественный аккомпаниментъ хора изъ нѣсколькихъ тысячъ мужскихъ и женскихъ голосовъ. За костельной оградой, у воротъ, гдѣ разбили свои палатки торговцы, разыгрывается дикій концертъ: сотни мальчишекъ, накупивъ всякой всячины, трубятъ, пищатъ, свистятъ, играютъ на губныхъ гармоникахъ, звенятъ въ колокольчики и погремушки, а тѣ, у которыхъ не оказалось пятачка въ карманѣ, пускаютъ въ дѣло собственныя глотки и губы. «Отпустъ» конченъ. Народъ подходитъ цѣловать крестъ, получаетъ благословеніе отъ священнослужителей, и костельный дворъ, освѣщенный фонарями, опустѣваетъ до будущаго «отпуста».

Пилигримы расходятся, весело болтая, и вспоминая событія только что истекшихъ трехъ дней. Всѣ находятъ «отпустъ» настоящаго года весьма удачнымъ.

— Bardzo przyjemnie i slicznie było [1]). Кому недалеко до дома, тотъ отправляется въ дорогу немедленно, не взирая на наступленіе ночи, остальные откладываютъ путь до завтра и проводятъ послѣднюю ночь въ Брацлавѣ.

На другой день къ полудню Брацлавъ, послѣ трехдневнаго многолюдства и оживленія, кажется точно вымершимъ. По прежнему на улицахъ не встрѣтите живой души, кромѣ флегматично пережевывающихъ жвачку коровъ, эпикурейски хрюкающихъ въ лужахъ свиней, да мечтательно бродящихъ козъ. **А. Любичъ.**

Транспортъ вещей Петра I, арестованный на Волыни въ 1701 г. Осенью 1701 г. проѣзжалъ черезъ Волынь возвращавшійся изъ Вѣны царскій посланникъ, стольникъ Лука Хитрово. Ѣхалъ онъ съ немалымъ обозомъ, въ сопровожденіи свиты и небольшаго конвоя. Прибывъ къ Луцку, онъ почему-то миновалъ этотъ городъ и переправился черезъ р. Стыръ въ нѣсколькихъ верстахъ ниже, въ с. Милушахъ.

---

[1]) Очень пріятно и прекрасно было.

Узнали объ этомъ таможенные надсмотрщики и подняли тревогу. Дѣло въ томъ, что въ Луцкѣ, какъ и во многихъ другихъ городахъ, расположенныхъ на торговыхъ трактахъ, издревле существовала таможня, или такъ называемая «мытная комора», гдѣ взыскивались съ провозимыхъ товаровъ казенныя пошлины, и такъ какъ купцы, уклоняясь отъ платежа этихъ пошлинъ, старались объѣзжать проселочными дорогами тѣ пункты, гдѣ находились мытныя коморы, то сборщикамъ строго предписывалось закономъ имѣть неослабное наблюденіе, подъ угрозою взысканія ста гривенъ штрафу за «недбалость», чтобы подобные объѣзды не практиковались, въ противномъ случаѣ имъ предоставлялось право, при содѣйствіи мѣстнаго старосты, задерживать ослушныхъ купцовъ и конфисковать ихъ товары, причемъ двѣ трети стоимости конфискованныхъ предметовъ поступали въ казну, а остальная часть составляла вознагражденіе надсмотрщикамъ, открывшимъ злоупотребленіе. Вотъ почему п. Николай Богдановичъ, писарь и суперъ-интендентъ луцкой мытной коморы, былъ очень встревоженъ, когда объѣздчики донесли ему, что какіе-то московскіе люди съ немалымъ обозомъ проѣхали черезъ с. Милуши, миновавъ Луцкъ: заподозривъ въ нихъ купцовъ, уклоняющихся отъ платежа пошлинъ, онъ тотчасъ отправилъ за ними въ погоню своихъ стражниковъ съ приказаніемъ связать ослушниковъ и доставить въ Луцкъ. Но посланные не догнали проѣхавшихъ или, быть можетъ, узнавъ, кто были они, не осмѣлились задержать царскаго посланника и его свиту.

Между тѣмъ, слѣдомъ за Хитрово шелъ другой русскій обозъ подъ начальствомъ п. Михайла Сусло-Стародубца, царскаго дворянина, прикомандированнаго къ свитѣ варшавскаго резидента князя Григорія Ѳедоровича Долгорукаго. Ему было поручено доставить въ Москву транспортъ вещей, пріобрѣтенныхъ заграницей лично для царя; въ числѣ ихъ были: книги, купленныя въ нѣмецкихъ земляхъ для царской библіотеки, съ полсотни шпагъ, нѣсколько кусковъ различныхъ матерій для костюмовъ и другія домашнія вещи. Слѣдуя тою же дорогою, Стародубецъ, спустя нѣсколько дней послѣ проѣзда царскаго посланника, прибылъ 24 ноября къ Луцку, и такъ же миновавъ его, переправился въ с. Милушахъ. Здѣсь онъ обогналъ свой обозъ и отправился въ м. Олыку, вѣроятно, съ тою цѣлью, чтобы приготовить здѣсь помѣщеніе для отдыха себѣ и своей командѣ. Въ это самое время на обозъ налетѣли луцкіе таможенные надсмотрщики во главѣ съ п. Богдановичемъ, который, не слушая никакихъ заявленій со стороны людей, находившихся при подводахъ, приказалъ здѣсь же,

подъ дождемъ, вскрыть тюки, разбросалъ по грязи находившіеся въ нихъ вещи и арестовалъ обозъ. Узнавъ о случившемся, Стародубецъ послалъ для предъявленія Богдановичу паспорты, выданные самимъ королемъ и высшими коронными чинами; но тотъ оскорбилъ посланнаго бранью, отнялъ у него лошадь и удержалъ паспорты. Тогда Стародубецъ отправился къ нему лично, но Богдановичъ и его встрѣтилъ бранью, грозилъ заковать въ кандалы, отказался возвратить паспорты и дать пропускъ для дальнѣйшаго слѣдованія. Болѣе двухъ мѣсяцевъ продолжалась эта самоуправная задержка царскаго обоза; никакіе протесты и представленія Стародубца, ни даже ходатайства за него со стороны польскихъ сенаторовъ не имѣли успѣха до тѣхъ поръ, пока упрямый писарь не получилъ взятки въ 5 талеровъ, причемъ Стародубецъ, вѣроятно, издержавшій во время этого плѣна всѣ бывшія при немъ наличныя деньги, принужденъ былъ выдать ему вексель на эту сумму. Получивъ свободу, онъ хотѣлъ было занести жалобу на Богдановича; но намѣстникъ луцкаго старосты Петръ Шкуратовскій, очевидно, пріятель таможеннаго писаря, отказался принять ее. Тогда Стародубецъ вынужденъ былъ отправиться въ ближайшій повѣтовый г. Владиміръ-Волынскій и внесъ въ тамошнія гродскія книги нижеслѣдующую «протестацію», которая приводится нами въ дословномъ переводѣ съ польскаго языка.

1702 года, мѣсяца февраля 11 дня.

Во время сессіи владимірскаго гродскаго суда, начавшейся со втораго числа мѣсяца и года выше помѣченныхъ на актѣ, и послѣ открытія присутствія суда въ означенный срокъ, явился лично предо мною Яномъ Войнаровскимъ, судьею земскимъ кіевскимъ и подстаростой гродскимъ владимірскимъ, а также предъ книгами гродскими старостинскими, — его милость панъ *Михаилъ Сусло-Стародубецъ*, дворянинъ его величества московскаго царя Петра Алексѣевича, прикомандированный къ свитѣ резидента его царскаго величества, состоящаго въ Варшавѣ при королѣ его милости, сіятельнаго князя Григорія Ѳедоровича Долгорукаго, и занесъ жалобу на благороднаго его милость пана Петра Шкуратовскаго, намѣстника луцкаго бургграбства, о томъ, что его милость, по причинѣ, жалобщику невѣдомой, но тѣмъ не менѣе въ ущербъ его интересамъ, отказалъ въ принятіи ниже помѣщенной жалобы въ гродскія луцкія книги, несмотря на усиленныя просьбы жалобщика. Затѣмъ онъ слезно жаловался и протестовалъ противъ его милости пана Николая Богдановича, писар

или начальника королевской таможни въ г. Луцкѣ, назначеннаго для отбиранія пошлинъ въ казну Рѣчи Посполитой, о томъ, что вышеупомянутый панъ Богдановичъ, поступая въ противность тѣсному союзу, заключенному между великимъ княжествомъ литовскимъ и державою его милости царя московскаго и свято сохраняемому обѣими сторонами, по которому обезпеченъ свободный проѣздъ всѣмъ лицамъ, кои исполняютъ или исполняли должность посланника или дипломатическаго резидента, освѣдомившись о томъ, что высокоблагородный его милость Лука Софроновичъ Хитрый (Хитрово?), стольникъ и посланникъ царя его милости московскаго, возвращается изъ Вѣны отъ его милости цесаря христіанскаго и направляется къ его милости царю московскому, снабженный царскими и королевскими листами, а также надлежащими паспортами и конвоемъ, и что онъ уже прошлаго 1701 года, ноября въ 17 день переправился чрезъ рѣку Стырь въ селѣ Милушахъ, въ окрестности Луцка,—отправилъ въ погоню за вышеозначеннымъ господиномъ посланникомъ свою команду, приказавъ ей связать посланника и доставить въ Луцкъ. Но такъ какъ отправленные стражники не могли догнать господина посланника или, что вѣроятнѣе, не осмѣлились нанести насилія человѣку знатному, невинному и представлявшему лицо своего монарха, обладая болѣе разсудительнымъ умомъ, чѣмъ ихъ начальникъ, то они обратили всю свою злобу на жалобщика, пана Сусла-Стародубца, слѣдовавшаго позади за господиномъ посланникомъ. И такъ, когда онъ, панъ Сусло-Стародубецъ, въ томъ же 1701 г., мѣсяца ноября 24 дня, переправился чрезъ рѣку Стыръ и самъ, отправившись впереди обоза, поѣхалъ въ г. Олыку, отвѣтчикъ напалъ на обозъ истца, подъ дождемъ и во время ужасной слякоти приказалъ вскрыть всѣ тюки, въ которыхъ вовсе не было товаровъ, а только находились: книги, пріобрѣтенныя въ нѣмецкихъ земляхъ для библіотеки царя его милости, сорокъ съ лишнимъ шагъ и нѣсколько кусковъ различныхъ матерій, отрѣзанныхъ для пошитья одежды. Вскрытые тюки и находившіяся въ нихъ вещи онъ разбросалъ подъ дождемъ въ грязи, отчего книги, бывшія безъ переплета, промокли и испортились. Узнавши о случившемся, истецъ отправилъ въ Луцкъ къ его милости пану Богдановичу слугу своего Ивана Добрынина, поручивъ ему предъявить паспорты, милостиво выданные его королевскою милостью, царемъ его милостью московскимъ и главными министрами польской короны, а также заявить, что онъ, Стародубецъ, не купецъ, никакой торговли не ведетъ и товаровъ не перевозитъ. Но отвѣтчикъ его

милость панъ Богдановичъ вышеупомянутаго Ивана Добрынина, слугу истца, обезчестивъ невыразимо бранными словами, самыми скверными, хотѣлъ его бить, отнялъ у него коня, стоившаго 30 битыхъ талеровъ, отобралъ паспорты, удержалъ ихъ у себя и возвратить понынѣ не хочетъ, посылалъ погоню въ поле за упомянутымъ слугою, отправившимся пѣшкомъ до Олыки, и Богъ знаетъ, что онъ съ нимъ намѣренъ былъ сдѣлать въ случаѣ, еслибы его догнали; возы же и вещи истца онъ удержалъ въ Олыкѣ подъ арестомъ. Наконецъ, когда истецъ явился самъ въ Луцкъ 27 ноября и, съ должнымъ почтеніемъ къ отвѣтчику, предъявилъ ему тѣ же объясненія, какія посылалъ прежде чрезъ слугу, что онъ не купецъ, что онъ изъ Варшавы отъ царскаго резидента ѣдетъ, никакихъ товаровъ, кромѣ книгъ лично для царя его милости купленныхъ и другихъ домашнихъ вещей, къ разряду товаровъ не относящихся, не везетъ съ собою, что онъ имѣетъ надлежащія паспорты, взятые имъ раньше, тогда отвѣтчикъ его милость панъ Богдановичъ и самого истца такими же неприличными словами, какъ и его слугу, бранилъ, срамилъ и поносилъ, грозилъ его связать и заковать въ кандалы, паспорты возвратить отказался и какъ хотѣлъ безчестилъ, коня загребленнаго на глазахъ истца жестоко билъ обухомъ, калѣчилъ, морилъ голодомъ, въ теченіе двухъ недѣль не давалъ ему ни ѣсть, ни пить, и чинилъ разныя другія притѣсненія, не взирая на ходатайства за истца со стороны нѣкоторыхъ сенаторовъ, урядниковъ коронныхъ и другихъ знатныхъ лицъ, и до тѣхъ поръ упорно удерживалъ коня и паспорты, пока не вынудилъ, или точнѣе сказать, вымучилъ отъ жалобщика вексель на 5 талеровъ битыхъ, помимо того, что послѣдній потерпѣлъ убытокъ на 50 талеровъ. Вексель этотъ онъ, п. Сусло-Стародубецъ признаетъ не дѣйствительнымъ, какъ исторгнутый насиліемъ, и заявляетъ, что все, приключившееся съ нимъ, произошло и происходитъ вопреки закону, справедливости и праву международному, и намѣреваясь довести до свѣдѣнія короля его милости о постигшей его напасти и тяжкой обидѣ, соединенной притомъ съ немалыми убытками и потерей дорогаго времени для отправленія въ дальнѣйшій путь, просилъ меня, урядъ, о принятіи настоящей его жалобы; что и было мною исполнено.

Книга гродская владимірская 1702—1706 г., № 1078, листъ 12.

Сообщилъ **О. И. Левицкій.**

Къ литературной исторіи разсказа «Вусы». Еще Гоголь въ «Вечерахъ на хуторѣ близь Диканьки» намекнулъ въ шутливомъ тонѣ, что Ѳома Григорьевичъ, дьячекъ диканьской церкви «умѣлъ исторіи отпускать». Вымышленное или дѣйствительное лицо былъ Ѳома Григорьевичъ, ни самъ Гоголь, ни его біографы не выяснили; но что разсказы Гоголя по замыслу фабулы и по детальной орнаментовкѣ фактовъ были взяты имъ прямо изъ устъ другихъ разсказчиковъ—сомнѣваться въ этомъ едва ли основательно. Разсказчиковъ въ родѣ Ѳомы Григорьевича въ ту пору, когда жилъ Гоголь, въ каждомъ уголкѣ Малороссіи между панами и козаками можно было встрѣтить не мало; есть они и теперь, хотя ихъ уже и меньше, чѣмъ въ старину, да и темы ихъ «бе́сед» уже, понятно, не тѣ... Разсказы ихъ тогда циркулировали въ той средѣ, которая ихъ окружала. Въ пору господства псевдоклассицизма и романтизма въ печать эти разсказы не попадали.

Съ легкой руки Гоголя, беллетристы, его послѣдователи, стали черпать «изъ народной мовы» все, болѣе или менѣе выдающееся, если случай тому благопріятствовалъ. Эта черта заимствованія присуща не однимъ только беллетристамъ, описывавшимъ бытъ и жизнь Малороссіи; лучшіе бытописатели всѣхъ странъ и народовъ всегда вливали воду живу въ свои произведенія изъ того источника, который носилъ имя живой дѣйствительности. Въ какой мѣрѣ въ такихъ произведеніяхъ беллетристики проявляется личное творчество авторовъ—это вопросъ, какъ извѣстно, мало еще разработанный, такъ какъ интересъ къ нему въ печати возбудился только въ сравнительно недавнее время.

Примѣнительно къ разсказу «Вусы» мы не беремъ на себя труда разъяснить, по скольку онъ *сочиненіе* Олексы Стороженка, въ въ какой мѣрѣ и что именно у него взято, такъ сказать, съ натуры, списано съ чужихъ словъ. Самъ авторъ печатныхъ «Вусовъ» дѣлаетъ только отдаленные намеки на настоящаго ихъ творца, упоминая, что это случилось *съ опошнянскимъ брехуномъ, мастеромъ солить сливы* и т. п. По этимъ, какъ бы случайно, къ слову вклееннымъ въ разсказъ намекамъ о настоящемъ хозяинѣ «Вусовъ», т. е. сочинителѣ разсказа, читатель, незнакомый съ опошнянскими палестинами, могъ развѣ лишь догадываться, да и то смутно. Кто знаетъ покойнаго Животовскаго, тѣ, прочитавши «Вусы», сразу скажутъ «та се, якъ есть ёго побреxенька». Такъ, я помню, и говорили въ тѣ годы, когда «Вусы» были еще новинкой, въ Куземинѣ и въ Ко-

тельвѣ, по соседству съ Опошней, а въ Опошнѣ, понятно, говорили еще больше. Какъ отнесся самъ Животовскій къ появленію въ печати разсказа «Вусы», мнѣ не извѣстно. Я помню только, что когда зашла о нихъ рѣчь въ Котельвѣ, въ домѣ Михаила Тимоѳеевича Матушинскаго, хозяйка дома, Валентина Романовна много разсказывала о Животовскомъ своему сыну Аполлону Михайловичу, автору статьи о Торвальдсенѣ, и мнѣ, ихъ гостю. Къ сожалѣнію, слышаннаго отъ нея я не записалъ въ свое время. Годы и обстоятельства вывѣтрили изъ памяти многое изъ того, что я отъ нея слышалъ; остались обрывки, клочки описанныхъ Валентиной Романовной сценъ и событій съ Животовскимъ.—Передаю, какъ могу то, что память пока сохранила.

Животовскій слылъ въ своемъ околоткѣ за любителя панскихъ гулянокъ и бенкетовъ. Человѣкъ даровитый и бывалый, онъ, самъ мелкій панокъ, всегда держался наравнѣ съ важными панами; потѣшая ихъ своей юмористикой, онъ однако же далекъ былъ отъ обычной въ тѣ годы роли шута: ему какъ другимъ, ни носа спичкой не прижигали, ни на лбу трубки не выколачивали; за подарки, которые тогда были въ обычаѣ, онъ отдаривался «лагомынками» собственнаго издѣлія—пастилой, наливкой, солеными сливами, особенно солеными сливами. Эта ласощь была его конькомъ, а въ случаѣ невзгодъ и громоотводомъ... Кромѣ «Вусовъ», гдѣ вся соль разсказа направлена на его собственную персону, у него, по свидѣтельству Валентины Романовны, было многое множество другихъ сюжетовъ, касавшихся лицъ разныхъ общественныхъ положеній. По праву поэта, онъ, случалось, живописалъ въ глаза тѣхъ, о комъ шла рѣчь. Бывали случаи, что за это на его долю выпадали болѣе или менѣе чувствительныя непріятности, и чуть ли не самое худшее отказъ отъ дома. Тутъ Животовскому приходилось руки, какъ говорится, по швамъ и вмѣсто шутки упражняться въ вертѣніи по-лисьи хвостомъ, заискивая у обидившихся. Сливы его превосходной солки, по словамъ Валентины Романовны, всегда его выручали изъ подобныхъ затрудненій... Къ 60-мъ годамъ, когда старосвѣтчина, бившая раньше ключемъ, стала сочиться едва замѣтными ручейками, Животовскій какъ-то стушевался. Онъ, и прежде любившій зеленое поле—обычную арену активной дѣятельности деревенскихъ пановъ,—большею частію проживалъ въ гостинницахъ Полтавы, въ качествѣ артиста штоса... Посѣщалъ также и другіе окольные города. У одного изъ жителей г. Валокъ мнѣ привелось видѣть портретъ Животов-

скаго, снятый уже въ годы послѣ реформы. Худощавый, въ военныхъ усахъ, хотя и въ штатскомъ платьѣ, онъ на портретѣ производитъ впечатлѣніе скорѣе трагика, чѣмъ комика; только глаза, хитрые и смѣющіеся, свидѣтельствуютъ о скрытомъ внутри, подавленномъ годами и житейскими обстоятельствами жартѣ.

Что Животовскій авторъ сюжета «Вусовъ», объ этомъ мнѣ приходилось слышать не отъ одной Матушинской. «Се его побрехенька» въ 60 и въ 70 годахъ, многіе говорили, какъ я уже сказалъ, и въ Опошнѣ, и въ Куземинѣ, и въ Будищахъ, и въ Зѣньковѣ. Когда я своимъ домашнимъ какъ то читалъ «Вусы», матушка моя припомнила, что точно такой же разсказъ, она въ 1846 году слышала въ Будахъ, въ домѣ своего отца, Петра Михайловича Кузьмича отъ самого Животовскаго, который тогда пріѣзжалъ къ нимъ въ гости вмѣстѣ съ опошнянскимъ же помѣщикомъ Пороховникомъ на бенкетъ, данный въ честь прибывшаго въ гости изъ Петербурга ея брата Александра Петровича Кузьмича, автора повѣстей «Зиновій—Богданъ Хмельницкій» и «Козаки». «Животовскій и Трипольскій, Николай Васильевичъ, такіе были», говорила матушка, «разсказчики, что иная и книга передъ ними спасуетъ".

Ни одинъ изъ разсказовъ Николая Васильевича Трипольскаго не попалъ въ печать. Насколько объ этомъ слѣдуетъ пожалѣть, можно судить по тому, что Николай Васильевичъ, по выходѣ изъ харьковскаго университета до самой смерти былъ центромъ, такъ сказать, общественной жизни въ веселыхъ тогда палестинахъ Куземина. Гдѣ бывалъ онъ, тамъ свадьбы, бенкетъ, крестины, даже поминовенія покойниковъ были ареной неудержимаго смѣха, смѣха до упаду, до обморока. Онъ какъ бы носилъ съ собою панораму общежитія своего уголка, то и дѣло мѣнявшую на своемъ фонѣ типы, картины, событія. Не было семьи, лица, въ его родномъ уголкѣ, которыя не появлялись бы въ его панорамѣ, освѣщенные его задористымъ, глубоко вѣрнымъ правдѣ юморомъ. Онъ никого не «цирклювавъ», не осмѣивалъ, а лишь живописалъ, заставлялъ каждаго жить въ своемъ разсказѣ такъ, какъ онъ жилъ въ дѣйствительности, безъ прикрасъ и безъ затѣненія существенныхъ чертъ, положительныхъ и отрицательныхъ. Достаточно сказать, что его, стараго холостяка, всѣ любили, несмотря на то, что онъ всякому умѣлъ дать кличку, всѣхъ и каждаго выводилъ на свѣжую воду. Его собственная оригинальность была поводомъ къ нескончаемому смѣху при бесѣдахъ пановъ. Разъ, возлѣ флигеля, въ которомъ онъ жилъ,

загорѣлась кухня. Были сумерки, а Николай Васильевичъ любилъ вечеркомъ посумерничать, сидя съ трубкой у окна и наблюдая за тѣмъ, что дѣлалось во дворѣ, по хозяйству у брата, жившаго въ горницахъ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ флигеля. Горитъ кухня, а у Николая Васильевича, какъ на зло погасла трубка.

— Булванъ, булванъ! кричитъ онъ своему комнатному слугѣ: подай огню на трубку!

«Булванъ» спросонку вынулъ изъ печки потухшій уголекъ и, увидѣвши пожаръ, бросилъ его на полъ и опрометью выбѣжалъ изъ флигеля.

Флигель горитъ, а Николай Васильевичъ сидитъ себѣ спокойно у окна и, въ ожиданіи «булвана», сосетъ холодный янтарь чубука...

Потушили огонь. Входятъ знакомые паны, прибывшіе на пожаръ, здороваются, спрашиваютъ Николая Васильевича: что съ нимъ? здоровъ ли онъ? почему не вышелъ тушить пожара.

— Я боялся, чтобъ еще и флигель не сгорѣлъ, какъ бы про себя замѣтилъ Николай Васильевичъ: видите, я жду огня на трубку. Если-бъ я ушелъ отсюда, кто поручится, что мой булванъ, вбѣжавши сюда съ цѣлою головней, не бросилъ бы ее зъ незимкивъ куда попало, гдѣ бы она могла вспыхнуть. Покорный слуга! Безъ кухни я обойдусь; а спать въ какомъ-нибудь куренѣ вмѣсто флигеля—кому угодно, а я не привыкъ, панове!

Этотъ анекдотъ и по настоящее время циркулируетъ въ воспоминаніяхъ старожиловъ о куземинской старинѣ...

А. Твердохлѣбовъ.

Полозъ. (Къ ст. проф. Н. Ф. Сумцова—«Культурныя переживанія» Кіевская Старина 90 г. № 5). Разъ, кажуть Полозъ живъ десь на степу, такъ люде той степъ и покынулы. Кругомъ бу́ло орють, а тамъ—биля тіеи могилы де той Полозъ живъ — усе страшеннымъ бурьяномъ поросло. И отто—чи чоловикъ було зайде у те поле, чи скотына забижить, або чи киньмы хто зайнде — якъ тилько Полозъ углядивъ, нагнавъ, метельхнувъ хвостомъ, такъ пополамъ и пересикъ. Отъ ти люде якыхъ уже грошій не давалы—щобъ стребывъ хто того Полоза—нихто и на гроши не йде, бо уси бояться. Та нескоро вже одынъ и знайшовсь такый; такъ собы *городовычокъ*—и зъ себе плохенькій. (*Городовиками* въ Екатеринославщинѣ называютъ захожихъ изъ полтавской губ. косарей).

— Я, каже, вамъ ёго стреблю. — А стребышъ — отъ тоби сто рубливъ. — Отто согласылысь, той городовыкъ выгостривъ косу тай пишовъ того бурьяну до могылы косыты, та зайшовъ зъ того краю де було озеро, куды Полозъ пыты ходывъ. Отто зайшовъ ручку, косе соби тай косе, Полозъ и побачивъ—та до ёго. Ось добига—ажъ той городовыкъ вже и косу такъ набывъ—шо жаломъ у гору, та пвыденько застромывъ кисця у землю, на пьяту у косы шапку накынувъ, а самъ хода до озера тай пирнувъ. А Полозъ якъ добигъ, углядивъ шапку, думавъ шо то чоловикъ стоить, та якъ ударе по коси хвостомъ такъ и пересикся пополамъ. Такъ той городовыкъ трычи зъ озера вырынавъ—поки винъ вогнемъ не зійшовъ, та тоди вже вылизъ тай пишовъ до ёго.

А то-якъ бы той городовыкъ не поспишивсь пирнуты—Полозъ бы ёго вогнемъ спалывъ. Тоди вже якъ пишлы ти люде до тіеи могылы, де той Полозъ живъ—а тамъ кистокъ—на гоны кругомъ понакыдано.

Когда полозъ «бѣжитъ» степью—подъ нимъ трава горитъ. Одна богомолка разсказывала—что полозъ гнался за нею, желая склонить на сожительство, и она видѣла—какъ подъ нимъ трава превращалась въ уголь.

Зап. въ новомосковскомъ у. екатериносл. губ. **Ив. Манжура.**

Поправка. По поводу помѣщенной въ VI книжкѣ «Кіевской Старины» за текущій годъ замѣтки г. П. Т. о польскомъ театрѣ въ Кіевѣ, инженеръ тайный совѣтникъ Н. И. Палибинъ сообщилъ намъ поправку, за что приносимъ ему искреннюю благодарность.

«Въ 6 книжкѣ «Кіевской Старины» въ статьѣ о польскомъ театрѣ сказано, что представленія давались въ особо приспособленномъ для этой цѣли домъ Гудимъ-Левковича». Это не вѣрно: на мѣстѣ, гдѣ теперь стоитъ этотъ домъ, былъ правильно устроенный и красивый деревянный театръ, хорошо отдѣланный внутри.

Въ 30-хъ годахъ по иниціативѣ тогдашняго генералъ-губернатора графа Левашова была выписана небольшая, но хорошо составленная французская труппа. Еще воспитанникомъ лицея князя Безбородка, я, вмѣстѣ съ моими родителями, былъ въ Кіевѣ и видѣлъ эту труппу.

Въ концѣ 1853 года я, состоя уже на службѣ, былъ переведенъ въ Кіевъ и видѣлъ этотъ театръ настолько ветхимъ, что представленій въ немъ уже не было; вскорѣ онъ былъ проданъ на сломъ, а мѣсто было продано г. Гудимъ-Левковичу, который и выстроилъ настоящій свой домъ».

ЗАМѢТКА О КОЗАЦКИХЪ ЗНАМЕНАХЪ.

(КЪ РИСУНКУ).

Мы почти вовсе не имѣемъ печатныхъ свѣдѣній о козацкихъ знаменахъ, хотя преданіе о нихъ живетъ въ народѣ и до сихъ поръ. На сельскихъ кладбищахъ въ Малороссіи и теперь еще можно увидѣть надгробные кресты, которыхъ поперечная часть украшена небольшимъ древкомъ съ кускомъ на немъ полотна. Послѣднее представляетъ собою знамя и поэтому въ народѣ называется „прапиркою“; прапиркою обозначается могила козака въ отличіе отъ могилъ лицъ другихъ сословій.

Тамъ гдѣ сномъ убитымъ спятъ
Наши козаки,
На крестахъ у нихъ висятъ
Съ каймами платки... [1]).

Какія были у малороссійскихъ козаковъ знамена и изъ чего они дѣлались—объ этомъ даютъ понятіе слѣдующія рукописныя упоминанія о „корогвахъ“, „прапорахъ“ и „значкахъ“.

Полтавскій полковникъ Чернякъ, оправдываясь противъ одного доноса, писалъ въ 1717 г.—„О корогвахъ что доносятъ, же я зъ сотенъ бралъ по 10 копъ, то есть истинная правда; вибралось з сотенъ 80 рублей и за тие гроши куплено шесть косяковъ блакитнаго лудану на сотенніе корогви, по 40 золотихъ, итого росходу 50 руб. безъ двохъ, а що осталось 32 р.,

[1]) Украинскія мелодіи, Н. Маркевича (Москва. 1832).

за тое справлено полковую короговъ и прапоръ, а остатокъ на жовтій луданъ дано на крижи" (кресты).

Орлянскій сотникъ Григорій Псіолъ писалъ, въ 1745 г., своему полковнику Андрею Горленку—„Поневажъ въ сотнѣ орлянской двое знаменъ, яко то короговъ зеленая голевая и значокъ голевій жолтій вовся ветхіе, которіе минувшими въ войну турецкую походами до самихъ древокъ збились и впредь такъ къ походу, яко и къ случающимся стрѣчамъ (встрѣчамъ) весма не могутъ годится, чемъ же оніе вновь исправить на то никакихъ денегъ въ сотенной канцеляріи въ зборе не имѣется и о несобраніи зъ обивателей никакихъ неуказнихъ зборовъ многократними въ сотню орлянскую указами подтверждено; а что на исправку обявленихъ знаменъ умершій сотникъ Іосифъ Яковлевъ въ прошедшихъ 1727 и 1734 годахъ на едно знамено зъ козаковъ орлянскихъ и на другое зъ бражницъ орлянскихъ же, которихъ теперъ ниединой въ Орлѣ бражницѣ не имѣется, денги собиралъ, о томъ всѣ козаки данною за своими руками въ сотенную орлянскую канцелярію сказкою обявили, по которому ихъ прежнему обикновенію безъ особливого на тое съ полковой полтавской канцеляріи опредѣленія и указу зъ козаковъ на означенніе знамена собирать денегъ я не смѣю. Сего ради о семъ въ полковую полтавскую канцелярію донося, на сіе милостивой ожидаю резолюціи" [1]).

Въ 1758 г. просилъ разрѣшенія у гетмана лубенскій полковникъ Кулябка—„каковымъ способомъ дѣлать сотенныя знамена", при чемъ писалъ: „высокимъ вашей ясневелможности ордеромъ... между прочимъ полков. лубенской канцеляріи знать дано, яко чтобъ на исправленіе въ новоотдѣленную въ полку

---

[1]) Получивъ это донесеніе Псіола, полковникъ въ свою очередь просилъ разрѣшенія на поставленный вопросъ у генеральной канцеляріи, куда при этомъ между прочимъ писалъ: „прошлого февраля—дня сего 1745 году, по доношенію сотенной керебердянской старшини о обетшаломъ сотенномъ тамошнемъ значку и *о исправленіи оного предъ симъ зъ собираемыхъ зъ шинкарей и бражницъ денегъ, якіе чрезъ то отъ всякихъ общенародныхъ повинностей были уволнени*, съ полковой полтавской канцеляріи представлено было въ войсковую енер. канцелярію съ требованіемъ—отколь на исправленіе обявленого керебердянского и прочихъ сотенныхъ значковъ надлежащіе повелено будетъ получать денги..."

лубенскомъ курѣнскую сотню сотенной корогви зъ скарбовой канцеляріи 15 рублевъ денегъ отпущено было, о томъ г. подскарбію генеральному посланъ ордеръ, а полковой би канцеляріи... [1]) оное положивъ гербъ зъ едной сторони національній, а зъ другой по усмотренію полковой канцеляріи. Кромѣ жъ того повелено и въ жовнинскую сотню сотенную корогву отъ полковой лубенской канцеляріи исправить,... Однако каковимъ образомъ оніе сотенніе знамена полковая канцелярія здѣлать намѣрилась ....абрисъ при семъ вашей ясневелможности къ благоусмотренію оная полковая канцелярія прилагаетъ. И будетъ ли оный апробованъ или инако подѣлать приказано (будетъ), чтобъ мощно по томужъ и въ другихъ сотняхъ одинакіе знамена исправить...“

Точный снимокъ приложенныхъ къ этому донесенію „абрисовъ“ представляетъ приложенная къ этой книжкѣ картинка. При этомъ на абрисѣ „національнаго герба“ находится надпись: „на свѣтлоголубой голѣ съ правой сторони по золотой землѣ, на знамени росписанъ будетъ (разумѣется—„національный гербъ“) и витушованъ пристойными красками. Длиною же оное знамя имѣетъ быть полтретя аршина, шириною—какъ удвое голь выходить будетъ.“—На другой сторонѣ, гдѣ сдѣланъ „абрисъ“ „полковаго герба“, надпись: „на лѣвой сторонѣ знамени росписанъ будетъ (полковой гербъ) по сребраной землѣ и витушованъ темною краскою“ [2]). Наконецъ, сохранилось и въ натурѣ одно, повидимому сотенное, знамя, переданное въ 1885 г. изъ церкви с. Сенчанскихъ Скоробогатокъ, лохвицкаго уѣзда, въ музей церковно-археологическаго общества при кіевск. духовн. академіи. Знамя это схоже съ „абрисами“ Кулябки. Сдѣлано оно изъ плотной шелковой ткани (вѣроятно „голи“), свѣтлоголубаго цвѣта, вышиною—6 четвертей, а шириною—10 четвертей. На одной сторонѣ знамени изображенъ тотъ же „національный гербъ“ (т. е. козакъ съ ружьемъ и саблею), окруженный арматурою, а на другой—вѣроятно сотенный гербъ: рука держитъ золотой

[1]) Точками въ этомъ мѣстѣ обозначены неразобранныя два-три слова.

[2]) Донесеніе полковника Кулябки съ приложенными къ нему „абрисами“ найдено И. М. Каманинымъ въ грудахъ полуистлѣвшихъ старыхъ бумагъ кіевскаго губернскаго правленія, переданныхъ въ университетъ св. Владиміра.

крестъ, который двѣ человѣческія фигуры (ангелы?) осѣняютъ пальмовыми вѣтвями. Подъ сотеннымъ гербомъ надпись:

Господь Іисусъ за люди страдаше
Въ сохранствѣ тайны спасеніе наше.
Блюди опасно како преступати,
Егда кто имать службу совершати [1]).

Изъ этихъ отрывочныхъ свѣдѣній можно сдѣлать слѣдующія обобщенія:

1. Полковыя знамена были, кажется, двухъ родовъ—„корогвы“ и „прапоры.“ Обязанность оберегать въ походахъ полковую корогву лежала на полковомъ хоружемъ, а полковой прапоръ оберегалъ полковой „прапорщикъ“ [2]).

2. Сотенныя знамена были, кажется, тоже двухъ родовъ: корогва—большее знамя и „значекъ“—меньшее. Первую оберегалъ сотенный хоружій, а второй—„значковый“ товарищъ.

3. Знамена дѣлались изъ тканей „лудановыхъ“ и „голевыхъ“, при чемъ „голь“ обозначала, повидимому, шолковую ткань, а луданъ—не знаемъ какую.

4. На знаменахъ изображались: съ одной стороны—„національный гербъ“, т. е. козакъ съ мушкетомъ и саблей, а на другой—полковой или сотенный гербы. При этомъ замѣтимъ, что изображенія послѣднихъ сохранились на оттискахъ сотенныхъ и ратушныхъ печатей.

5. До половины XVIII в., козачьи знамена заготовлялись на деньги, собиравшіяся для этого съ шинкарей и „бражницъ“ [3]), которые за то увольнялись отъ другихъ „общенародныхъ“ повинностей.

---

[1]) Ср. описаніе знамени въ Извѣстіяхъ церк.-археол. общ. при кіевск. дух. акад. за 1885 г., стр. 39, гдѣ между прочимъ сказано, что знамя „мѣстами пробито пулями“, но мы, осматривая знамя, мѣстъ этихъ не замѣтили.

[2]) Чинъ полковаго „прапорщика“ встрѣчается очень часто. Извѣстный Григорій Грабянка, будучи полковымъ „прапорщикомъ“ въ 1710 г., получилъ отъ гетмана гадяцкое село Максимовку.

[3]) Подъ „бражницами“ слѣдуетъ разумѣть, кажется, продавщицъ мёду.

Кромѣ „абрисовъ“ знаменъ, сдѣланныхъ полковникомъ Кулябкою, на прилагаемой картинкѣ помѣщается еще рисунокъ знамени домонтовской сотни переяславскаго полка 1762 года, находящагося въ собраніи оружія умершаго кн. Воронцова въ м. Мошнахъ, черкасскаго уѣзда. Рисунокъ взятъ изъ хранящагося въ числѣ рукописей церк.-археол. музея при кіевск. дух. акад. альбома доктора Делафлиза [1]).

[1]) См. Описаніе рукописей церк.-арх. музея, Н. Петрова, стр. 153.

Библіографія.

Константинъ Гротъ. Изъ исторіи Угріи и Славянства въ XII вѣкѣ (1141—1173). Варшава. 1889 г.

Рѣдко съ большимъ интересомъ читается какая-нибудь книга чѣмъ та, заглавіе которой нами только-что выписано. Съ первой же страницы авторъ овладѣваетъ вниманіемъ читателя, который погружается всецѣло въ протекающія передъ нимъ историческія событія, слѣдитъ съ увлеченіемъ за ихъ перипетіями и, кажется, переживаетъ вмѣстѣ съ дѣйствующими лицами всѣ ихъ невзгоды и успѣхи. Несомнѣнно, причины такого сильнаго дѣйствія труда г. Грота на читателя кроются въ умѣньи автора мастерски излагать самые сухіе, запутанные вопросы, а также въ глубокомъ интересѣ поставленой имъ себѣ задачи. Что̀ касается собственно изложенія, то мы, признавая его легкимъ, увлекательнымъ, должны однако же сказать, что, по нашему мнѣнію, оно выиграло-бы еще болѣе, еслибы нѣкоторые побочные эпизоды, экскурсіи въ сторону, необходимыя для доказательства главныхъ положеній автора, были выдѣлены въ примѣчанія: читатель съ глубокимъ вниманіемъ слѣдитъ за комбинаціями европейской политики, горитъ нетерпѣніемъ узнать результаты столкновенія различныхъ политическихъ направленій, и вдругъ ему приходится заняться вопросомъ о южныхъ границахъ галицкой земли, вопросомъ необходимымъ, интереснымъ, но тѣмъ не менѣе побочнымъ, прерывающимъ главную нить разсказа. Такихъ мѣстъ есть нѣсколько въ трудѣ г. Грота. Но этотъ незначительный недостатокъ нисколько не измѣняетъ общаго характера изложенія, не оставляющаго, по нашему мнѣнію, желать ничего лучшаго.

К. Я. Гротъ, можно сказать, спеціализировался по исторіи Угріи. Всѣ его предыдущіе ученые труды посвящены прошлому угорскаго на-

рода, а его первая работа «Извѣстія Константина Багрянороднаго о сербахъ и хорватахъ» касается также исторіи страны, впослѣдствіи занятой уграми. Если же мы обратимся къ исторіи паннонскихъ славянъ, то, несомнѣнно, должны будемъ познакомиться съ трудами г. Грота, стоящими въ тѣсной органической связи одинъ съ другимъ. «Высокій интересъ, говоритъ авторъ, какой представляетъ для всякаго русскаго исторія Угріи, государства, столь тѣсно связаннаго со славянствомъ и игравшаго такую видную роль въ его историческихъ судьбахъ, слишкомъ очевиденъ и не нуждается въ особомъ разъясненіи. Само собой понятно также, какую пользу можетъ принести основательное изученіе угорской исторіи разработкѣ частныхъ исторій—западной Россіи, южныхъ славянъ, Чехіи, Польши, наконецъ, и Византіи». Едва ли возможно что-нибудь возразить противъ только что сказаннаго. Въ самомъ дѣлѣ, политическая жизнь народа обусловливается въ своемъ направленіи множествомъ взаимодѣйствующихъ факторовъ, и попытка уяснить эту политическую жизнь вліяніемъ одного какого-нибудь внутренняго фактора является абсолютно-невозможной. Разработка областной исторіи Россіи доказала это вполнѣ. Оказалось, что условія мѣстной, областной жизни являлись могучими факторами, направлявшими политическую жизнь русскаго народа въ ту или другую сторону. Но никакой народъ не живетъ изолировано. Детальная разработка исторіи русскихъ областей показала, какое сильное вліяніе имѣли на ихъ политическую судьбу отношенія къ народамъ сосѣднимъ. Оказалось необходимымъ уясненіе этихъ вліяній. Трудъ г. Грота, значительная часть котораго посвящена угро-русскимъ отношеніямъ, является какъ нельзя болѣе во время.

Даже въ тѣхъ мѣстахъ своихъ, гдѣ дѣло идетъ объ отношеніяхъ Угріи къ Западной Европѣ и Византіи, трудъ этотъ представляется глубоко интереснымъ для русскаго историка, выясняя ему многія событія исторіи русской изъ хода политики обще-европейской. Уже въ одномъ изъ своихъ прежнихъ трудовъ «Моравія и мадьяры съ половины IX до начала X вѣка» К. Я. Гротъ прочно обосновываетъ мнѣніе, что появленіе и водвореніе угровъ въ Европѣ имѣло не пагубное, а скорѣе благое, спасительное вліяніе на судьбу славянства, спасая отъ поглощенія нѣмцами его племена, разрозненныя и разбросанныя на среднемъ Дунаѣ и въ сосѣднихъ областяхъ. Мнѣніе это было высказываемо и раньше, но слабо, безъ достаточнаго научнаго обоснованія. По нашему мнѣнію, такой взглядъ на значеніе угровъ въ исторіи славянъ едва ли можетъ въ настоящее время найти

себѣ противниковъ. До появленія угровъ на средне-дунайской низменности разрозненность мелкихъ славянскихъ племенъ повела бы несомнѣнно къ ихъ поглощенію и занятію нѣмецкими колонистами всѣхъ земель до Дуная, а, можетъ быть, и за Дунаемъ. Вторженіе угровъ и ихъ водвореніе въ этихъ мѣстностяхъ остановило движеніе германской колонизаціи. Казалось бы, что для славянъ предстоитъ новая опасность—поглощеніе ихъ мадьярами или, по крайней мѣрѣ, тяжелая участь подчиненія. Но дѣло въ томъ, что первое время угры сами поддаются вліянію славянской культуры, высшей сравнительно съ культурой ихъ собственной. Это вліяніе оказывается настолько сильнымъ, что направляетъ внутреннюю и внѣшнюю политику угорскаго королевства. Славянская партія пріобрѣтаетъ такое значеніе, что съ успѣхомъ борется съ возрастающимъ западнымъ вліяніемъ. Раскрытію и уясненію борьбы этихъ двухъ культурныхъ направленій и посвященъ послѣдній трудъ г. Грота.

Очевидно, каждый изъ борящихся элементовъ долженъ былъ стремиться найти себѣ поддержку и внѣ угорскаго государства. Какъ партія западниковъ смотрѣла на германскую имперію и Римъ, такъ партія ей враждебная стремилась опереться на Византію и сосѣднія государства славянскія. Понятно, что видную роль въ этой борьбѣ партій въ Угріи должны были играть ея отношенія къ Руси. Эти-то отношенія насъ главнымъ образомъ и интересуютъ.

Отношенія Угріи къ русской землѣ были мирныя, проявлявшіяся въ видѣ браковъ угорскихъ королей съ русскими княжнами и враждебныя въ видѣ вмѣшательства угорскихъ правителей въ борьбу русскихъ князей между собой, при чемъ это вмѣшательство выражалось военной помощью со стороны Угріи тѣмъ или инымъ князьямъ. Но вотъ является вопросъ: съ чьей стороны шелъ починъ въ этихъ мирныхъ и военныхъ связяхъ Угріи и Руси? Авторъ, для проведенія своего основнаго взгляда на характеръ исторіи Угріи въ XII в., склоняется видѣть начинателями въ этомъ дѣлѣ ту партію, которая была враждебна западному вліянію. Она стремилась закрѣпить культурную связь Угріи и Руси родственными узами ихъ государей. Уже какъ результатъ этихъ родственныхъ связей является вмѣшательство угорскихъ государей въ дѣла русскихъ князей. Такимъ образомъ, авторъ придаетъ огромное значеніе этимъ родственнымъ связямъ, кладетъ ихъ «въ главу угла». Мы не отрицаемъ, что подобныя родственныя отношенія играли въ тѣ времена весьма видную роль, но видѣть въ нихъ единственный факторъ событій, по нашему мнѣнію, невозможно.

Вмѣшательство Угріи въ дѣла русскихъ князей обусловливалось другими причинами, болѣе сильными, заставлявшими угорскихъ королей дѣйствовать такъ, а не иначе, помимо вліянія всякихъ политическихъ партій при ихъ дворѣ. Мы утверждаемъ, что угорское правительство должно было вмѣшиваться въ русскія дѣла обязательно даже въ такомъ случаѣ, еслибы находилось въ полной зависимости отъ партіи западниковъ, другими словами, это участіе Угріи въ дѣлахъ Руси не можетъ указывать на существованіе при угорскомъ дворѣ славянской партіи, ни на ея силу и значеніе. Для того, чтобы убѣдиться въ этомъ, необходимо ближе всмотрѣться въ событія, происходившія на Руси, уразумѣть ихъ смыслъ. Значеніе этихъ событій останется для насъ навсегда непонятнымъ, если мы по старому будемъ отыскивать ихъ смыслъ въ родовыхъ отношеніяхъ русскихъ князей. Въ настоящее время прикладывать теорію родоваго быта къ уясненію событій древней русской исторіи вездѣ, огульно,—архаизмъ въ наукѣ, ничего не выясняющій, но во многихъ случаяхъ затемняющій смыслъ фактовъ. Для насъ понятна борьба Мономаховичей и Ольговичей, борьба старшей линіи Мономаховичей съ младшей, но какъ съ точки зрѣнія родовой теоріи объяснить участіе въ борьбѣ этой князей галицкихъ, для которыхъ не было въ ней ни малѣйшаго интереса? Ростиславичи съ своей землей совершенно обособились; ихъ отдѣльность территоріальная и политическая была признана всѣми областями и всѣми князьями земли русской. Притязанія русскихъ князей на землю галицкую начинаются лишь въ концѣ удѣльнаго періода, когда въ ней прекратилась династія Ростиславичей, и опять эти притязанія опирались не на родовые счеты, а лишь на то, что эта земля—русская. Очевидно, были какіе то другіе стимулы, побуждавшіе князей къ междоусобной борьбѣ. Мы указываемъ на землю галицкую лишь потому, что она въ данномъ случаѣ играетъ главную роль въ угро-русскихъ отношеніяхъ, но то же самое должно сказать и относительно исторіи всѣхъ русскихъ областей. Уважаемый авторъ необходимо долженъ былъ вникнуть въ смыслъ событій, происходившихъ на Руси, чтобы выяснить значеніе угро-русскихъ отношеній. Не въ упрекъ будь сказано, для этой цѣли К. Я. Гротъ воспользовался лишь трудомъ покойнаго С. М. Соловьева и совершенно игнорировалъ новѣйшія работа по областной исторіи. Въ угро-русскихъ отношеніяхъ принимали въ разное время участіе и земля волынская, и земля сѣверская. Авторъ не обратилъ вниманія на работы по ихъ исторіи, а можетъ быть, онѣ пролили бы для него нѣсколько иной свѣтъ на

древне-русскія политическія отношенія и на отношенія угро-русскія. Если, дѣйствительно, междоусобныя войны русскихъ князей имѣли въ основѣ своей лишь родовые счеты, какъ признаетъ вслѣдъ за Соловьевымъ авторъ, то, конечно, Угріи не было отъ нихъ ни тепло, ни холодно, и въ этомъ случаѣ вмѣшательства угорскихъ королей въ дѣла русскія, помощь, которую оказывали они русскимъ князьямъ не можетъ быть объяснима ничѣмъ инымъ, какъ только родственными связями и дѣйствіемъ славянской партіи при угорскомъ дворѣ, видѣвшей въ этомъ вмѣшательствѣ средство поддерживать и закрѣпить культурныя связи съ Русью, какъ землею славянской.

Намъ кажется, какъ мы уже сказали, что вмѣшательства угорскаго правительства въ дѣла Руси, помимо вліянія какихъ бы то ни было партій, вызывались нуждами самаго угорскаго государства. Для выясненія своей мысли, намъ приходится обратиться къ событіямъ на Руси въ интересующій насъ періодъ и постараться дать имъ объясненіе, насколько это въ нашихъ силахъ. Мы не имѣемъ возможности подробно останавливаться на этомъ вопросѣ и сдѣлаемъ это въ немногихъ словахъ. Весь смыслъ участія галицкихъ князей въ борьбѣ другихъ русскихъ князей выраженъ ясно въ одномъ мѣстѣ Ипатской лѣтописи, которое приводитъ и уважаемый авторъ разсматриваемаго труда, не придавая ему однакоже должнаго значенія. «Въ тоже лѣто, говоритъ лѣтопись, роскоторастася Всеволодъ с Володимѣркомъ про сына, *оже сѣде сынъ его* (т. е. Всеволода) *Володимири*, и почаша на ся искати вины; и Володимерко възверже ему грамоту хрестьную, Всеволодъ-же съ братьею иде нань». Въ подчеркнутыхъ словахъ заключается весь смыслъ событій. Эта котора имѣла мѣсто въ 1143 г., а не далѣе какъ въ 1142 г. Владимірко состоитъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ Всеволодомъ и повинуется его приказанію идти въ Польшу противъ Болеславичей (И. л. 224). Но лишь только Владимирко понялъ опасность со стороны Всеволода, какъ и является опасность. Въ чемъ проявилась эта опасность? Владимирко понялъ, что сосредоточеніе въ однѣхъ рукахъ областей кіевской и волынской ведетъ къ усиленію великаго князя, да притомъ еще князя волынской земли, пограничной съ владѣніями Владимирка. Съ этого момента для насъ становится вполнѣ ясной политика галицкаго князя: онъ каждый разъ всѣми силами своей области препятствуетъ сосредоточенію Волыни и Кіева въ однѣхъ рукахъ. Открывается борьба Изяслава Мстиславича съ Юріемъ. Владимирко сначала предоставляетъ ей свободно развиваться: ни интересы Юрія, ни Изяслава его со-

вершенно не трогаютъ. Онъ выжидаетъ того момента, когда ясно обнаружится, на чьей сторонѣ будетъ перевѣсъ, а пока для него было достаточно уже и того, что въ этой борьбѣ сильная, сосѣдняя съ имъ волынская земля ослаблялась. Но, повторяемъ, Владимирко зорко слѣдитъ за ходомъ борьбы. Если въ Кіевѣ сядетъ Юрій, то сосредоточеніе Волыни и Кіева можетъ быть, можетъ и не быть, а коль скоро Кіевомъ завладѣетъ Изяславъ, то такое сосредоточеніе явится само собой. Въ 1149 году Юрій занялъ Кіевъ; Изяславъ сидитъ на Волыни. Области разобщены. Лишь только Юрію начинаетъ грозить опасность со стороны Изяслава, когда силы перваго были значительно уже ослаблены, а къ послѣднему собираются на помощь сосѣди, Владимирко выступаетъ снова, какъ при Всеволодѣ Ольговичѣ, противъ могущаго быть соединенія Волыни и Кіева, и дѣлается энергическимъ союзникомъ суздальскаго князя (И. л. 269 и далѣе). Такимъ образомъ, становится вполнѣ понятнымъ это участіе галицкихъ князей въ борьбѣ, происходившей изъ—за Кіева: для нихъ не имѣли никакого значенія родовые счеты, они одинаково относятся ко всѣмъ линіямъ князей, соблюдая интересы лишь своего собственнаго княжества. Благодаря этой политикѣ, мы и видимъ затѣмъ галицкую землю такой сильной, какой рисуетъ ее намъ „Слово о полку Игоревѣ» и дальнѣйшія событія нашей исторіи. Для галицкихъ князей съ одной стороны было важно, чтобы рядомъ съ ихъ владѣніями не происходило сосредоточенія областей въ однѣхъ рукахъ, но кромѣ того для нихъ имѣло значеніе постоянно ослаблять волынскую область, такъ какъ съ нею у нихъ были давніе счеты территоріальные, ведшіе свое начало еще съ доисторической эпохи, когда происходило разселеніе русско-славянскихъ племенъ по тѣмъ мѣстностямъ, въ которыхъ ихъ застаетъ исторія. По вполнѣ вѣроятному соображенію г. Андріяшева («Очеркъ исторіи волынской земли», 27 и д.), дулѣбы сначала разселились по возвышенной области волынскихъ Карпатовъ, а потомъ спустились на низменныя мѣста Полѣсья, то есть, вошли въ область, гдѣ начинается система рѣки Припяти, и захватили своими поселеніями южную часть пинской котловины. Нагорная часть территоріи племени дулѣбовъ въ историческое время отрывается и входитъ въ составъ галицкаго княжества, которое стремится округлить свои границы на-юго-востокѣ. Волынь, въ свою очередь, стремится присоединить къ себѣ оторванную часть своего племени, нагорную. Вотъ гдѣ лежитъ начало споровъ между волынскими и галицкими князьями и ихъ кровавыхъ столкновеній другъ съ другомъ,

начиная съ Давида Игоревича и первыхъ Ростиславичей и до дней Владимирка и Ярослава Осмомысла. Если съ одной стороны галицкіе князья изъявляли притязанія на часть земли волынской, то съ другой стороны они энергически ведутъ колонизацію на югъ и, несомнѣнно, расширяютъ границы своихъ владѣній до береговъ Дуная, колонизацію, охватившую мало по малу Венгрію съ восточной и юго-восточной стороны. Владѣнія галицкія имѣли также всѣ шансы подвигаться и прямо на югъ или юго-западъ, чрезъ долины рѣкъ, берущихъ начало въ Карпатахъ и прорѣзывающихъ ихъ. И по сю и по ту сторону этихъ горъ жило одно и то же населеніе, закарпатская часть котораго естественно тянула къ своей главной массѣ, образовавшей галицкое княжество. Что у галицкихъ князей были поползновенія въ этомъ направленіи, что угорскіе короли прекрасно понимали опасность со стороны энергическихъ князей Ростиславичей,—это доказывается помѣщеніемъ половцевъ по долинамъ рѣкъ, текущихъ съ сѣвера изъ Карпатовъ. Наша лѣтопись не указываетъ намъ на пограничныя столкновенія Угріи и галицкаго княжества только потому, что она и вообще, даже по отношенію къ другимъ областямъ не дѣлаетъ этого, но что они были и должны были быть, въ этомъ, по нашему мнѣнію, не можетъ быть никакого сомнѣнія. Если мы присмотримся теперь къ вмѣшательству Угріи въ дѣла русскія, то увидимъ, что угры являются каждый разъ тогда, когда можно ожидать усиленія галицкаго княжества. Въ 1097 году они стоятъ на сторонѣ Святополка Изяславича противъ Ростиславичей, ибо сосредоточеніе Волыни и Кіева въ однѣхъ рукахъ выгодно для Угріи, такъ какъ оно ведетъ къ ослабленію княжества галицкаго. Въ борьбѣ Изяслава Мстиславича съ Юріемъ опять угры помогаютъ первому, помимо родственныхъ связей съ Мстиславичами, потому еще, что, помогая соединенію Кіева и Волыни, они создавали въ тылу у галицкаго княжества силу, которая ослабляла его. Единственнымъ исключеніемъ въ этихъ политическихъ отношеніяхъ является помощь, оказанная Угріей Владимірку противъ Всеволода Ольговича. Авторъ оставляетъ безъ объясненія этотъ фактъ, ограничиваясь лишь указаніемъ, что угорскіе правители устремляли одинаково свое вниманіе и на востокъ и дорожили своими отношеніями къ сосѣдней Руси. Мы считаемъ этотъ актъ угорской политики ошибкой, которую потомъ приходилось исправлять угорскому правительству, и оно, дѣйствительно, ведетъ себя затѣмъ послѣдовательно и старается всѣми силами ослабить галицкое княжество. Такимъ образомъ, политика Угріи въ от-

ношеніи къ Руси обусловливалась не только родственными связями, не только вліяніемъ извѣстной партіи, но и неотложными нуждами государства, нуждами, которыя одинаково заставили бы угорскихъ королей дѣйствовать такъ, а не иначе, при вліяніи какой бы то ни было партіи. Говоря все это, мы желаемъ внести лишь нѣкоторое детальное объясненіе въ исторію угро-русскихъ отношеній, но признаемъ вмѣстѣ съ авторомъ, что ходатаями за Владимірка несомнѣнно были сторонники анти-славянской партіи, и что родственныя связи съ Мстиславичами несомнѣнно служили поддержкой партіи славянской въ Угріи.

Въ разбираемомъ трудѣ есть нѣкоторые мелкіе вопросы, на счетъ рѣшенія которыхъ можно бы поспорить съ авторомъ, но они, говоримъ, мелкіе и такое или иное рѣшеніе ихъ не оказываетъ никакого вліянія на основныя положенія. Мы укажемъ еще лишь на одно мнѣніе автора,—о значеніи взятія Кіева войсками Андрея Боголюбскаго въ 1169 году. И въ этомъ случаѣ авторъ слѣдуетъ преувеличенному взгляду на это событіе С. М. Соловьева и Кояловича, не обративъ вниманія на ходъ послѣдующихъ историческихъ событій на югѣ Россіи, въ основѣ противорѣчащихъ этому взгляду. Въ настоящее время русскій историкъ едва ли можетъ сказать, что «центръ русской государственности перенесенъ на сѣверъ» послѣ 1169 года. Ни центръ не былъ перенесенъ, ни теченіе политической жизни Руси не измѣнилось. 1169 годъ важенъ только въ одномъ отношеніи, что въ этотъ моментъ впервые ясно и съ большой силой проявилось на сѣверѣ новое централизаціонное направленіе, хотя въ слабой степени оно проявлялось и раньше на югѣ. Что это новое направленіе было еще непрочно, видно изъ того, что даже послѣ Всеволода Юрьевича оно прерывается и только лишь въ XIV ст. обнаруживается снова и на этотъ разъ окончательно. Вліяніе, пріобрѣтенное суздальскими князьями на Руси, не измѣнило нисколько политической жизни ея. Югъ не только еще не утрачиваетъ своего значенія, но наоборотъ съ конца XII и въ XIII ст. мы видимъ на югѣ попытки, ясно очерченныя, собиранія областей воедино, чего до XIV ст. не проявляется на сѣверѣ.

Въ заключеніе мы должны сказать, что К. Я. Гротъ своимъ трудомъ оказалъ великую услугу разработкѣ русской исторіи, выяснивъ, благодаря своей эрудиціи и ученой прозорливости, много частныхъ вопросовъ изъ политической жизни древней Руси, остававшихся до сихъ поръ невыясненными. П. Г.

Konstanty Górski. Wojna Rzeczypospolitej Polskiej z Turcyą w latach 1672 i 1673. (Warszawa, 1890. Стр. 66 + 4 прилож).

(К. Гурскій. Война Польши съ Турціей въ 1672 и 1673 г.).

Мы недавно имѣли случай дать отчетъ о книгѣ г. Третяка, посвященной исторіи хотинской войны 1621 г. («Кіев. Стар.» 1890 г. № 5). Трудъ г. Гурскаго представляетъ цѣнное дополненіе картины, нарисованной столь тщательно львовскимъ ученымъ.

Исходныя точки обоихъ историческихъ явленій, ихъ внутреннее значеніе для судебъ польскаго государства, тѣ скрытыя пружины, благодаря которымъ данный моментъ выразился въ извѣстной формѣ—представляютъ близкую аналогію. Какъ въ 1621, такъ въ 1672 г. столкновеніе Польши съ мусульманскимъ міромъ вызвано было, въ концѣ концовъ, отношеніями польской шляхты къ Украинѣ. Въ обоихъ случаяхъ борьба не имѣла рѣшительнаго результата, въ обоихъ случаяхъ она ничему не научила заинтересованныя стороны. Въ самомъ дѣлѣ, хотинская драма была тяжкимъ и многозначительнымъ урокомъ для Польши: жестокія внутреннія неурядицы и неустройства Рѣчи Посполитой, двусмысленная ея политика въ отношеніи Малороссіи и Крыма, неумѣніе замирить организующееся въ прочную силу козачество едва не поставили въ 1620 и 1621 г. на карту самое существованіе государства; унизительный хотинскій миръ служилъ симптомомъ серьезной болѣзни государственнаго организма, требовавшей настоятельно леченія. Прошло 50 лѣтъ. Рѣчь Посполитая пережила хмельнищину и шведскія войны — т. наз. «потопъ». Новое столкновеніе съ Турціей застигло ее далеко не во всеоружіи: разслабленная, раздираемая партіями, лишенная прочной военной силы, Польша по прежнему представляетъ открытое поле если не для завоеванія, то для конечнаго разоренія дисциплинированными варварами. Отдаливъ отъ себя Дорошенка, стремившагося къ федеральной автономіи Украины, выставивъ въ противовѣсъ ему Ханенка, не имѣвшаго прочной опоры въ поспольствѣ и козачествѣ, зангрывая съ Сѣчью, разоряя Крымъ, правящая шляхта оказывается безсильною свести концы съ концами: Каменецъ отданъ туркамъ почти безъ боя, села и города окрестъ разорены хищниками, до 40,000 народа захвачено въ полонъ; недѣлю спустя по сдачѣ Каменца въ Голубѣ стянуто до 80,000 посполитаго рушенія, а черезъ двѣ недѣли Украина и Подолье съ Каменцемъ отданы туркамъ по формальному трактату

въ Бучачѣ, съ прибавкой 22,000 черв. зл. ежегодной дани: картина поразительная, достойная вниманія историка.

Изображая шагъ за шагомъ послѣдовательный ходъ этой драматической борьбы, г. Гурскій не ограничивается изложеніемъ военныхъ событій. Дипломатическія сношенія, предшествовавшія войнѣ, отношенія къ козакамъ, группировка партій въ средѣ польской шляхты останавливаютъ на себѣ вниманіе историка, насколько это необходимо для уясненія внѣшнихъ событій. Такъ какъ г. Гурскій пишетъ исторію войны, то, конечно, мы не въ правѣ требовать отъ него болѣе подробныхъ экскурсовъ, хотя-бы, напр., въ область польско-козацкихъ отношеній, какъ ни желательно было бы это въ интересахъ изслѣдованія,—тѣмъ съ большею охотою и вниманіемъ разъясняетъ г. Гурскій роль польскихъ партій, борьба которыхъ, въ виду грозящей отечеству опасности, внушаетъ историку горько-негодующій тонъ. Дѣятельность кор. Михаила Корибута и его приверженцевъ, оппозиція «мальконтентовъ», роль голубской конфедераціи находятъ у автора ѣдкую и, въ общемъ, справедливую оцѣнку. Съ другой стороны, г. Гурскій съ особенною любовью рисуетъ дѣянія Яна Собѣсскаго въ борьбѣ съ Турціей и приписываетъ ему роль спасителя отечества, стушевывая то обстоятельство, что въ партійной борьбѣ Собѣсскій былъ однимъ изъ важнѣйшихъ и далеко небезупречнымъ коноводомъ французской партіи, т. наз. «мальконтентовъ». Авторъ вдается въ весьма подробныя соображенія, что было-бы, еслибъ въ такихъ и такихъ то случаяхъ послушались совѣта Собѣсскаго,—и читатель все-же остается въ нѣкоторомъ недоумѣніи: гораздо интереснѣе знать, отчего же не послушались разумнаго совѣта. Г. Гурскій горько упрекаетъ кор. Михаила за малодушіе, эгоизмъ, потаканіе шляхтѣ, нелѣпое вмѣшательство въ военныя распоряженія. Янъ Собѣсскій свободенъ отъ этихъ недостатковъ; онъ—герой, недостаточно оцѣненный въ Польшѣ; родись онъ въ Зап. Европѣ—онъ занялъ-бы другое, высшее мѣсто въ умахъ современниковъ (стр. 64). Быть можетъ. Но Янъ Собѣсскій сталъ королемъ польскимъ, а Каменецъ 27 лѣтъ оставался въ рукахъ турокъ: что за причина? У г. Гурскаго есть объясненіе и для этого. Собѣсскій еще въ качествѣ вел. гетмана коронаго сдѣлалъ все для изолированія Каменца, но ставши королемъ, онъ не могъ сдѣлать того, что было возможно въ роли полководца: не могъ онъ съ достоинствомъ, энергіей и послѣдовательностью править государствомъ, судьбы котораго нерѣдко зависѣли отъ такихъ шляхтичей, какъ подстолій сандомирскій, и такихъ магнатовъ, какъ

Пацъ (стр. 66). Такая историческая философія не представляется для насъ убѣдительной. Конечно, подстолій лурно сдѣлалъ, это изъ-за личныхъ счетовъ думалъ сорвать прошовицкій сеймикъ (Ambr. Grabowski, Ojczyste spominki, II, 208 сл.), но финансовая неурядица началась не съ 1673 года въ Польшѣ; конечно, и Пацъ недобропорядочно распоряжался литовскими хоругвями, но взаимный антагонизмъ литовско-польскихъ магнатовъ имѣетъ давнюю исторію, не Пацомъ начался онъ, не имъ и кончился. Мы опасаемся, что подобныя объясненія въ сущности ничего не объясняютъ.

Во всякомъ случаѣ, небольшое изслѣдованіе г. Гурскаго является цѣннымъ вкладомъ для исторіи нашего края. Основные источники для войны 1672 и 1673 года изучены имъ тщательно и сведены въ картину цѣльную, сжатую и краснорѣчивую. Мѣста главныхъ столкновеній—Каменецъ и Хотинъ—описаны авторомъ старательно и съ знаніемъ дѣла. Къ книгѣ приложены карта военныхъ дѣйствій, планъ битвы подъ Хотиномъ 11 ноября 1673 года, снимокъ современной гравюры хотинскаго лагеря и современной-же гравюры, изображающей Каменецъ. Для лучшаго ознакомленія съ мѣстностью, авторъ лично посѣтилъ эти города. Кромѣ источниковъ изданныхъ, авторъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи также и рукописные компуты войскъ (изъ библ. инст. Оссолинскихъ во Львовѣ), которые и приводитъ in extenso (стр. 41—46).

Повидимому, г. Гурскій не имѣлъ подъ руками изданной въ 1886 г. «реляціи» Стан. Маковецкаго, стольника летичевскаго, о паденіи Каменца (Przegl. Powsz. 1886 г., т. 9 и 10), также записокъ Еміоловскаго (изд. въ 1850 г. во Львовѣ) и Пясецкаго (изд. 1870 г. въ Краковѣ), дающихъ нѣсколько неизвѣстныхъ интереса подробностей для исторіи осады и взятія Каменца; но и тѣ данныя, которыя собраны въ изданіи Амвр. Грабовскаго 1845 г., были достаточны въ настоящемъ случаѣ. **Н. М.**

Dr. Tadeusz Rutowski. Klęski elementarne Galicyi (Lwów, 1890). Стр. 55. (Д-ръ Тадэй Рутовскій. Стихійныя бѣдствія Галичины).

Г. Рутовскій издалъ въ теченіи послѣднихъ лѣтъ цѣлый рядъ статистическихъ работъ, рисующихъ экономическій бытъ Галичины въ самыхъ разнообразныхъ его проявленіяхъ: лѣсной промыселъ, мельничное дѣло, земледѣльческая производительность мелкихъ и

крупныхъ хозяйствъ, винокуренное дѣло, скотоводство, пожарное дѣло въ Галичинѣ останавливали на себѣ вниманіе этого изслѣдователя и находили въ его работахъ оцѣнку безпристрастную и умѣлую. Несчастный для края 1889 годъ заставилъ нашего автора оглянуться на экономическое прошлое Галичины и выдвинуть вопросъ о причинахъ стихійныхъ бѣдствій, регулярно разоряющихъ населеніе. Выводы свои авторъ основываетъ большею частью на данныхъ оффиціальной статистики, и набросанная имъ цифровая картинка полна глубокаго интереса. Авторъ шагъ за шагомъ изслѣдуетъ причины земледѣльческихъ кризисовъ въ Галичинѣ на протяженіи полустолѣтія, приводитъ рядъ цифръ, рисующихъ опустошенія отъ засухъ, наводненій, градобитій, пожаровъ, скотскихъ падежей, вредныхъ животныхъ—и приходитъ къ выводамъ крайне неутѣшительнымъ для будущности края. Земледѣльческая производительность Галичины, по мнѣнію автора, находится въ состояніи хроническаго кризиса: малѣйшее стихійное бѣдствіе является для обѣднѣвшаго населенія страшнымъ бичемъ и не даетъ возможности земледѣльцу стать на ноги. Неразсчетливое хозяйство на государственныхъ земляхъ, безтолковое отчужденіе послѣднихъ въ частныя руки, варварское истребленіе лѣсовъ, уничтоженіе прудовъ, составлявшихъ нѣкогда красу и жизненную силу восточной Галичины, отсутствіе регулированія рѣкъ въ предупрежденіе періодическихъ разливовъ, неравномѣрная и обыкновенно запоздалая помощь государства въ тяжкія минуты—таковы, по мнѣнію г. Рутовскаго, главныя причины упадка, въ которомъ нынѣ находится этотъ богато одаренный отъ природы край. Сравнительно-статистическія данныя, приведенныя авторомъ въ его брошюрѣ, не позволяютъ сомнѣваться въ самомъ фактѣ этого упадка и въ томъ, что Галичина—едва-ли не самый несчастный, забытый Богомъ и людьми уголокъ въ австрійской имперіи.

Переживаемыя краемъ бѣдствія, стихійнаго и не стихійнаго происхожденія, прежде всего сказываются убійственнымъ образомъ на здоровьи и приростѣ населенія. Вслѣдъ за неурожаемъ явилась картофельная болѣзнь уже съ 1843 года, явился голодъ, голодный тифъ и другія эпидеміи, такъ что въ теченіи пяти лѣтъ (1846—1850) населеніе Галичины уменьшилось почти на 179 тыс. чел. Вслѣдъ за голодомъ 1872 года холера и другія эпидеміи встрѣтили въ Галичинѣ самую благопріятную почву. Оспа унесла 40 % всѣхъ умершихъ отъ этой болѣзни въ Австріи, другія эпидеміи—около 70 %,

холера—85 %. Въ томъ же 1873 г. число смертей превышало число рожденій въ краѣ на 58,692. На протяженіи 1873—1887 г. отъ эпидемій умерло болѣе 25 % всѣхъ вообще умершихъ. Сравнительно съ прочими областями Австріи, смертность въ Галичинѣ представляется въ два слишкомъ раза выше средней для имперіи нормы. Холера, оспа, тифъ, диссентерія свирѣпствуютъ въ краѣ изъ года въ годъ почти съ неослабѣвающей силой; сифилисъ распространенъ здѣсь какъ нигдѣ болѣе въ Австріи. Въ нѣкоторыхъ повѣтахъ, особенно на Покутьи, сифилисъ получилъ эпидемическій характеръ. Во всѣхъ госпиталяхъ Австріи въ 1885 г. было лишь 8, ₈% сифилитиковъ, въ Галичинѣ—15, ₈%. Излишне прибавлять о послѣдствіяхъ, которыя неизбѣжно являются отъ этого для здоровья населенія. Дѣтскія болѣзни свирѣпствуютъ въ Галичинѣ какъ нигдѣ въ Европѣ: нищета, отсутствіе всякой гигіены производятъ то, что изъ 100 дѣтей умираетъ въ возрастѣ до 5 лѣтъ 41 (1881—1885 г.), въ нѣкоторыхъ повѣтахъ процентное отношеніе выражается въ цифрѣ 50, 52 и даже 54,₈. Скарлатина, дифтеритъ, коклюшъ пожираютъ чудовищную массу жертвъ. Изъ умершихъ въ 1882—1886 г. въ Австріи отъ скарлатины на Галичину приходилось 32—54 %, отъ дифтерита 40—45 %, отъ коклюша—50—62 %. На первомъ году жизни погибаетъ до 18% дѣтей отъ слабости. Въ теченіи 1881—1885 г. процентъ прироста населенія былъ 0,98%. Благодаря скарлатинѣ, дифтериту, оспѣ и сифилису населеніе вырождается, является масса лицъ глухихъ, глухонѣмыхъ, слѣпыхъ, кретиновъ. Изъ рекрутскихъ списковъ оказывается, что галицкое населеніе стоитъ значительно ниже населенія остальныхъ областей по своему физическому благосостоянію и даже росту.

Какимъ образомъ раса, развивающаяся при этихъ условіяхъ, можетъ подниматься въ смыслѣ интеллигентности, силы воли, духа, характера и вести тяжелую борьбу за существованіе? Тяжелыя жертвы, которыхъ требуетъ отъ населенія современное государство—долго-ли въ состояніи будетъ Галичина приносить ихъ? Могутъ-ли вообще галичане поспѣвать за поступательнымъ движеніемъ новѣйшей культуры во всѣхъ ея разнообразныхъ проявленіяхъ?

На всѣ эти вопросы г. Рутовскій, конечно, не даетъ, отвѣта,—это не относится къ его обязанностямъ, какъ статистика, за котораго должны говорить цифры. Возможно, что цифры сопоставлены нѣсколько односторонне и рисуютъ все въ чрезмѣрно мрачномъ видѣ—но когда цифры рисуютъ все въ мрачномъ видѣ, онѣ обыкновенно не лгутъ.

Н. М.

И. Михалевичъ. Подольская гимназія въ Винницѣ. Каменецъ-Подольскъ. 1890 г.

Эта небольшая брошюра представляетъ оттискъ изъ Подольскихъ Губ. Вѣдомостей за 1890 г. (№№ 63 и 64). Авторъ не говоритъ обстоятельно, а лишь упоминаетъ о г. Винницѣ, какъ образовательномъ центрѣ старой Брацлавщины; приводитъ фактъ существованія въ ней въ теченіе почти двухъ столѣтій іезуитской коллегіи (1605—1773), смѣнившейся окружной школой по уставу эдукаціонной комиссіи (1773—1793), которая перешла потомъ въ вѣдѣніе приказа общественнаго призрѣнія; съ подчиненіемъ учебныхъ заведеній виленскому университету учреждается въ Винницѣ гимназія (1814 г.) на средства, собранныя Ѳ. Чацкимъ, извѣстнымъ польскимъ ученымъ и ревнителемъ отечественнаго просвѣщенія. Съ этого лишь времени авторъ подробно излагаетъ исторію гимназіи, характеризуетъ дѣятельность ея директоровъ и учителей, занятія учениковъ, внѣшнюю обстановку и программы преподаванія. Отмѣтимъ главнѣйшіе факты въ жизни этого заведенія: въ 1825 г. гимназія низведена была на степень 3-хъ класснаго уѣзднаго училища, въ 1830 г. среди учениковъ возникло какое-то тайное общество и училище было закрыто; вслѣдъ за событіями этого года учебныя заведенія юго-запада были подчинены харьковскому учебному округу, по ходатайству котораго въ Винницѣ въ 1832 г. была вновь открыта гимназія, просуществовавшая до 1847 г., когда ее перевели въ м. Бѣлую Церковь. Такова судьба винницкой гимназіи. Изложеніе свое авторъ иллюстрируетъ матеріалами: 1) «исторической запиской» за 1831 г. о гимназіи и училищахъ при ней и 2) копіей Высочайшаго рескрипта гр. Чацкому 20 іюня 1807 года.

Зачѣмъ понадобилось теперь вспоминать о бывшей въ Винницѣ гимназіи авторъ не говоритъ и предоставляетъ догадываться читателю самому, что поводомъ для этого послужило, вѣроятно, открытіе реальнаго училища въ Винницѣ въ настоящемъ году; вслѣдствіе этой недомолвки изложеніе кажется отрывочнымъ. Если фактъ открытія въ настоящее время реальнаго училища въ Винницѣ требовалъ историческихъ справокъ, то ихъ слѣдовало бы сдѣлать не для одной гимназіи, существовавшей въ началѣ текущаго столѣтія, но вообще опредѣлить тѣ условія, которыя всегда дѣлали Винницу центромъ просвѣщенія на югѣ.

Авторъ умалчиваетъ также и о своихъ матеріалахъ, не говоря откуда онъ ихъ заимствовалъ, тогда какъ это необходимое условіе при печатаніи какихъ бы то ни было документовъ.

И. Каманинъ.

Книги, вышедшія въ 1890 г., касающіяся ю. Россіи.

Berdau F. d-r. Flora Tatr, Pienin i Beskidu zachodniego. Варш. 8 д. IV+827+55 стр.

Бораковскій Г. Стари до молодыхъ не пидгортайтесь. Водев. въ 1 дѣйствіи. Изд. Гомолинскаго. К. 16 д. 45 стр.

Бориневичъ А. С. Очеркъ хлѣбной торговли въ Одессѣ. Изд. Херс. губ. зем. управы. Од. 4 д. 110 стр.+4 табл.

Владиміровъ П. В. Обзоръ южно-русскихъ и западно-русскихъ памятниковъ письменности отъ XI до XVII ст. (оттискъ изъ IV кн. «Чтеній въ ист. общ. Нестора-лѣтописца»). К. 8 д. 42 стр.

Владимірскій-Будановъ М. Ф. Очерки изъ исторіи литовско-русскаго права. II. Черты семейнаго права XVI в. (оттискъ изъ IV кн. «Чтеній въ ист. общ. Нестора лѣт.») К. 8 д. 59 стр.

Вся Одесса за 20 к. Путеводитель по городу и справочная книга для пріѣзжихъ. Планы города и театровъ. Изд. Н. Аксюка Од. 16 д. VIII+144 стр.

Гоголь Н. В. Сочиненія. Т. 2-й. Подъ ред. Тихонравова. Изд. 10-е В. Думнова. М. 8 д. 816 стр.

Грушевскій М. Южнорусскіе господарскіе замки въ половинѣ XVI в. К. 8 д. 33 стр.

Житіе св. князей Бориса и Глѣба. Спб. 8 д. 8 стр.

Ивановъ Ѳ. Подземная Одесса 25 лѣтъ назадъ Од. 16 д. 62 стр.

Иконниковъ В. С. Александръ Андреевичъ Беклешовъ (1743—1808) (Оттискъ изъ «Кіев. Ст.») К. 8 д. 50 стр.

Историко юридическіе матеріалы, извлеченные изъ актовыхъ книгъ губерній витебской и могилевской, хранящихся въ централ. архивѣ въ Витебскѣ, и изданные подъ ред. и. д. архиваріуса М. Веревкина. Вып. 20. Витебскъ 4 д. XVI+512+XXX стр.

Календарь Черниговской губ. на 1890 г. Изд. черниг. губ. стат. комит. Черниговъ. 8 д. 269+IV стр.

Караманенко С., врачъ. Медицинскій и санитарный отчетъ по одесскому уѣзду за 1889 г. Од. 8 д. 98 стр.+2 табл.

Карицкій А. Д. Слѣды юрскаго періода по правому берегу р. Днѣпра въ каневскомъ у. кіев. г. Геологич. очеркъ (съ геол. картою) Спб. 8 д.102стр.

Каро Як. проф. Беата и Гальшка. Истор. разск. изъ пол.-рус. жизни. XVI в. Перев. съ нѣм. Н. М. (Оттискъ изъ «Кіев. Стар.») К. 8 д. 77 стр.

Кернереико Г. Правдыва казка. Оповидання. Выдання друге. Х. 16 д. 15 стр.

Комаровъ М. Нова збирка народнихъ малоруськихъ прыказокъ, прысливьевъ, помовокъ, загадокъ, и замовлянь. Од. 8 д. Х+124 стр.

Котляревскій И. П. Москаль-чаривникъ. Малорос. водевиль въ 1-мъ дѣйст. М. Изд. Сытина и К°. 16 д. 72 стр.

Котляревскій И. П. Москаль-чаривникъ. Малорос. водев. въ 1 дѣйст. Изд. 9 Гомолинскаго. К. 16 д. 53 стр.

Кояловичъ М. проф. Разборъ соч. П. О. Бобровскаго: «Русская грекоуніатская церковь въ царствованіе имп. Александра I» и указаніе на основаніи архивныхъ документовъ иной постановки всѣхъ главныхъ уніатскихъ вопросовъ того времени. (Извл. изъ «Ж. М-ва Н. Пр.»). Спб. 8 д. 71 стр.

Кырпатый О. Дохторъ. Частына зъ оповид. «Черезъ вищо баба Макрына богомилкою стала.» Х. 16 д. 28 стр.

Кырпатый О. На паньскому обиди. (Бувальщина) Х. 16 д. 18 стр.

Кырпатый О. Чумацьке лыхо. (Зъ народныхъ устъ). Опов. Х. 16 д. 27 стр.

Łapczyński K. Rośliny z okolic Białej Cerkwi (Otbitka z Pamiętnika Fisyjograficznego) Варш. 8 д. 21 стр.

Луньякъ И. О происхожденіи именъ Чехъ, Лехъ, Русь и Славяне. Каз. 8 д. 15 стр.

Малорусскіе домашніе лѣчебники XVIII в. Съ пред. А. Потебни. (От. изъ «Кіев. Стар.»). К. 8 д. IV+59 стр.

Маркевичъ А. И. Двадцатипятилѣтіе Имп. Новороссійскаго университета. Истор. записка и академич. списки. Од. 8 д. XV+734+XC стр.

Масловичъ В. Г. Сказка про Харька, основателя Харькова, про его дочь Гапку и батрака Якива. Писано въ 1815 г. Изд. Н. Масловича Х. 16 д. 37 стр.

Мемуары, относящіеся къ исторіи южной Руси. Вып. I (XVI ст.) Пер. К. Мельникъ. (Подъ ред. В. Антоновича). К. 8 д. III+190 стр.

Наймичка. Повѣстьизъ малороссійской жизни.Изд.Губанова М.16 д.72 стр.

Отчетъ попечителя кіевскаго учебнаго округа о состояніи: I глуховскаго учительскаго института и II учительскихъ семинарій за 1889 годъ. К. 8 д. 27+8 стр. и 27 вѣдомостей.

Памятная книжка кіевской губ. на 1890 г. Изд. кіев. губ. стат. ком. подъ ред. Д. И. Навротскаго. К. 8 д. IV+184+130+19 стр.

Пачоскій І. Матеріалы для флоры степей ю.-в. части херсонской губ. (От. изъ XI т. Зап. кіев. общ. естество испытателей). К. 8 д. 135 стр.

177 *Погодинъ А.* Какъ живется червоннорусамъ (Быль, разсказанная Цѣневичемъ). Спб. 8 д. 14+179 стр.

Р—а П. З. Вовче лыхо. Опов. Выд. Гомолинського. К. 16 д. 16 стр.

Рубецъ А. Сборникъ украинскихъ народныхъ пѣсенъ для одного голоса съ акомпан. фортепіано. Вып. V. М. 8 д. 21 стр.

Сапуновъ А. Двинскіе или Борисовы камни. Изслѣдованіе. Изд. витебск. губ. стат. ком. Витебскъ. 8 д. 31 стр. и XI табл. снимковъ.

Сборникъ харьковскаго историко-филологич. общества. Т 2. X. 8 д. XVI+433+4 нен.+194+VII+81+II+39 стр.

Свенцицкій О. Н. Чоботы. Малорос. водев. въ 1 д. съ пѣніемъ и танцами. К. 8 д. 32 стр.

Св. Димитрій Ростовскій (съ изображеніемъ). Спб. 8 д. 8 стр.

Труды VI археологич. съѣзда въ Одессѣ (1884 г.). Т. IV. Съ планомъ, табл. и общ. указателями. Од. 4 д. 280+32+4 нен. стр.

Устенко-Гармашъ Ѳ. М. Смиховыны Сборникъ малорус. сценъ, разсказовъ и загадокъ. Выд. Гомолинського. К. 16 д. 93 стр.

Филевичъ И. Борьба Польши и Литвы-Руси за галицко-владимірское наслѣдіе. Истор. очеркъ. Спб. 8 д. X+233 стр.

Харьковскій календарь на 1890 годъ. Въ 2 книгахъ. Изд. харьк. губ. стат. ком. X. 8 д. X+283+216+133 стр.

Chlebowski B. и Walewshi W. Slownik geograficzny królestwa polskiego i innych krajow słowiańskich. Zeszyt 120. Tom X. Варш. 4 д. 881—960 стр.

Чалый М. К. Воспоминанія (1826—1844). Отт. «Кіев. Ст.». К. 8 д. 318 стр.

Чтенія въ историческомъ обществѣ Нестора-лѣтописца. Кн. IV. Изд. подъ ред. Н. П. Дашкевича. К. 8 д. 16+214+141 стр. и 3 табл. рис.

Ч—чъ О. Тираспольскіе помѣщики тридцать лѣтъ назадъ. Дневникъ депутата отъ дворянъ херсон. г. тирасп. у. по дѣлу объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Од. 4 д. 14 стр.

Шейнъ П. В. Матеріалы для изученія быта и языка русскаго населенія сѣв.-зап. края. Т. I, ч. II. Бытовая и семейная жизнь бѣлорусса въ обрядахъ и пѣсняхъ. Спб. 8 д. XXXI+708 стр., 2 рис. и 4 стр. нотъ.

Юргевичъ В. Краткій указатель музея Имп. одесскаго общ. исторіи и древностей. Изд. 2-е доп. и испр. Од. 8 д. 100 стр.

Якубовичъ К. Ѳ. Кіевъ, какъ колыбель русской драмы. Рѣчь, произн. 8 янв. 1890 г. въ торжеств. собраніи членовъ кіев. рус. драм. общ. К. 16 д. 32 стр.

Ясинскій М. Н. Къ исторіи крестьянскихъ движеній въ Россіи. Волненія помѣщичьихъ крестьянъ кіев. губ. въ 1855 г. (От. изъ IV кн. «Чтеній въ ист. общ. Нестора»). К. 8 д. 54 стр.

МАРКОВИЧИ.

А. И. Маркевича.

КІЕВЪ.
Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., домъ № 4.
1890.

РОДОСЛОВНАЯ МАРКОВИЧЕЙ.

Отцевск. №

I.

1. Авраамъ—владѣлъ землями въ прилуцкомъ полку.

II.

2. Маркъ, обыватель прилуцкій, арендарь пирятинскій; умеръ въ августѣ 1712 г. и похороненъ въ Густынскомъ монастырѣ. Женатъ на дочери богатаго мѣщанина Григорія Корніенка, прилуцкаго войта, позднѣе прозывавшагося Ограновичемъ, предка этой фамиліи. 1
Дочь—по мужу Бендычка 1

III.

3. Андрей, родился около 1674 г.; сотникъ глуховской въ 1709—1714 г., полковникъ лубенскій въ 1714—1729 г.; генеральный подскарбій 1729—1740 г.; получилъ потомственное дворянство въ 1736 г.; генеральный обозный въ отставкѣ съ 1740 г.; † 3 генваря 1747 г. и похороненъ въ церкви Св. Духа въ Ромнахъ. Женатъ на дочери кролевецкаго сотника Маковскаго Аннѣ Ивановнѣ; † 9 августа 1743 г. и погребена тамъ же, гдѣ и мужъ. 2
4. Иванъ, прилуцкій судья; † 19 окт. 1724 г. бездѣтнымъ и погребенъ въ церкви Св. Троицы въ Густынскомъ монастырѣ. Женатъ на Софьѣ Кондратьевнѣ NN . . . 2

Отцевск. №

5. Федоръ, знатный войсковой товарищъ въ 1711 г., бунчуковый товарищъ; наказной полковникъ прилуцкій, потомъ гадяцкій; † около 1738 г. и похороненъ въ церкви Св. Николая въ с. Сорочинцахъ возлѣ г. Прилукъ. Женатъ на дочери переяславскаго полковника Тамары Екатеринѣ Степановнѣ (ея первый мужъ) 2

Анастасія, † 19 дек. 1729 г. и погребена въ Гамалѣевскомъ монастырѣ глуховскаго уѣзда. Замужемъ была за: 1) генеральнымъ бунчужнымъ Конст. Ив. Голубомъ (вторая его жена) и 2) за гетманомъ Ив. Ильич. Скоропадскимъ. 2

Ирина за бунчуков. товарищемъ Ст. Михайл. Миклашевскимъ, сыномъ полковника стародубскаго 2

Пелагея за Андр. Гонзеровскимъ, господаремъ (домоправителемъ) у гетмана Скоропадскаго. 2

Марина за Павл. Имшенецкимъ. 2

Параскевія, † 4 марта 1730 г., за бунчук. товарищемъ Демьян. Якубовичемъ 2

Дочь, за И. Даровскимъ, господаремъ у гетмана Скоропадскаго (первая его жена), † 1721 г. 2

Дочь (?) 2

IV.

6. Яковъ; родился около 1696 г.; знатный войсковой товарищъ, потомъ бунчуковый товарищъ; наказной полковникъ лубенскій въ 1724—1725 г. и генеральный подскарбій въ отставкѣ съ 1762 г.; † 23 апр. 1770 г. и погребенъ въ с. Сварковѣ. Женатъ на: 1) дочери черниговскаго полковника Полуботка Еленѣ Павловнѣ, † 1745 г. и 2) Маріи Прохоровнѣ Миткевичевой, по первому мужу Яворской, † 1790 г. 3

7. Андрей, бунчуковый товарищъ, † 4 февр. 1728 въ Ромнахъ; женатъ на дочери сумскаго полковника Кондратьева Аннѣ Ивановнѣ, † 1729. 3

8. Марко, бунчуковый товарищъ, † 1754 г. въ Москвѣ,

Отцевск. №

гдѣ и погребенъ въ церкви Ап. Петра и Павла. Женатъ на дочери стародубскаго эсаула Марфѣ Семеновнѣ Березовской, † 1779. 3

9. Лука, бунчуковый товарищъ, † до 1747 г. Жена его была во второмъ бракѣ за стародубскимъ полковникомъ Федор. Дмитр. Максимовичемъ 3

10. Семенъ, сотникъ роменскій, † 1738 г. въ Крыму. Женатъ на: 1) дочери ахтырскаго полковника Лесевицкаго Праскевіи Алексѣевнѣ, † 1730 г., и 2) дочери генер. хорунжаго Горленка Зиновіи Акимовнѣ (ея первый мужъ). 3

11. Иванъ, сотникъ роменскій въ 1742 г., потомъ обозный полковой лубенскій, † въ декабрѣ 1760 г. Женатъ на: 1) дочери господаря гадяцкаго замка, внучкѣ гетмана Апостола, Настасьи Ивановнѣ Ломиковской и 2) дочери полковника сумскаго Романова Марфѣ, его пережившей. 3

Елена (Олеся), † до 1747 г., замужемъ за Яким. Троцкимъ, наказнымъ полковникомъ миргородскимъ, † 1751 г. 3

12. Дмитрій, бунчуковый товарищъ, † не ранѣе 1751 г.; женатъ на дочери лубенскаго судьи Жуковскаго . . . 5

13. Андрей, бунчуковый товарищъ, а послѣ 1763 г. прилуцкій подкоморій; женатъ на дочери полтавскаго полковника Горленка Ульянѣ Андреевнѣ 5

14. Григорій, † до 1747 г. бездѣтнымъ 5

15. Василій, лейбъ гвардіи преображенскаго полка капитанъ лейтенантъ, † послѣ 1747 г., былъ женатъ 5

16. Михаилъ, бунчуковый товарищъ переяславскій, † не раньше 1743 и не позже 1747 г. бездѣтнымъ . . . 5

17. Иванъ, † до 1747 г.; женатъ на Евфросиніи Федоровнѣ Думитрашко Раичъ, † около 1761 г. 5

Марія за Ширяемъ. 5

V.

18. Семенъ р. 16 апр. 1725 г. † 1726 г. 6

19. Андрей р. 27 ноября 1735 г. † 10 апр. 1749 г. . 6

Огцовск. №

20. Сынъ р. 24 февр. 1737 г. † младенцемъ. 6
21. Михаилъ р. 18 апр. 1752 г., титулярный совѣтникъ въ 1797 г., † 18.. г. и погребенъ въ с. Сварковѣ; женатъ на дочери полковника Забѣлы Анастасіи Петровнѣ. 6
22. Гавріилъ р. 8 іюля 1753 г. † 30 іюля 1754 г. . . 6
Анна † 1757 г.; замужемъ за сыномъ стародубскаго полковаго обознаго Степан. Афан. Есимонтовскимъ . . 6
Пелагея † 1744 г.; замужемъ за сотникомъ лукомскимъ Степ. Пиковцемъ 6
Анастасія р. 1722 г. † 3 дек. 1724 г. 6
Анастасія р. 30 окт. 1749 г., за кролевецкимъ предводителемъ дворянства Н. И. Забѣлою, † не раньше 1783 г. 6
Анна р. 19 авг. 1754 г, † 6 ноября 1757 г. . . 6
Ирина р. 7 ноября 1757 г., † не раньше 1766 г. . 6
Марина р. 16 іюня 1759 г., † 8 дек. 1759 г. . . 6
23. Иванъ, батуринскій подкоморій, потомъ коропскій предводитель дворянства и надворный совѣтникъ; † между 1786 и 1797 г.; женатъ на дочери сотника Максимовича Наталіи Васильевнѣ, † 1783—1786 г. 7
Анастасія 7
Анна за Иваномъ Бѣлоровскимъ. 7
Ульяна за Лукьяновичемъ. 7
24. Андрей, бунчуковый товарищъ, † между 1756 и 1797 г., женатъ на Авдотьѣ Алексѣенковой 8
25. Иванъ р. 1733 г., умеръ во младенчествѣ 8
26. Маркъ умеръ во младенчествѣ 8
27. Іосифъ, въ 1797 г. надворный совѣтникъ и судья земскій роменскаго повѣта; † бездѣтнымъ 8
Дочь за сыномъ полковаго обознаго лубенскаго Иваномъ Ивановичемъ Кулябкою. 8
Анна, за войсковымъ товарищемъ Никол. Ив. Гамалѣею. 9
28. Иванъ р. 8 мая 1727 г., † 24 іюля 1750 г. бездѣтнымъ; женатъ на дочери котельвскаго сотника Іосифа Романовича Гнѣдича, его пережившей 10

Отцевск. №

29. Иванъ, бунчуковый товарищъ, потомъ коллежскій ассессоръ; умеръ между 1764 и 1797 г., былъ женатъ . . . 10
Варвара р. 4 дек. 1733 г. 10
Анна. 10
30. Андрей, въ 1797 г. арміи полковникъ; † бездѣтнымъ . 11
Дочь за отставнымъ маіоромъ Козьмою Андреевичемъ Полетикою 11
31. Константинъ, бунчуковый товарищъ; женатъ на Варварѣ NN 12
32. Иванъ, коллежскій ассессоръ; женатъ на Варварѣ Васильевнѣ Кулябкѣ Корецкой 12
33. Иванъ р. 1747 г., старшій совѣтникъ гражданскаго суда Новгородъ Сѣверскаго намѣстничества, † 1814 г.; женатъ на Елисаветѣ Васильевнѣ Кочубей 13
34. Владиміръ; былъ женатъ 13
Елена за Яковомъ Никитичемъ Мандрыкою 13
Праскевія за Дурново. 13
Анна за Максимовичемъ 13
35. Евграфъ р. 1746 г.; † молодымъ 15
36. Яковъ, переяславскій бунчуковый товарищъ съ 1767 г.; женатъ 2 раза: на Маріи Григорьевнѣ Иваненко и на Аннѣ Семеновнѣ Сулимѣ 17
Екатерина, за капитаномъ Петромъ Лукашевичемъ . . 17

VI.

37. Яковъ р. 16 окт. 1776 г.; въ 1797 г. былъ на службѣ; послѣ 1798 г. † въ С.-Петербургѣ молодымъ. . . . 21
38. Петръ р. 18 ноября 1782 г.; въ 1797 г. недоросль; † молодымъ. 21
39. Андрей р. 3 янв. 1785 г.; въ 1797 г. учился въ Морскомъ Корпусѣ въ С.-Петербургѣ, потомъ мичманъ, † 18.. г. въ с. Мечетѣ (пирят. у., полт. губ.); женатъ на Аннѣ Александровнѣ Иваненко 21
40. Александръ р. 24 авг. 1790 г.; въ 1797 г. недо-

Отцевск. №

рось; глуховской повѣтовый судья 1820—1821; глуховск. уѣздн. предводитель дворянства 1826—1827 г.; генеральный судья 1827—1831 г.; черниг. губернск. предводитель дворянства 1832—1838 г.; членъ черниговск. губернск. комитета по освобожденію крестьянъ; † 15 дек. 1865 г. бездѣтнымъ и погребенъ въ с. Сварковѣ (глуховск. у.). 21

Анна р. 25 іюля 1775 г., † 16 дек. 1796 г.; замужемъ за Василіемъ Петровичемъ Лизогубомъ . . . 21

Марія р. 17 іюля 1778 г.; за Алексѣемъ Алексѣевичемъ Литвиновымъ 21

Феодосія р. 21 ап. 1780 г.; † ф. 1819 г., за Похвистневымъ . 21

Ульяна, р. 14 авг. 1781. 21

Елисавета р. 7 апр. 1794 г., † 1 авг. 1866 г., за Павломъ Ивановичемъ Лузановымъ 21

41. Михаилъ; въ 1797 г. маіоръ въ отставкѣ, потомъ коропскій уѣздный предводитель дворянства; женатъ на: 1) дочери сотника ивангородскаго Конискаго Иринѣ и 2) Сердюковой 23

42. Николай; въ 1797 г. капитанъ въ отставкѣ; женатъ . 23

43. Василій; служилъ въ кавалергардахъ; въ 1797 г. маіоръ въ отставкѣ, † не женатымъ. 23

44. Матвей; въ 1797 г. подпоручикъ въ отставкѣ . . . 24

45. Иванъ, коллежскій канцелярист; въ отставку вышелъ, не имѣя чина, † до 1797 г.; женатъ на Аннѣ Ивановнѣ NN (во второмъ бракѣ за Керстиномъ). . . . 29

46. Петръ, полковой канцелярист, † до 1797 г. бездѣтнымъ. 29

47. Иванъ р. до 1784 г.; женатъ 31

48. Михаилъ р. до 1784 г.; женатъ 31

49. Андрей р. до 1784 г. † молодымъ. 31

Елисавета 31

Евдокія за Мирославскимъ 31

Отцевск. №

50. Василій; женатъ на Праскевіи Васильевнѣ Родзянко. . 32
51. Дмитрій, отставной прапорщикъ; женатъ на Анастасіи Ивановнѣ Лукомской 32
52. Александръ; женатъ на Матренѣ Фоминичнѣ Мандрыкѣ . 32
53. Илья; женатъ на Варварѣ Николаевнѣ Кобеляцкой . . 32
54. Петръ; женатъ на: 1) Маріи Васильевнѣ Ограновичъ и 2) Евдокіи Андреевнѣ Брежинской. 32
Любовь за Александромъ Игнатьевичемъ Гижицкимъ. . 32
55. Андрей р. 1782; прилуцкій уѣздный предводитель дворянства; † 1831 г.; женатъ на графинѣ Анастасіи Васильевнѣ Гудовичъ. 33
Пульхерія за Михаиломъ Яковлевичемъ Скоропадскимъ . 33
56. Иванъ; умеръ бездѣтнымъ. 34
Софія за докторомъ французской гвардіи г. Де ла Флизъ. 34
Марія 34
57. Михаилъ. Сержантъ курскаго пѣхотнаго полка въ 1784 г., подсудокъ переяславскій въ 1804 г., штабъ капитанъ; † до 1826 г.; женатъ на Маріи Акимовнѣ Сулимѣ, дочери генеральнаго судьи 36
Дочь за Бѣлухою Кохановскимъ. 36

VII.

58. Александръ р. 1 февр. 1811 г., † молодымъ . . . 39
59. Николай р. 22 дек. 1819 г.; юношею утонулъ въ Днѣпрѣ 39
60. Михаилъ р. 20 окт. 1821 г., статскій совѣтникъ, новгородъ сѣверскій уѣздный предводитель дворянства, † 3 дек. 1883 г. бездѣтнымъ; женатъ на Наталіи Матвеевнѣ Остроградской 39
61. Дмитрій, корнетъ, † 1874 г. бездѣтнымъ; женатъ на дочери кіевскаго коменданта генерала Гебеля Софіи Густавовнѣ. 39
62. Андрей † 1886 г. бездѣтнымъ; женатъ на Александрѣ Львовнѣ Свѣчкѣ 39

Отцевск. №

63. Парменъ, статскій совѣтникъ, предводитель дворянства глуховскаго уѣзда 1875—1888 г.; женатъ на Ульянѣ Семеновнѣ Трифановской 39
64. Борисъ; предводитель дворянства конотопскаго уѣзда въ 1880 г.; женатъ на Еленѣ Николаевнѣ Иваненко . . 39
Анастасія р. 20 янв. 1812 г., за А. М. Щербакомъ . 39
Екатерина р. 20 янв. 1812 г., за П. А. Шимковымъ. 39
Евдокія р. 27 февр. 1813 г.. за П. Пригарою. . . 39
Варвара р. 14 апр. 1816 г., за Витал. И. Лизогубомъ. 39
Софья за Павл. И. Рудановскимъ 39
65. Семенъ † не женатымъ 41
66. Иванъ, полковникъ, † бездѣтнымъ 41
67. Матвей, штабъ капитанъ въ отставкѣ, †; женатъ на дочери сосницкаго уѣзднаго предводителя дворянства Маріѣ Мойсеевнѣ Бобырь. 41
Пелагія 41
68. Илья р. до 1784 г., коллежскій секретарь, † до 1822 г.; женатъ на Ульянѣ Петровнѣ NN 52
Варвара за г. Дубровой 42
69. Василій р. 1780 г. (въ д. Яру); въ 1797 г. былъ на службѣ, коллежскій ассессоръ, †; женатъ на Еленѣ Леонтьевнѣ Керстичъ (?). 45
70. Дмитрій, прилуцкій уѣздный судья, †; женатъ на Надеждѣ Александровнѣ Марковичъ (дочери № 52). . . 47
71. Сергѣй † бездѣтнымъ; женатъ на Екатеринѣ Александровнѣ Милорадовичъ. 47
Софія за: 1) г. Стороженкои 2) Михаил. Алексѣев. Діаконовымъ. 47
72. Федоръ, прапорщикъ, †; былъ женатъ 48
73. Арсеній †, былъ женатъ 48
Варвара. 48
Варвара за Лаврентіемъ Андреевичемъ Раковичемъ . . 50
74. Спиридонъ †, женатъ на Матренѣ Степановнѣ Сулимѣ (ея первый мужъ) 51

Отцевск. №

75. Андрей, † молодымъ 51
76. Василій, † молодымъ 51
Варвара за г. Денисевскимъ 51
Марія 51
Анна за Павл. Ив. Данчичемъ 51
Дарья за г. Бовеномъ 51
Елисавета 51
Наталья за Эразм. Жолкевскимъ 51
Софья 51
Надежда за Дмитріемъ Ивановичемъ Марковичемъ (№ 70)
77. Николай, служилъ въ военной службѣ, женатъ . . . 53
78. Владиміръ, былъ членомъ полтавской губернской земской управы 53
79. Петръ; женатъ 53
80. Александръ 53
Александра за Ант. Вас. Танскимъ 53
Софья 53
81. Иванъ р. 1819 г., корнетъ въ отставкѣ, † 1854 г.; женатъ на Любови Александровнѣ Брежинской . . . 54
82. Николай, † молодымъ 54
83. Владиміръ, † молодымъ 54
84. Константинъ; служилъ въ военной службѣ, затѣмъ членомъ прилуцкой межевой конторы и въ одесской городской полиціи; † не женатымъ. 54
Варвара за Ананіемъ Иван. Брежинскимъ 54
Елисавета за Викторомъ Васил. Новицкимъ 54
85. Николай, р. 26 янв. 1804 г., историкъ, † 9 іюля 1860 г., женатъ на Ульянѣ Александровнѣ Раковичъ . . . 55
86. Михаилъ, р. 1808 г., прилуцкій уѣздный предводитель дворянства, †; женатъ на Екатеринѣ Васильевнѣ Лобысевичъ 55
Елисавета за дѣйств. стат, сов. Вас. А. Хелмскимъ . . 55
Евдокія за генер. маіор. Афанас. Ив. Фрицомъ . . . 55

Отцевск. №

Варвара за Конст. Ив. Ушаковымъ 55
87. Иванъ, р. 1805 г., служилъ въ военной службѣ, †; женатъ на 1) Варварѣ Николаевнѣ Кулябкѣ и 2) Ольгѣ Семеновнѣ Троцкой. 57
88. Николай р. 1808 г., † послѣ 1826 г. 57
89. Михаилъ р. 1811 г., † 57

VIII.

90. Андрей р. 1862 г. 63
91. Парменъ р. 1864 г. 63
92. Николай р. 1869 г. 63
93. Семенъ р. 1870 г., † молодымъ 63
Марія р. 1863 г., за Петромъ Яковлевичемъ Дорошенкомъ 63
Анна, † молодою 63
Елена р. 1867 г. 63
Варвара р. 1877 г. 63
Ольга р. 1878 г. 63
94. Андрей † молодымъ 64
95. Александръ 64
96. Сергѣй 64
97. Николай 64
Марія 64
Ольга 64
Анна, † молодою 64
Екатерина 64
98. Иванъ, почетный мировой судья сосницкаго уѣзда . . 67
99. Яковъ р. 1812 г., капитанъ въ отставкѣ; женатъ на Подберезской 68
100. Петръ р. 1813 г.; коллежскій регистраторъ въ отставкѣ, женатъ на Юницкой 68
101. Григорій р. 1817, въ 1840 г. поручикъ, потомъ надворный совѣтникъ въ отставкѣ; женатъ на 1) Христинѣ Ивановнѣ Соломкиной и 2) Татьянѣ Николаевнѣ Полѣновой 68

Отцевск. №

102. Николай р. 1821 г., † молодымъ 68
Варвара р. 1815 г.; за г. Енко-Даровскимъ. . . . 68
103. Александръ, бездѣтенъ 69
104. Иванъ, бездѣтенъ 69
105. Аполлонъ 69
106. Модестъ 69
107. Василій 69
108. Афанасій, этнографъ; женатъ на Маріи Александровнѣ Велинской (Марко-Вовчокъ), ея первый мужъ. . . . 69
109. Венедиктъ р. 1825 69
110. Александръ † молодымъ 70
111. Митрофанъ; женатъ на Натальѣ Ивановнѣ Лихошерстовой 70
112. Петръ 70
Марія † 70
Вѣра † 70
113. Алексѣй † не женатымъ 72
Варвара за Никол. Ив. Грековымъ. 72
Марія †; за Михаил. Иванов. Данчичемъ (вторая его жена) 73
Елена за княземъ Семеномъ Евстафьевичемъ Жеваховымъ 73
Вѣра за г. Прохоровымъ. 74
114. Илья 77
Дочь 77
115. Петръ; полковникъ; женатъ на Беатѣ Вильгельминовнѣ Мансфельдъ. 81
116. Александръ † молодымъ 81
117. Алексѣй, р. 1847 г., статскій совѣтникъ, докторъ русской исторіи; женатъ на Любови Семеновнѣ Москалевой . . 81
118. Николай † молодымъ 81
119. Митрофанъ, подполковникъ артиллеріи 81
120. Иванъ † молодымъ 81
121. Василій, коллежскій совѣтникъ 81
Вѣра † молодою 81

Отцевск. №

Юлія, за Василіемъ Петровичемъ Новицкимъ 81
Варвара † молодою 81
122. Андрей, тайный совѣтникъ и сенаторъ; женатъ на Надеждѣ Григорьевнѣ Карташевской 85
123. Александръ; женатъ на Маріи Михайловнѣ Иваненко . 85
124. Владиміръ † не женатымъ 85
125. Михаилъ; женатъ на Надеждѣ Владиміровнѣ Карташевской 85
126. Николай †; женатъ на Наталіи Павловнѣ Сомовой . . 85
127. Ипполитъ; женатъ на Анисіи Митрофановнѣ №№. . . 86
Ольга за Михаиломъ Александровичемъ Раковичемъ . . 86
Надежда †; за Василіемъ Васильевичемъ Кочубеемъ (первая жена его) 86
Вѣра †; за Петромъ Дмитріевичемъ Иловайскимъ . . 86
Екатерина за Василіемъ Семеновичемъ Трифановскимъ . 86
128. Василій 87
129. Ипполитъ, мировой судья переяславскаго уѣзда; женатъ на Иваненковой. 87
130. Петръ 87
131. Александръ 87
132. Андрей 87
133. Михаилъ † молодымъ 87
134. Николай † молодымъ 87
135. Михаилъ † молодымъ 87

IX.

136. Николай 99
137. Галактіонъ 100
Дочь 100
Дочь 100
138. Владиміръ р. 1847 г.; женатъ на Александрѣ Николаевнѣ NN.
139. Константинъ 101
140. Николай р. 1853 г. 101
141. Александръ 105

Отцевск. №

Марія 105
Манефа 105
142. Николай 106
Вѣра 106
143. Дмитрій 107
144. Василій 107
Елена за Солодкимъ 107
Варвара за Гораинымъ 107
Марія за Бржозовскимъ 107
Антонина 107
Софія 107
Елисавета за Калюжнымъ 107
145. Богданъ; женатъ 108
146. Владиміръ 111
Надежда 111
147. Иванъ 115
Любовь 115
Елена 115
148. Николай; женатъ на Любови Николаевнѣ Кармалиной . 122
149. Дмитрій 122
150. Юрій 122
151. Михаилъ 123
152. Илья 123
153. Николай 123
154. Александръ 123
155. Владиміръ 125
Любовь 125
156. Николай 126
157. Борисъ 126
Ольга 126

X.

158. Александръ р. 1869 г. 138
159. Сынъ 145

Гербъ рода Марковичей помѣщенъ въ общемъ гербовикѣ дворянскихъ родовъ Россійской Имперіи Ч. VII, 2 отдѣл., стр. 170.

Почему Марковичи имѣютъ именно этотъ гербъ, не зналъ уже въ 1797 г. Іосифъ Марковичъ, который заявлялъ: а по какому праву и случаю присвоенъ (гербъ этотъ Марковичамъ), по древности покрыто неизвѣстностью. Роменскій маршалъ Андрей Полетика и другіе чиновные роменцы тоже засвидѣтельствовали, что гербъ этотъ издавна употреблялся и употребляется фамиліей Марковичей. Изъ дѣлъ, находящихся въ Департаментѣ Герольдіи, видно, что показаніе это совершенно справедливо. Не былъ ли этотъ гербъ данъ Андрею Марковичу (№ 3) въ 1736 г. при пожалованіи его дворянствомъ? Какъ бы то ни было, но Іосифъ Марковичъ представилъ гербъ своего рода въ 1798 г. въ Герольдію, хлопоча о внесеніи рода Марковичей въ гербовникъ, чего, какъ видно, и достигъ.

Намъ однако стало извѣстно, что нѣкоторые Марковичи, нашего же рода, употребляютъ и другіе гербы; чаще всего это лебедь—гербъ западно-русскихъ Маркевичей, и смѣшеніе здѣсь понятно; но употребляются и иные совершенно необъяснимые гербы.

Родъ нашъ писался прежде Марковичи; но потомъ нѣкоторыя семейства стали писаться Маркевичи, можетъ быть по сходству съ тѣми Маркевичами, которые жили въ западной Руси, были католики и произносили свою фамилію Маркéвичи. Есть извѣстіе, что впервые сталъ писаться Маркевичемъ Иванъ Андреевичъ (№ 33), и это очень вѣроятно, такъ какъ Маркевичемъ писался и внукъ его, историкъ Николай Андреевичъ Маркевичъ. Такъ писались до послѣдняго времени и его сыновья, изъ которыхъ старшій, сенаторъ Андрей Николаевичъ, недавно возстановилъ съ Высочайшаго разрѣшенія для своей семьи право писаться Марковичами. По авторитету историка Маркевичами стали писаться и иные Марковичи, въ томъ числѣ и мой отецъ, очень близкій къ покойному историку человѣкъ, а затѣмъ такъ пишетъ себя и слѣдующее поколѣніе Марковичей—уже

имѣющихъ въ русскомъ языкѣ тенденцію переходить одна въ другую. Но иные нашего же рода по прежнему пишутся Марковичами.

Впрочемъ, въ западной Руси и вообще въ Рѣчи Посполитой были не только Маркевичи, но и Марковичи—см. далѣе въ приложеніи.

Примѣчанія къ родословной Марковичей.

Настоящая родословная составлена нами главнымъ образомъ на основаніи различныхъ бумагъ рода Марковичей (Маркевичей), предоставленныхъ въ наше распоряженіе, какъ нѣкоторыми членами этой фамиліи, такъ и иными лицами. Въ этомъ отношеніи особенную важность имѣютъ слѣдующіе акты: а) Копія съ родословной Марковичей старшей линіи (отъ Андрея Марковича—№ 3 нашей родословной), поданной однимъ изъ членовъ этого рода Іосифомъ Марковичемъ (№ 27) 1797 г. декабря 15-го въ земскій судъ роменскаго повѣта. Составитель родословной могъ хорошо знать своихъ близкихъ родичей, жившихъ около половины XVIII в.; отъ нихъ онъ могъ имѣть свѣдѣнія и о такихъ родичахъ, которые жили нѣсколько раньше; тѣмъ болѣе, что составитель родословной, какъ сказано будетъ ниже, своимъ родомъ интересовался. Впрочемъ, онъ не помѣстилъ въ родословную нѣкоторыхъ, извѣстныхъ намъ изъ другихъ источниковъ, своихъ родичей—Марковичей первой половины XVIII в., даже родныхъ братьевъ, умершихъ въ молодыхъ лѣтахъ. Копія, о которой мы говоримъ, сохранилась въ фамильныхъ бумагахъ почетнаго мироваго судьи роменскаго уѣзда К. П. Лукьяновича; ее прислалъ нѣкогда одинъ изъ Лукьяновичей другому въ образецъ для составленія родословной Лукьяновичей, которые были родственниками Марковичей (см. въ нашей родословной, дочь № 7); б) Духовное завѣщаніе Федора Марковича (№ 5) 1737 года и в) уступочное письмо его вдовы дѣтямъ на различныя имѣнія 1747 года. Копіи съ этихъ двухъ документовъ сохранились у переяславскаго мироваго судьи И. И. Марковича (№ 129), отъ котораго мы получили и другія его фамильныя бумаги, возстано-

вляющія родословную Марковичей, происходящихъ отъ одного изъ сыновей Федора Марковича—Ивана (№ 17 въ нашей родословной).

Многія свѣдѣнія о родѣ Марковичей, относящіяся къ первой половинѣ XVIII в. и даже къ концу XVII в., собраны въ статьѣ А. М. Лазаревскаго: Марковичи, напечатанной въ журналѣ „Кіевская Старина“ за 1884 г. № 1; причемъ авторъ заимствовалъ данныя преимущественно изъ Дневныхъ записокъ малороссійскаго подскарбія генеральнаго Якова Марковича (Москва, 1859 г., два тома), хотя и не воспользовался всѣмъ находящимся въ этихъ запискахъ о родѣ Марковичей матерьяломъ, который можетъ еще пополниться, когда Записки Якова Марковича (№ 6) будутъ изданы полностью въ томъ видѣ, какъ онѣ сохранились. Нѣкоторыя свѣдѣнія о Марковичахъ находятся и въ статьѣ П. Я. Дорошенка: Два письма историка Н. Ан. Маркевича (№ 85), напечатанной тоже въ „Кіевской Старинѣ“ за 1885 г. № 12. Авторъ статьи располагаетъ однако еще и иными данными, добытыми имъ изъ фамильныхъ бумагъ тѣхъ Марковичей, потомковъ Якова Марковича (№ 6), которые владѣли селомъ Сварковымъ, глуховскаго уѣзда, черниговской губерніи. Нѣкоторыя свѣдѣнія были любезно сообщены намъ г. Дорошенкомъ и мы воспользовались ими для настоящей родословной.

Затѣмъ мы разсмотрѣли тѣ дѣла о Марковичахъ-Маркевичахъ, которыя находятся въ Архивѣ Департамента Герольдіи, и извлекли изъ нихъ много родословныхъ показаній; въ большинствѣ случаевъ дѣла эти заключаются въ томъ, что различные Марковичи (Маркевичи) доказываютъ свое дворянское происхожденіе съ цѣлью поступленія въ военную службу. Ходатайства ихъ всегда бывали настолько основательны и подкрѣплены документами, что увѣнчивались успѣхомъ; причемъ курьезно то, что Марковичи одного и того же рода попадали въ различныя части родословной книги—I, II и VI.

Къ сожалѣнію мы не пользовались дворянскими родословными книгами, хранящимися въ Черниговѣ и Полтавѣ, т. е. въ губернскихъ городахъ тѣхъ губерній, гдѣ почти исключительно жили

Марковичи, родословная которыхъ нами печатается; но мы не думаемъ, чтобы мы нашли тамъ что либо новое, такъ какъ считаемъ родословную этихъ Марковичей достаточно выясненною.

Еще о кое какихъ актахъ, откуда заимствованы нами отдѣльныя показанія о родѣ Марковичей, будемъ говорить въ примѣчаніяхъ къ этимъ показаніямъ.

Пользовались мы, сверхъ записокъ Якова Марковича (№ 6) и указанныхъ выше статей А. М. Лазаревскаго и П. Я. Дорошенка, еще нѣкоторыми печатными источниками: напр., дневникомъ Ханенка, историко-статистическимъ описаніемъ черниговской епархіи архіеп. Филарета, историко-статистическимъ описаніемъ роменскаго Святодуховскаго собора, сост. И. Ал. Курловымъ (Ромны), и др., указанными въ своемъ мѣстѣ. Ожидаемъ сообщенія о Марковичахъ, если не новыхъ, то болѣе обстоятельныхъ свѣдѣній въ начавшемся издаваться Описаніи Старой Малороссіи А. М. Лазаревскаго; впрочемъ, въ недавно появившемся 1-мъ томѣ заключающемъ описаніе стародубскаго полка, свѣдѣній о Марковичахъ найдено нами немного.

Родословная Марковичей, довольно обстоятельная и доведенная почти до настоящаго времени, напечатана въ Родословной книгѣ, изданной Русской Стариной въ 1873 г. т. I, стр. 225 и слѣд., безъ указанія источника, откуда она заимствована. Эта родословная весьма невѣрна и не полна, въ чемъ легко можно убѣдиться, сличивъ ее съ печатаемою нынѣ, основанною на документальныхъ данныхъ. Но мы не рѣшились исключить нѣсколькихъ ея показаній, относительно которыхъ въ актахъ не нашли ни потвержденія, ни отрицанія, такъ какъ намъ кажется, что родословная изд. Русскою Стариною, заимствована изъ бумагъ историка Н. Ан. Маркевича, который могъ располагать свѣдѣніями, у насъ не находящимися, напр. заимствованными изъ дворянской родословной книги черниговской, или полтавской губерніи.

Наконецъ свѣдѣнія о современныхъ Марковичахъ внесены нами на основаніи или личнаго знакомства, или показаній самихъ же Марковичей, конечно, своихъ ближнихъ родныхъ хорошо знающихъ.

Мы помѣстили № 1 Авраама Марковича, какъ лицо, отъ котораго несомнѣнно произошли исторически извѣстные малорусскіе Марковичи; но болѣе чѣмъ вѣроятно, что къ тому же самому роду относится и еще нѣсколько извѣстныхъ намъ малорусскихъ Марковичей XVII в., напр. жившій въ Прилукѣ въ 1615 г. Якубъ Маркевичъ, давшій, вмѣстѣ съ нѣсколькими благородными православными панами, рекомендательную грамоту настоятелю Густынскаго монастыря Исаѣ Копинскому къ князю Вишневецкому (Лѣт. мон. Густынск. стр. 8); причемъ изъ контекста видно, что Якубъ Маркевичъ самъ паномъ не былъ; вѣроятно, онъ былъ лицомъ, служившимъ у кн. Вишневецкаго. Затѣмъ извѣстенъ Адамъ Марковичъ, урядникъ прилуцкій въ 1638 г., по всей вѣроятности, сынъ предшествующаго, судя по близкимъ его отношеніямъ къ кн. Вишневецкому, именемъ котораго онъ и распорядился съ Густынскимъ монастыремъ (Акты относ. къ истор. Южн. и Зап. Россіи т. III, стр. 6—7). Очень возможно, что Адамъ Марковичъ, угождая кн. Вишневецкому, сталъ уніатомъ, или даже католикомъ (Якубъ Маркевичъ былъ, конечно, православнымъ); а потомки его снова вернулись въ православіе, каковое ихъ поведеніе и не осталось безъ вліянія на образованіе разсказа о перекрещенствѣ Марковичей, о которомъ будемъ говорить далѣе.

Свѣдѣній объ Авраамѣ Марковичѣ (№ 1) нѣтъ; но соображенія о немъ см. въ статьѣ П. Я. Дорошенка (стр. 697); то, что сообщено объ Авраамѣ Марковичѣ въ Родословной изд. Русскою Стариною, есть лишь догадка ея составителя.

О Маркѣ Авраамовичѣ (№ 2) см. въ статьяхъ Лазаревскаго и Дорошенка. Изъ духовнаго завѣщанія сына его Федора Марковича (№ 5) можно заключить, что отецъ его жилъ въ с. Сорочинцахъ возлѣ г. Прилукъ.

О сестрѣ Марка Авраамовича Бендычкѣ см. у Дорошенка. Не знаемъ, были ли у нея наслѣдники, но такая фамилія не встрѣчается въ Прилукщинѣ, а въ числѣ имѣній, которыми, судя по уступочному письму вдовы Ф. Маркевича (№ 5), владѣлъ этотъ Марковичъ, племянникъ Бендычки, былъ и хуторъ Бендзиковскій.

Библейскія имена первыхъ извѣстныхъ Марковичей: Авраамъ, Маркъ, жизнь ихъ въ Прилукщинѣ, погребеніе Марка Авраамовича (и сына его Ивана—№ 4) въ Густынскомъ монастырѣ, имъ обогащенномъ—все это, по нашему мнѣнію, не можетъ не считаться достаточнымъ доказательствомъ принадлежности этихъ Марковичей къ одному роду съ названными выше Якубомъ и Адамомъ Марковичами; и мы полагаемъ, что Авраамъ Марковичъ скорѣе всего былъ сыномъ Адама Марковича. Библейскія имена, какъ увидимъ ниже, продолжаются въ родѣ Марковичей и далѣе.

Андрей Марковичъ (№ 3)—лицо достаточно извѣстное; см. о немъ хоть у Лазаревскаго въ статьѣ о Марковичахъ; нѣкоторыя новыя свѣдѣнія см. въ Опис. Стар. Малор. вып. I, стр. 261—262; съ Андрея Марковича начинается родословная 1797 г. (см. выше). О смерти жены Андрея Марковича см. записки Як. Марковича II, 195. Въ Истор. стат. опис. ром. Св. Дух. Собора жена Андрея Марковича названа Маріею Семеновною, урожд. Столповскою; но это ошибка—см. ниже.

Объ Иванѣ Марковичѣ (№ 4) тоже см. у Лазаревскаго и Дорошенка; о смерти его Зап. Як. Марк. I, 49. Онъ былъ бездѣтенъ и жена, его пережившая, получила весьма значительное движимое имущество—ibid. 51; недвижимыя же имѣнія перешли къ роднымъ; изъ завѣщанія брата его Федора Марковича (№ 5) знаемъ, что Иванъ Марковичъ подарилъ ему нѣкоторыя имѣнія еще при жизни. Имя жены Ивана Марковича указано намъ г. Дорошенкомъ, причемъ онъ считаетъ Софію Кондратьевну второю женою, а первою называетъ Евфросинію Федоровну Думитрашко-Раичъ; но это ошибка—см. ниже. Въ статьѣ о Марковичахъ г. Дорошенко тоже Е. Ф. Думитрашко называетъ женою этого Ивана Марковича и говоритъ, что она похоронена въ Густынскомъ монастырѣ; вѣроятно послѣднее извѣстіе надо отнести къ Софіѣ Кондратьевнѣ. Въ родословной 1797 г. Ивана Марковича нѣтъ, такъ какъ она спеціально приводитъ лишь поколѣніе Андрея Марковича.

О Федорѣ Марковичѣ (№ 5) тоже см. у Лазаревскаго и Дорошенка, равно и любопытныя свѣдѣнія у Лучицкаго Сборникъ

матерьяловъ для исторіи общественныхъ земель и угодій въ лѣвобережной Украинѣ № XIII, стр. 139—149. Родословная 1797 г. и о немъ, конечно, не упоминаетъ. Въ родословной Русск. Стар. Федоръ Марковичъ показанъ старшимъ сыномъ Марка Авраамовича; но это явная ошибка: онъ именно былъ младшій сынъ; см. у Лазаревскаго, узнавшаго объ этомъ изъ духовнаго завѣщанія Ф. Марковича. Изъ духовнаго завѣщанія видно, что хотя братья и сестры обобрали Федора Марковича, но ему достался отцовскій домъ въ Сорочинцахъ, гдѣ онъ и жилъ въ „великомъ будынку". Еще до смерти отца Ф. Марковичъ получилъ нѣкоторыя земли отъ него и отъ своего тестя Тамары. Такъ въ самый годъ женитьбы онъ купилъ у Семена Забѣлы хуторъ возлѣ с. Туровки (прилуцкаго у. полтавск. губ.), гдѣ и построилъ для себя дворъ. Послѣ смерти отца, когда Ф. Марковичъ былъ обобранъ, по его словамъ, братьями и сестрами, ему снова помогли родные его жены; на ея деньги прикуплено было много всякихъ угодій; затѣмъ многіе мелкіе грунты, лѣса и пр. нажиты были Ф. Марковичемъ совмѣстно съ женою; иные подарилъ ему братъ—Иванъ Марковичъ; такъ что у Ф. Марковича были огромныя имѣнія, разсыпанныя по всему нынѣшнему прилуцкому уѣзду, а частью находившіяся въ пирятинскомъ (въ м. Журавкѣ), переяславскомъ (въ м. Яготинѣ), нѣжинскомъ (въ м. Монастырищахъ), борзенскомъ (около м. Ични) и др. уѣздахъ полтавской и черниговской губерній. Въ 1737 г. 21 ноября Ф. Марковичъ написалъ обширную духовную, гдѣ перечислилъ всѣ свои имѣнія, разсказавъ и о способахъ ихъ пріобрѣтенія, и всѣ оставилъ во владѣніе жены, отъ воли которой зависѣло такъ или иначе надѣлить ими дѣтей. Умеръ онъ вѣроятно вскорѣ послѣ этого; по словамъ уступочнаго письма его жены онъ составилъ свое завѣщаніе, будучи въ крайней смертной слабости здоровья своего; притомъ 20 апрѣля 1741 г. его вдова, представившая его завѣщаніе къ утвержденію въ переяславскую полковую канцелярію, была замужемъ за бунчуковымъ товарищемъ Александромъ Саковичемъ. Хотя Екатерина Степановна вышла замужъ еще до 1712 г., т. е. до смерти свекра, и въ 1737 г. одинъ изъ сыновей ея былъ уже на само-

стоятельномъ хозяйствѣ и женатъ (см. ниже), но все же она, повидимому, осталась по смерти мужа женщиною не старою, такъ какъ въ 1737 г. у нея была еще несовершеннолѣтняя дочь. Уступочное письмо Екатерины Степановны показываетъ, что она въ 1747 г. жила въ с. Туровкѣ; грамотѣ она не умѣла. Федоръ Марковичъ въ завѣщаніи 21 ноября 1737 г. приказалъ похоронить себя рядомъ съ братомъ Иваномъ въ церкви св. Тройцы въ Густынскомъ монастырѣ, но потомъ передумалъ и приписалъ въ P. S., чтобы его похоронили въ склепѣ въ приходской церкви св. Николая въ с. Сорочинцахъ, ибо, какъ онъ выразился: не мѣстце человѣка святитъ, но человѣкъ мѣстце. Вѣроятно, это его желаніе было исполнено.

Лазаревскій въ статьѣ о Марковичахъ говоритъ, что у Марка Аврамовича (№ 2), кромѣ Андрея, Ивана и Федора было, кажется, еще 2 сына. Повидимому это мнѣніе основывается на показаніи духовной Ф. Марковича, что послѣ смерти его отца его имѣніе было раздѣлено на 10 частей; а такъ какъ у Марка Аврамовича извѣстно было 5 дочерей, то отсюда выводъ—что у него было и 5 сыновей. Но, неговоря уже о томъ, что фактъ раздѣла имѣнія Марка Аврамовича на 10 частей самъ по себѣ еще не обозначаетъ, чтобы было у него 10 дѣтей, такъ какъ одну или двѣ части могли взять и иные родичи, изъ которыхъ даже упоминается, какъ попользовавшаяся пожитками дѣда, внучка Марка Аврамовича, дочь его дочери, бывшей за Голубомъ (см. ниже), сама бывшая замужемъ за Чарнышомъ; одну часть могъ взять себѣ швагеръ Марка Аврамовича Михаилъ Ограновичъ, принимавшій, какъ видно изъ духовной Федора Марковича, участіе въ раздѣлѣ имѣній Марка Аврамовича,—во всякомъ случаѣ, даже допустивши, что у послѣдняго было 10 дѣтей, приходится принять, что дочерей было семь, а сына только три. Свѣдѣнія о дочеряхъ Марка Авраамовича сохранились случайныя и даже нѣсколько сбивчивыя; въ духовномъ завѣщаніи Ф. Марковича упоминается напр. всего двѣ сестры: Скоропадская (въ 1-мъ бракѣ за Голубомъ) и Гонзеровская. Тогда какъ въ этой духовной постоянно говорится только о 3-хъ братьяхъ; напр. хуторъ возлѣ Рудовки дѣлится на три части: одна достается Андрею, другая Ивану, третья

Федору. Млыны въ м. Журавкѣ раздѣляются на 2 части между Андреемъ и Федоромъ, а Иванъ вмѣсто своей части беретъ изъ отцовскихъ денегъ 1000 золотыхъ монеты доброй. Вообще Федоръ Марковичъ постоянно говоритъ въ своей духовной о братьяхъ, но только объ Андреѣ и о покойномъ Иванѣ; очевидно другихъ у него и не было. Младшими, чѣмъ онъ, эти воображаемые братья быть не могли, такъ какъ видно, что Федоръ былъ самый младшій сынъ, почему и сѣлъ на отцовскомъ гнѣздѣ; умереть послѣ 1712 г. особенно молодыми они тоже не могли, ибо въ это время Федоръ Марковичъ, самый младшій, былъ уже женатъ и имѣлъ свое собственное хозяйство.

Одно мѣсто записокъ Якова Марковича могло бы быть истолковано такимъ образомъ, что у него былъ дядя Андрей—см. I, 433: слышно намъ, что дядько нашъ роменскій Андрей представился. Но здѣсь авторъ записокъ называетъ дядькомъ Андрея Гонзеровскаго, мужа своей родной тетки; ср. II, 14: рано поѣхали.... до дяди Стефана Миклашевскаго, т. е. мужа другой родной тетки.

Имена дочерей Марка Аврамовича, кромѣ одной, существованіе которой можно допустить лишь на основаніи показанія духовной Федора Марковича и имени которой мы не знаемъ (см. выше), и ихъ мужей видны изъ записокъ Якова Марковича; см. у Лазаревскаго и Дорошенка. Что одна изъ дочей была за Даровскимъ см. въ Опис. стар. полка стр. 352. Дорошенко приводитъ указаніе историка Н. Ал. Марковича, что одна изъ дочерей Марка Аврамовича была замужемъ за наказнымъ гетманомъ Павломъ Полуботкомъ; но это ошибка, сдѣланная историкомъ, какъ это видно изъ письма, приведеннаго Дорошенкомъ, потому, что онъ писалъ по памяти, не справляясь съ источниками, которыхъ у него въ то время не было подъ руками. Тутъ же Н. Ал. Марковичъ надѣлалъ и еще ошибокъ и, конечно, по той же самой причинѣ. На дочери этого Полуботка былъ женатъ извѣстный авторъ записокъ Яковъ Андреевичъ Маркевичъ (№ 6).

Невѣрно и указаніе родословной, изд. Русской Стариной, что одна изъ дочерей Марка Аврамовича была за Андр. Гудовичемъ; сынъ этого Гудовича—Василій Андреевичъ былъ женатъ на вдовѣ

Даровскаго урожденной Носъ—см. Опис. стар. пол. стр. 353, а потомъ на внучкѣ Марка Аврамовича—Маріи Миклашевской, см. Зап. Як. Марк. II, 297 и 391.

Яковъ Андреевичъ (№ 6)—извѣстный авторъ записокъ, гдѣ, конечно, заключаются важнѣйшія о немъ свѣдѣнія; см. и статью Лазаревскаго. Затѣмъ много извѣстій о немъ разсыпано въ Кіевской Старинѣ, гдѣ ихъ легко найти по указателямъ собственныхъ именъ, и въ Истор. стат. опис. черн. епархіи. О смерти его первой жены см. его Записки II, 221; потомъ Яковъ Андреевичъ чуть было не женился на Танской, даже обручился съ нею (ibid. 258); о времени смерти второй жены см. Ист. ст. оп. черн. епархіи VII, стр. 299. У второй жены Якова Андреевича мать тоже была во второмъ бракѣ—за генеральн. судьею Федоромъ Лысенкомъ (Зап. II, 261 и 290). Въ Ист. ст. опис. черн. еп. V, стр. 388 упомянута Марія Марковичева подскарбіева генеральная въ 1713 г.; но здѣсь въ годѣ явная опечатка и видно, что рѣчь идетъ о женѣ Як. Андр. Марковича.

Остальныя дѣти Андрея Марковича (№ 7—11) въ печати извѣстны менѣе Якова Андреевича, хотя о нихъ есть достаточно свѣдѣній въ запискахъ послѣдняго; къ сожалѣнію авторъ не сообщаетъ даже порядка ихъ старшинства; въ нашей родословной мы держимся порядка, указаннаго въ родословной 1797 г., такъ какъ очень вѣроятно, что Іосифъ Марковичъ (№ 27) хорошо зналъ порядокъ старшинства своихъ дядей; притомъ въ такомъ же порядкѣ дѣти Андрея Марковича постепенно являются на службѣ, какъ это видно изъ записокъ Якова Марковича.

О смерти Андрея Андреевича (№ 7) см. Зап. Як. Марк. I, 271; о смерти его жены ibid. 335; она умерла въ с. Будкахъ, которыми, вѣроятно, владѣла.

Маркъ Андреевичъ (№ 8) жилъ въ Стародубѣ, но умеръ въ Москвѣ (Зап. Як. Марк. II, 324), о женѣ его—Марфѣ Семеновнѣ урожденной Березовской—ibid. I, 353, 357, II, 386. Объ этой семьѣ часто упоминается и въ Дневникѣ Ханенка (о вдовѣ Марка Андреевича на стр. 507); послѣ смерти Марка Андреевича вдова его жила въ с. Засульи около г. Роменъ.

Въ Ист. ст. опис. роменск. Святодуховск. собора, составл. И. Ал. Курловымъ, стр. 30 и д. говорится, что въ Ромнахъ жила богатая помѣщица Марфа Семеновна Марковичъ, жена генеральн. обознаго Андрея Марковича, дочь полковаго лубенскаго хорунжаго Семена Столповскаго, родной братъ котораго Степанъ Столповскій былъ настоятелемъ Успенскаго собора въ Ромнахъ. Авторъ сообщаетъ даже нѣкоторыя подробности о роменскомъ домѣ этой Марфы Семеновны Марковичъ. Умерла она въ 1779 г. и погребена въ своемъ же с. Засульи, возлѣ Роменъ, въ Троицкой церкви, постройкѣ которой она много содѣйствовала; она имѣла сына—Андрея.

Не трудно доказать, что у генеральнаго обознаго Андрея Марковича жены Марфы Семеновны не было. Онъ овдовѣлъ въ 1743 г., когда имѣлъ около 70 лѣтъ; къ тому же фактъ вторичной женитьбы отца несомнѣнно былъ бы занесенъ въ записки сына—Якова Андреевича; да и вообще Андрей Марковичъ былъ лицомъ очень важнымъ въ свое время и біографія его хорошо извѣстна. Очевидно, авторъ описанія просто ошибся, хотя и пользовался рукописными источниками, хранящимися въ роменскихъ церквахъ и въ архивѣ роменской городской думы. Возможно, что, найдя указанія въ своихъ источникахъ о пожертвованіяхъ на церкви въ Ромнахъ жены генер. обознаго Андрея Марковича, которая тоже жила въ Ромнахъ, онъ и смѣшалъ ее съ другою благотворительницею, Марфою Семеновною Марковичъ, ему лучше извѣстною.

Не сомнѣваемся, что эта послѣдняя должна считаться вдовою Марка Андреевича Марковича, которая тоже называлась Марфою Семеновною, жила въ половинѣ XVIII в. въ с. Засульи и имѣла сына Андрея. Существованіе въ с. Засульи одновременно двухъ Марфъ Семеновнъ Марковичъ, да еще имѣвшихъ сыновей Андреевъ, очень трудно допустимо. Но мы не умѣемъ согласить извѣстія, что Марфа Семеновна была урожденная Березовская съ обстоятельнымъ показаніемъ Курилова, заимствованнымъ, судя по точности, изъ писаннаго источника, что она была дочь Столповскаго, лица въ свое время очень извѣстнаго (см. о немъ Кіевск. Стар. 1888 г. № 9, Теличенко: Очеркъ кодификаціи малоросс. права, passim).

Что знаніе родословія Марковичей у Г. Курилова не безошибочно, видимъ изъ упоминаемаго имъ сына генеральнаго обознаго Андрея Марковича и названной выше Марфы Семеновны—Андрея же, полковника, жившаго въ Ромнахъ въ самомъ концѣ XVIII в. Полковникъ Андрей Марковичъ въ концѣ XVIII в. въ Ромнахъ дѣйствительно жилъ (№ 30 нашей родословной); онъ былъ живъ въ 1797 г. во время подачи Іосифомъ Марковичемъ родословной; но это былъ внукъ генеральнаго обознаго Андрея Марковича, сынъ Ивана Андреевича (№ 11), того самого сотника роменскаго, который упоминается г. Куриловымъ на стр. 76 его Описанія и у котораго 2-ая жена, его пережившая, тоже называлась Марфа, хотя была урожденная не Столповская, а Романова; притомъ Иванъ Андреевичъ былъ тоже обозный, только не генеральный, а лубенскій полковой, и вдова его въ зап. Як. Марковича наз. панею обозною (II, 375, 394). Не былъ ли Романовъ, сумской полковникъ, родственникомъ Столповскаго? У генеральнаго обознаго Андрея Марковича (№ 3) былъ однако сынъ Андрей (№ 7), дядя полковника; онъ умеръ въ Ромнахъ въ 1728 г. и могъ при жизни что либо для роменскихъ церквей сдѣлать. Въ довершеніе всего и у Марфы Семеновны Марковичъ былъ дѣйствительно сынъ Андрей, по отчеству Марковичъ, жившій въ Ромнахъ (№ 24,—старшій братъ Іосифа Марковича). Очевидно, что обиліе Андреевъ Марковичей въ Ромнахъ въ XVIII в. сбило составителя описанія и онъ не разобрался въ имѣвшихся у него свѣдѣніяхъ; тѣмъ болѣе, что въ послѣднемъ указанномъ нами примѣрѣ онъ легко могъ отчество Марковичъ принять за фамилію Марковичъ. Во всякомъ случаѣ будемъ ему благодарны за сообщеніе нѣкоторыхъ новыхъ свѣдѣній о родѣ Марковичей.

О смерти Луки Андреевича (№ 9) см. у Лазаревскаго; о женѣ его знаемъ изъ архивнаго дѣла о Марковичахъ, о которомъ сейчасъ скажемъ.

О смерти Семена Андреевича (№ 10) см. зап. Як. Андр. II, 48; о первой его женѣ—ibid. 72 (ср. 65) и 351 (умерла въ Ахтыркѣ); о второй женѣ ibid. 376. Изъ духовной Федора Марковича видно, что Семенъ Андреевичъ жилъ въ Журавкѣ, нынѣ мѣстечко пирятинск. у., полтавск. губ.

Объ Иванѣ Андреевичѣ (№ 11) см. зап. Як. Марк. II, 350 и 370; о первой женитьбѣ его ibid. I, 399, 416; тоже Кіевск. Стар. 1886 г. № 1, стр. 10; о второй женитьбѣ зап. Як. Марк. II, 32; о вдовствѣ его жены—ibid II, 375, 394.

О бракѣ Олеси Андреевны съ Троцкимъ ibid. I, 356 и 363; о смерти ея ibid. II, 244; ея мужа ibid. 238. Изъ разныхъ мѣстъ дневника Як. Андреевича видно, что у автора была всего одна сестра.

Нѣсколько свѣдѣній о Марковичахъ, дѣтяхъ Андрея Марковича (№ 3), стало намъ извѣстно изъ доставленнаго Ал. А. Андріевскимъ дѣла $175^4/_5$ г., находящагося въ архивѣ кіевскаго губернскаго правленія, слѣдующаго содержанія:

Село Короваи, лубенскаго полка, пирятинскаго повѣта, сперва принадлежало Свѣчкамъ, а потомъ въ 1720 г. отъ Лукьяна Свѣчки, повидимому не безъ насилія, перешло къ Андрею Марковичу (Кіевск. Стар. 1882 г. № 8, Лазаревскій: Свѣчки, стр. 255 и слѣд.). Когда онъ дѣлилъ свои имѣнія между сыновьями, то формальнаго раздѣла не учинилъ, а лишь отдалъ каждому предназначенный ему участокъ, и с. Короваи досталось дѣтямъ уже умершаго Семена Андреевича (№ 10), которыхъ обоихъ звали Иванами, (№№ 28 и 29). Тогда одинъ изъ Свѣчекъ, кажется, двоюродный внукъ Лукьяна Свѣчки, оттягалъ у Ив. С. Марковича (№ 28) часть с. Короваевъ. Впрочемъ, онъ притязаніе свое объявилъ еще въ 1743 г. ко всѣмъ наслѣдникамъ Андрея Марковича, а отвѣчалъ одинъ Иванъ Семеновичъ. Въ 1754 г. дочери Лукьяна Свѣчки уступили свое право на остальную часть с. Короваевъ Ильѣ Милорадовичу, который и началъ процессъ съ Ив. С. Марковичемъ (№ 29), сославшимся тогда на то, что онъ не одинъ наслѣдникъ Андрея Марковича, почему отвѣтчиками должны быть всѣ сонаслѣдники. Ихъ спросили; они отказывались отъ отвѣта, на томъ основаніи, что Ив. С. Марковичъ (№ 28) самъ владѣлъ с. Короваями, самъ и потерялъ одну ихъ часть. Чѣмъ окончилось дѣло—не видно.

Свѣдѣній о дѣтяхъ Федора Марковича (№ 5) имѣемъ весьма немного, такъ какъ Яковъ Андреевичъ Марковичъ жилъ отъ нихъ

довольно далеко (они жили въ Прилукщинѣ), встрѣчался съ ними, особенно въ послѣдніе годы, не часто и почти не упоминаетъ о нихъ въ своихъ запискахъ, по крайней мѣрѣ въ напечатанной ихъ части. По родословной изд. Русской Стариной у Ф. Марковича было 6 сыновей; въ уступочномъ письмѣ ихъ матери названо три: Дмитрій, Андрей и Василій, и сверхъ того говорится о наслѣдникахъ покойнаго сына Ивана; но еще два сына Ф. Марковича: Михаилъ и Григорій, указанные родословной изд. Р. Стариною, могли умереть до 1747 г., когда составлено было уступочное письмо, не оставивъ наслѣдниковъ; это тѣмъ болѣе вѣроятно, что о Михаилѣ Федоровичѣ Марковичѣ свѣдѣнія есть (см. ниже); поэтому мы внесли въ родословную и Григорія Федоровича.

Порядокъ сыновей Федора Марковича опредѣлить трудно: совершенно ясно, что Дмитрій былъ старше Андрея, Василія и Ивана; изъ духовной Ф. Марковича видно, что сынъ его Дмитрій въ 1737 г. уже имѣлъ собственное хозяйство; тогда какъ братья его еще такового не имѣли; женился Дмитрій еще въ 1731 г.; въ поступномъ письмѣ матери порядокъ сыновей всегда одинаковъ: Дмитрій, Андрей, Василій; Дмитрію отданъ былъ отцовскій дворъ въ Сорочинцахъ, гдѣ онъ, вѣроятно, и жилъ, такъ какъ мать его жила въ с. Туровкѣ. Затѣмъ изъ поступнаго письма видно, что Андрей былъ старше Василія; причемъ въ 1747 г. Андрей уже имѣлъ самостоятельное хозяйство тоже въ с. Туровкѣ. Можно еще сдѣлать предположеніе, что Иванъ былъ изъ младшихъ сыновей, такъ какъ имѣнія, назначенныя его наслѣдникамъ, малолѣтнимъ въ 1747 г., были расположены вмѣстѣ съ имѣніями, назначенными Василію; тогда какъ Дмитрій и Андрей получили имѣнія, лежащія въ однѣхъ и тѣхъ же мѣстностяхъ, но не тамъ, гдѣ были имѣнія Василія и наслѣдниковъ Ивана. Что же касается до Григорія и Михаила, то, какое мѣсто занимали они среди братьевъ, опредѣлить пока не возможно, и мы поставили ихъ все же нѣсколько придерживаясь порядка родословной изд. Р. Стариною. Въ родословной 1797 г. и эти Марковичи, конечно, не помѣщены.

О Дмитріѣ Федоровичѣ (№ 12) см. выше, также зап. Як. Марк. I, 367 (женитьба его) и Дневн. Ханенка стр. 477.

Объ Андреѣ Федоровичѣ (№ 13) см. выше; кое что о немъ еще сообщимъ далѣе.

О Григоріи Федоровичѣ (№ 14) см. выше.

О Васильѣ Федоровичѣ (№ 15) см. выше; чинъ его обозначенъ въ подписи на поступномъ письмѣ матери 1747 г.; нѣкоторыя свѣдѣнія о немъ есть въ зап. Як. Марк. II, 210, 212, 220 и въ Дн. Ханенка подъ 1745—1746 г., когда Ханенко постоянно встрѣчалъ его въ С.-Петербургѣ, гдѣ онъ былъ близкимъ къ гр. Ал. Гр. Разумовскому лицомъ.

О Михаилѣ Федоровичѣ (№ 16) упоминаетъ Як. Андр. Марковичъ въ Зап. II, 19 и 93 и Ханенко въ Дневникѣ въ ноябрѣ 1743 г.

Объ Иванѣ Федоровичѣ (№ 17) см. выше; о томъ, что онъ былъ женатъ на Евфросиньи Федоровнѣ Думитрашковой Раичъ, видно изъ бумагъ, доставленныхъ И. И. Марковичемъ; отъ отца онъ получилъ земли при с. Козловѣ переясл. у., полт. губ.; жена, кажется единственная дочь Федора Думитрашка и жены его Федосьи Михайловны, урожденной Гамалѣя, принесла въ приданое земли при м. Березани и сс. Семеновкѣ, Лохковкѣ, Ярешкахъ, переясл. же уѣзда, и половину с. Бербениць съ разными хуторами лохвицк. у.

О дочери Федора Марковича Маріи, бывшей за Ширяемъ, говорится въ духовномъ завѣщаніи ея отца и уступочномъ письмѣ ея матери; она вышла замужъ между 1741 и 1747 годами.

Свѣдѣнія о сыновьяхъ Якова Андреевича (№№ 18—22) и о дочеряхъ его частью взяты изъ его записокъ, частью сообщены намъ П. Я. Дорошенкомъ; изъ нихъ первые три сына и три дочери рождены отъ первой жены, остальныя дѣти отъ второй.

О Семенѣ Яковлевичѣ (№ 18) см. Зап. I, 220.

Объ Андреѣ Яковлевичѣ (№ 19) ibid. 446, II, 272.

О третьемъ сынѣ (№ 20) ibid. 19.

О Михаилѣ Яковлевичѣ (№ 21) въ Запискахъ отца его есть очень много свѣдѣній, начиная съ II, 304; его одного изъ сыновей

Якова Андреевича показалъ Іосифъ Марковичъ въ родословной 1797 г., пропустивъ остальныхъ очевидно потому, что они умерли малолѣтними и очень давно. Къ этому же Михаилу Яковлевичу относится указаніе Кіевск. Стар. 1885 г. № 10, стр. 337, что наслѣдникъ умершаго генеральнаго подскарбія въ 1777 г. захватилъ поспольскія имѣнія (кажется, цибельскія). Онъ былъ очень богатъ, изъ дѣлъ департамента Герольдіи видно, что у него было 5258 душъ. Имя жены Михаила Яковлевича сообщено г. Дорошенкомъ; что она была дочь полковника Забѣлы, видно изъ дѣлъ Герольдіи.

О Гаврилѣ Яковлевичѣ (№ 22) см. Зап. II, 317 и 325 и Дневн. Ханенка стр. 500.

О дочеряхъ Якова Андреевича свѣдѣнія имѣются: 1) Объ Аннѣ въ Запискахъ ея отца I, 398, 410 (ея свадьба въ 1733 г.) и др.; умерла она въ с. Евдокольи, вѣроятно, своемъ имѣніи, въ 1757 г.—ibid. II, 347. 2) О Пелагеѣ—ibid. I, 368, II, 2, 12 (ея свадьба въ 1736 г.), 202 (ея смерть), 257 и др. 3) Объ Анастасьи ibid. I, 53. Что у Якова Андреевича въ 20—30-хъ годахъ было двѣ дочери, см. ibid. 57 и 370. 4) О другой Анастасіи—ibid. II, 276, 369 и др.; О мужѣ ея—въ Спискахъ черниговск. дворянъ 1783 г., Черн. 1890 г. стр. 81. 5) Объ Аннѣ и 6) объ Иринѣ сообщено намъ г. Дорошенкомъ. Что у Якова Андреевича въ 1766 г. была еще дочь, кромѣ Анастасіи (второй), видно изъ Зап. II, 403; значитъ это была Ирина. 7) О Маринѣ см. ibid. 360, 363.

У Якова Андреевича была еще падчерица, тоже Марина, замужемъ за Рачинскимъ, бывшимъ капельмейстромъ у Гр. Разумовскаго, а потомъ сотникомъ въ Новгородѣ-Сѣверскомъ. Яковъ Андреевичъ постоянно называетъ Рачинскаго зятемъ (напр. ibid. II, 392, 398; см. Опис. Стар. Малорос. вып. I, стр. 209).

Указанія на лицъ, означенныхъ №№ 23—29, т. е. родныхъ племянниковъ Якова Андреевича (и ихъ сестеръ), тоже есть въ его Запискахъ; о нихъ, кромѣ тѣхъ, которые умерли въ младенчествѣ, говорится и въ Родословной 1797 г.; кое что есть и въ изложенномъ нами выше архивномъ дѣлѣ о с. Короваяхъ.

И. Зозули, Н. Ѳ. Добротворскаго, Н. В. Шугурова, М. А. Комарова, Ю. Тиховскаго, И. Ж., Ѳ. Кампинскаго, проф. И. Г. Карпинскаго, М. К. Васильева, А. Лобко, Н. Б., Ан. Залѣсскаго, И. А. Л—ко, П. В. Дворжецкаго-Богдановича, Л. П., Л***, П. Китицына, В. Б., В. Гаврыша Ю. Д. Талько-Гринцевича, Кравченка, П. Г., L, А. А. Востокова, Ив. Н., Архим. Леонида, Н. В. Молчановскаго, П. Левицкаго, Ал. Маркевича

Для справокъ. Столбцы, прин. гр. М. Толстому. Сообщ. проф. **А. И. Маркевичъ.**

Въ отдѣлѣ «Библіографіи» помѣщены рецензіи: И. М. Каманина, А. Л., В. А., Н. Л., Н. Г., Амартола, А. І. Степовича, О. Л., П. В. Голубовскаго, Н. Т., Н. Б., Г. З., А. М., А. Р., П. Л., проф. Ѳ. Г. Мищенка, проф. Н. И. Петрова, Н. В. Шугурова, Ц. Г. Неймана, И. Л—ка, В. П. Науменка, Ив. Л. Новицкаго, Ѳ. Н., Проф. Н. Ѳ. Сумцова, Арк. Лященка, Н. М.

Приложенія: Наказы малорос. депут. 1767 г.—Предисловіе В. Тепинскаго къ печати. Евангелію 1570 г. Проф. **П. В. Владимірова.**—Южно-русское житіе св. Владиміра XVI в. съ пред. проф. **П. В. Владимірова.**—Рисунокъ Березенской Вознесенской церкви.—Портретъ Ѳ. Г. Лебединцева.—Отрывки изъ лѣтописи Мгарскаго монастыря, съ пред. **А. М. Лазаревскаго.**—Мемуары, касающіеся исторіи ю. Россіи, съ пред. проф. **В. Б. Антоновича.**—Портретъ М. С. Щепкина въ роли Чупруна. Портретъ А. С. Лашкевича.

Въ редакціи КІЕВСКОЙ СТАРИНЫ продаются:

Жизнь и произведенія Тараса Шевченка М. К. Чалаго. 1882 г. Кіевъ. Цѣна 1 р. за перес. 14 к. (вм. 2 р.).

Монографіи по исторіи Западной и Юго-Западной Россіи. В. Б. Антоновича Т. I. Кіевъ, 1885. Ц. 2 р.

П. И. Житецкій. Очеркъ литературной исторіи малорусскаго нарѣчія въ XVII и XVIII в., съ приложеніемъ словаря книжной малорусской рѣчи по рукописи XVII вѣка. Ч. 1. Кіевъ 1889. Цѣна 2 руб. съ пересылкою.

О. И. Левицкаго. Соцініанство въ Польшѣ и Югозап. Руси въ XVI—XVII вѣкахъ, съ пересылк. и. 60 к.

— Анна-Алоиза, княжна Острожская, съ перес. 45 к.

— Внутреннее состояніе западно-русской церкви въ польско-литовскомъ государствѣ въ концѣ XVI в. и унія, съ перес. 80 к.

— Ганна Монтовтъ, историко-бытовой очеркъ изъ жизни волынскаго дворянства въ XVI вѣкѣ, съ перес. 55 к.

Н. Бѣляшевскій. Монетные клады кіевской губ. К. 1889. Ц. 1 р. 25 коп., съ пересылк. 1 р. 50 коп.

В. П. Науменко. Обзоръ фонетич. особенностей малорусской рѣчи. К. 1889. Ц. 60 коп.

Въ Историческомъ Обществѣ Нестора Лѣтописца могутъ быть пріобрѣтаемы:

Чтенія въ Ист. Общ. Н. Лѣтописца. Кн. 1 1873—1877. Ц. 2 р., 2 кн. 2 р. 25. За пер. прилагается 25 к. Кн. 3 ц. 1 р. съ пер. 1 р. 20 к.

Труды III-го Археологическаго Съѣзда. 2 тома in 4° и атласъ. К. 1878. Ц. 10 р. (вмѣсто 25 р), съ пересылкою 11 р.

Съ требованіями обращаться въ Историческое Общество Нестора Лѣтописца въ Университетъ св. Владиміра, или въ редакцію „Кіевской Старины".

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ „Кіевской Старинѣ“ печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній, разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта, или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки, легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ по мѣрѣ надобности будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній, одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіе шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензіи.

„Кіевская Старина“ выходитъ въ 1890 году, по прежней программѣ и при участіи прежнихъ сотрудниковъ, въ срединѣ каждаго мѣсяца, книжками въ 12 и болѣе листовъ. По мѣрѣ надобности прилагаются портреты и рисунки.

Подписка на „Кіевскую Старину“ въ 1890 г. продолжается:

Цѣна за 12 книгъ, съ приложеніями и рисунками **10 р.** съ доставкою и пересылкою, на мѣстѣ **8 р. 50 к.**, за 6 книгъ **5 руб.**

Подписка принимается въ редакціи журнала „Кіевская Старина“, Малая-Владимірская ул., д. № 32.

Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія какой либо книжки журнала гг. подписчики благоволятъ немедленно по полученіи слѣдующей книжки присылать заявленіе о неполученіи въ редакцію съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтоваго учрежденія.

Въ редакціи продаются полные экземпляры „Кіевской Старины“ за годы 1883, 1884, 1885, 1886, 1887, 1888, 1889 по 8 руб. 50 коп. за 12 книжекъ, съ пересылкою 10 р. При покупкѣ за всѣ годы 20% уступки. Отдѣльныя книги за 1882—87 г. по 1 р.

Издатель К. М. Гамалѣй. За редактора Е. Кивлицкій.